

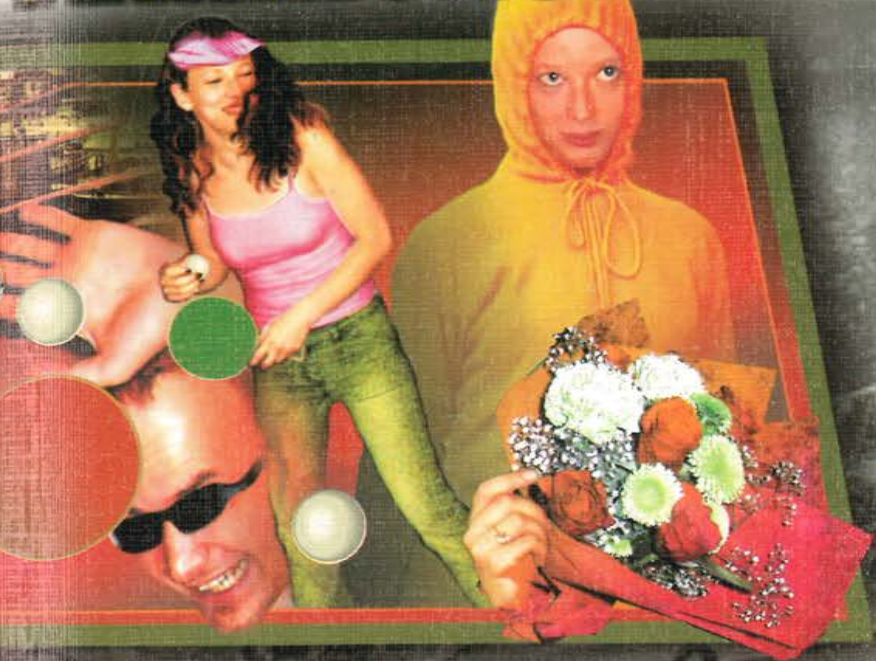
10 $\frac{87-16}{117-5}$ -10-

ПИЩА

СЮРПРИЗЫ
ВРЕМЕНИ

НИКУТИНА Ольга

ТЕННИСИСТКА

КЛЮЧЕНКОВ Александр

ЯЩИК ПАНДОРЫ

ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

ОЛЬГА НИКУТИНА ТЕННИСИСТКА

Руки мои поднялись, чтобы обвить любимого за шею.
- Юля, слушай сюда, - Ворон отвел мои руки. - У нас одна минута. Мы сейчас будем прыгать. Приземлишься на ноги, перекатишься вперед, голову прижми к груди, а дальше скатишься по насыпи. Ты спортсменка, сумеешь собраться.

Он повернул меня к двери. Земля неслась с грохотом под вагоном, скорость стирала ее в бурные полосы.

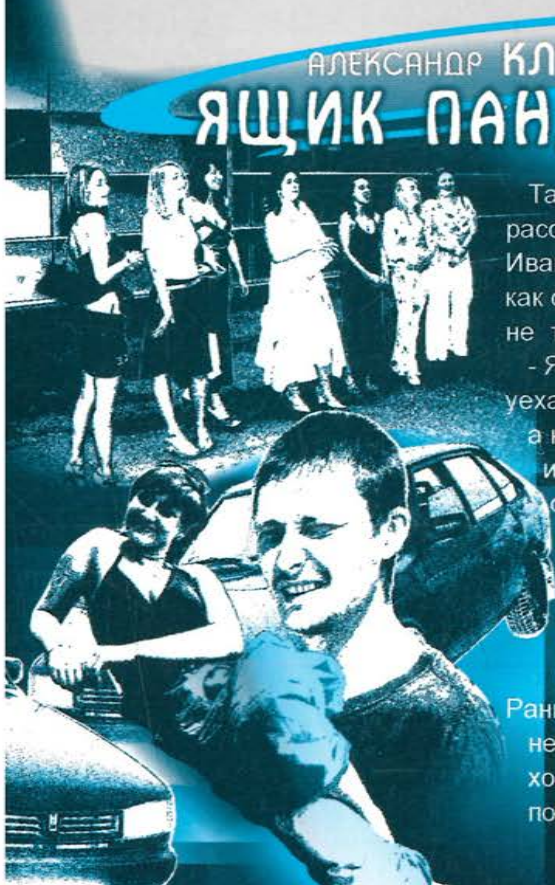
- Нет, Паша, нет! Пашенька, миленький! - услышала я свой крик сквозь грохот колес.

АЛЕКСАНДР КЛЮЧЕНКОВ ЯЩИК ПАНДОРЫ

Таксист Федор принялся расспрашивать Алексея Ивановича о сыне и внуках, как они в деревне, по Москве не тоскуют? Потом рассудил:

- Я бы и сам из Москвы уехал, только некуда. Бардак, а не столица. Одни воруют и жируют. Вторые их обслуживают и охраняют. Кавказцы нас выживают со всех мест, где есть заработок. По ночам работать невозможно: проститутки и бандиты.

Раньше я б их к машине близко не подпустил. А теперь и они хозяева. Деньги шальные, потому и прожигают жизнь.

ПДВНТ

ИЗДАЕТСЯ С 1950 ГОДА

ГЕРОИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТЕКТИВ

МОСКВА

10 $\frac{87-16}{117-5}$

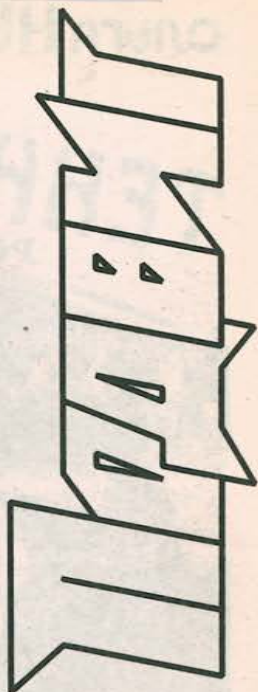
Ольга
НИКИТИНА
ТЕННИСИСТКА

РОМАН
стр. 4

Александр
КЛЮЧЕНКОВ
ЯЩИК ПАНДОРЫ

РАССКАЗ
стр. 244

ОБ АВТОРАХ
стр. 280

2005284726

10 2005

ОЛЬГА НИКУТИНА

ТЕННИСИСТКА

РОМАН

Пролог

Понедельник, 19 июня 2000 года

— С

лава богу! — с глубоким чувством сказала я, совершенно искренне крестясь на бабкину икону, что висит в ее спальне. — Учебный год закончен. Впереди каникулы. Сегодня едем в Сочи на завершающие соревнования.

Наша теннисная делегация состоит из четырнадцати человек: шесть девочек, пять мальчиков, медсестра — одна из родительниц, зарплату за поездку она не получит, но зато едет бесплатно с сыном; и два тренера: я и главный тренер Зудин.

Разместились в плацкарте. В этом году спонсор наш поспешил. А в позапрошлом летели самолетом.

Мы полностью заполнили два плацкартных купе и боковые места. Часть вагона, которую заняли, пищала, визжала и ходила ходуном. Двери в вагон нараспашку: наши девочки, томно обнявшись, парами бродят по всему составу, а в составе, как я зорко заметила, едут призывники срочной службы.

Мальчики спрыгивают на каждой остановке. Я захожусь беспокойством, выглядываю, стоя на верхней ступеньке лестницы, вытягиваю шею и ору хорошо поставленным голосом:

— Ребров, скорее, брось ты эту очередь, все равно не успеешь, марш в вагон!

Усталый проводник, который вовремя понял, что бороться с нами бесполезно, и тем самым сохранил себе здоровье, стоит рядом с вагоном и следит за продвижением очереди Реброва за пряниками.

Ребров, нервы которого укреплены регулярными физическими занятиями, ухом не ведет. Машинист, свистнув ему на прощание, трогает состав. Но Реброву только начали взвешивать пряники. Машинист, свесив кудлатую голову в окошко, ржет над ним, но едет тихо-тихо, чтобы мальчишка успел сосчитать сдачу.

Ребров считает, я готовлюсь спрыгнуть на ходу и отстать с ним за компанию от поезда. Документы у меня на этот случай всегда при себе в кармане шорт. Ребров сдачей недоволен, начинаются препирания с продавщицей, которая хотела воспользоваться спешкой, но ничего у нее не вышло. Наконец Ребров дополучает сдачу, бежит за вагоном, причем прыгает не в первый попавшийся, а догоняет наш, проводник его втаскивает за шиворот.

Локомотив снова свистнул и бодро набирает обороты, я, задыхаясь от нахлынувших чувств, трясущимся Ребровом за грудки и налагаю на него арест. На следующей остановке мы сидим с ним плотно, бок об бок, я держу его за руку, но в окошко вижу, как из вагона, преодолевая сопротивление проводника, вылезает осанистый Костров.

Я ору как блаженная.

Зудин, который командировку воспринимает как вид отдыха, невозмутимо играет в карты в последнем купе у туалета, подальше от нас, поближе к курилке.

Когда с проводником втаскиваем запыхавшегося Кострова, я отбираю у него две свеженькие булочки, отсыпаю ребровские пряники и иду угощать машиниста.

Пококетничав с машинистами и заведя с ними дружбу, бегу опрометью по всему составу. Потому что под любовный клекот молодого помощника машиниста, мне пришла в голову интересная мысль.

Так и есть: девочек, ухитрившихся в туалете вымыть головы, нахожу где-то в районе середины состава, в полутемном тамбуре, в обществе красивых молодых людей в камуфляжной форме, туго стянутой широченными кожаными ремнями в стройной талии.

— Они еще маленькие! — по-змеиному злобно прошипела я.

Оторвав девочек от статных молодых людей, тащу их в наш скучный вагон.

Так ехали весь понедельник и вторник. А утром в среду мы проснулись совсем в другом мире. В этом году горы начались на два часа раньше. И я проспала волнующий момент, когда равнина горбится, будто сбившийся ковер на полу.

Дети прилипли к окошкам, загоразвивая нам с Зудиным вид на море. Но его йодистое дыхание и ванильный зной пляжей проникли в вагон. Мы с Зудиным степенно завтракали колбасой, которую еще вчера вечером отобрали у воспитанников и теперь срочно доедали, пока ее окончательно не убило южное солнце. Пили долгий чай. Одна из самых трудных частей нашей командировки благополучно заканчивалась.

— Приедем, устраивайся, и в зал. С собой бери только Реброва и Кострова, — говорит Зудин.

— И Блохину, — вступаюсь я за свою протезе. Блохину почему-то недолюбливают и, мне кажется, недооценивают.

Мы доели конфеты. Зудин любит крепкий несладкий чай с дешевой карамелью. Его вкусовые пристрастия привились и мне.

В Лазаревском долгий завтрак закончился. Вагон почти опустел: на каждой остановке вдоль побережья он терял значительную часть своих пассажиров. Свернули газету с крошками, и я понесла ее в мусорный ящик перед туалетом. Выглянула в тамбур, хотела постоять у двери и посмотреть на экзотический вид, по которому соскучилась. Последний раз была в Сочи полтора года назад, в ноябре. Как раз тогда и летели самолетом.

Я хотела постоять одна в тамбуре и вспомнить ту поездку, ее потери и приобретения, но тамбур уже был занят. Там стоял невысокий человек с калмыцким лицом. Он курил и задымил весь маленький тамбур. Я не переношу табачный дым, да и человек не внушал доверия. Заглянув за дверь, тут же ее закрыла и вернулась к своим.

Возбужденные дети припали к окошку, полностью заслонив его горячими телами.

— Дельфины! — кричали.

Мне тоже хотелось посмотреть на море. Я за блузку потянула Сташевскую, чтобы она подвинулась и дала и мне посмотреть в окошко, но тут меня саму потрясли за рукав.

Я обернулась: тот же человек, что стоял в тамбуре и курил. Он улыбался. У него — приятное лицо, одет хорошо.

— Что вам? — спросила его.

— Не вашу девочку проводники задержали в четвертом вагоне? Просили подойти.

— Как?

Отпрянув от Сташевской, заглянула в соседнее купе. Окно там совершенно свободно, и только Зудин дремлет после сытного завтрака в тишине и неге, укачиваемый мерным перестуком колес.

С яростью посмотрев на человека с плоским калмыцким лицом, я ринулась мимо него в четвертый вагон. Хотела одним махом распахнуть дверь в тамбур, но не получилось. У двери, к сожалению, была ручка, которую нужно поворачивать. Я дергала и поворачивала, но ничего не выходило. Тогда человек, полный восточного терпения и такта, повернул ручку двери сам, и я шагнула, просто-таки прыгнула в полутьму.

Я мысленно уже летела дальше, чтобы как можно быстрее задать трепку Кочергиной и компании, но ноги мои не поспевали, к тому же меня еще что-то удерживало.

Я рвалась вперед, но держали меня удивительно крепко. Завели мои руки назад. Толкнули вперед прямо на дверь. Дверь открылась, впуская грохот колес, ветер и свет.

Луч света разрезал квадрат полутьмы тамбура пополам и осветил неожиданно знакомое лицо. Бушующая ярость во мне улеглась в доли секунды. Солнце приготовилось взойти над равниной — местностью души моей. Первый его луч блеснул красной звездочкой и пронзил темное, холодное пространство, предвещая рассвет.

Я улыбнулась удлинненным прищуренным глазам Ворона и сказала:

— Ворон.

Именно он, мой любимый из сочинского прошлого, стоял в тамбуре, ждал меня и теперь обнимал сильными руками. В правой его руке блеснул нож, но он куда-то сразу пропал, и я о нем забыла.

Тот, с калмыцким лицом, тоже был тут.

— Юлька, — сказал Ворон, — Юлька Пузанова! — и даже глаза прикрыл от душевного потрясения. Я была польщена полнотой его чувств ко мне. Руки сами поднялись, чтобы обвить шею любимого.

— Юля, слушай сюда, — Ворон отвел мои руки.

Зрачки его проявились меж длинных ресниц. Какие глаза природой были дарованы Ворону! И как жизнь расточительно, безжалостно губила эту красоту, топя их в морщинах и набрякших веках!

Я опять потянулась к нему губами, но Ворон держал крепко, не давая приблизиться.

— Юля, выслушай меня до конца, не прерывая. Ты сможешь это сделать? — Ворон говорил, как всегда, очень медленно, а сейчас и вовсе будто гипнотизируя. Как я соскучилась по его голосу. Как я могла прожить полтора года без него! Меня заполняло бешеное ликование. Хотелось вцепиться в белую рубашку и не отцепляться никогда.

— Слышишь? — спросил Паша.

Я кивнула.

— У нас одна минута. Мы сейчас будем прыгать. Я с тобой, не бойся. Приземлишься на ноги, перекатишься вперед, голову прижми к груди, а дальше скатишься по насыпи. Ты спортсменка, сумеешь собраться. Не задерживай свое движение.

Я почувствовала, что у меня, как у Шварценеггера в фильме «Вспомнить все», глаза полезли из орбит и остались висеть на ниточках. Я широко открыла рот...

Но Паша прикрыл его ладонью, прерывая мощный ток воздуха, что вбирали мои объемистые легкие. Он повернул меня к двери. Земля неслась с грохотом под ногами, скорость стирала ее в бурые полосы.

— Нет, Паша, нет! Пашенька, миленький! — услышала я свой крик сквозь грохот колес. — Прошу тебя, не надо! Ты не понимаешь! Я не могу! Я разобьюсь!

— Тихо! — сказал в ответ Ворон и наклонил меня еще больше вперед. Я вдруг поняла, что осталось несколько секунд. Наступила такая тишина, какую я в жизни не слышала. Время остановилось. Сердце замерло.

— Смотри, — сказал Паша, удерживая мои руки сзади. — Смотри на землю. Примерилась? Прыгай на насыпь. Я твои руки отпускаю. Внимание! Ну!

Я быстро переступила ногами, примериваясь и готовясь к прыжку. Паша подтолкнул меня в спину. Я видела каждый камешек на земле и вообще все вокруг. Жирный блеск синего моря, летящих вдоль берега белых чаек. Как летел Паша, как приближался ко мне колючий куст. Ноги коснулись земли, но тело летело дальше, я закрыла голову руками, вламываясь в колючие ветки. Солнце, что всходило над равниной души моей, вспыхнуло во всю мочь и разлетелось на искры.

Глава 1. Ах, лето знойное

Для Беликовых лето 2000 года начиналось так.

В апреле женили сына. Квартиру сняли пополам с той стороной. Отселили молодых. Напоследок Беликов отстегнул на мягкую мебель и сказал: «Все, больше нету. Дальше сами».

Перекрестясь, еще не отойдя от свадебной суматохи, взялись за сад. Полковник Беликов все больше отстранялся от дел, волны больше не гнал, тихо сидел в Конторе от понедельника до пятницы, а в пятницу с обеда всеми правдами и неправдами исчезал из рабочего кабинета.

Старый отдел расформировывался. Ведомство выработало новую концепцию. И согласно ей реконструировало старую систему. В Департаменте экономической безопасности ФСБ России создано самостоятельное управление по борьбе с контрабандой и незаконному обороту наркотиков. Беликова, скорее всего, попросят в отставку, давно пора. Вместо подразделения, которое он возглавлял, создают новое, с другой нумерацией: 220. И возглавит его, скорее всего, мало кому известный в Управлении Синицын. Но все это Беликова мало интересовало. В последнее время он очень изменился,

новых дел не брал и демонстративно уходил от серьезных разговоров, называя себя пенсионером.

Двенадцатого мая, в пятницу, Беликовы приехали на участок в шестом часу вечера.

Любопытный сторож, открывая ворота, заглянул в машину. Поздоровался. Беликов, любящий бедных и сирых, приоткрыв дверь, пожал испитому сторожу руку. Тоня очень не любила пьющих, но любила демократизм мужа. Она считала, что эта простота от силы и благородства.

Ехали по массиву вниз, прямо на солнце. Тоня щурилась, ее раздражало ощущение полноты жизни. Пока Беликов устраивал машину в гараже и разгружал багажник, она занялась занавесками. В прошлый раз мыла окна, сегодня вешала занавески. Предвкушала визиты подруг. Посуды привезли целую коробку из-под телевизора, все надо расставить.

Беликов, перетаскав коробки из машины в дом, вытащил последнюю, свою. Компьютер дома он разгрузил и память почистил. А бумаги сложил в коробку и привез на дачу. Вышел на участок. Подошел к дырявой бочке, где жгли мусор. Коробку поставил рядом. Сел на обрубок ствола яблони, что осенью срубили и, распилив, приготовили для костра. Порылся в бумагах, привезенных из дома. Вытащил два конверта. Сжечь, не сжечь? Подумал, потасовал оба конверта.

Две жизни, которые можно сохранить. Попытаться, по крайней мере.

Посмотрел вдаль. Какой простор! Голубое и нежно-зеленое. Слоистые, плоские облачка. Тугой, теплый ветер со стороны березовой рощи.

Что-то стукнуло в доме. Полковник очнулся. Взглянул на раскрытое окно. Занавески сдунули чашку с подоконника на пол. Беликов с прошлого приезда ее там оставил. Возмущенная жена показала ему осколки и кулаком погрозила.

Беликов взял оба конверта и сунул их за пазуху. Все остальные бумаги он сжег вместе с дерматиновыми и картонными папками. Пока горело, Беликов граблями сгребал прошлогоднюю листву и подбрасывал в костер. Палкой

перемешивал тлеющие стопки бумаг с листвою. Все вместе разгоралось с новой силой. На других участках тоже жгли костры. Люди прибирались в садах, столбы дыма протянулись к веселому небу.

Вечером к Тоне пришли обе подруги, при прическах и каблуках. Беликов от них сбежал к соседу по участку — начальнику архива в Управлении, своему другу — Рыльскому. Садоводческое товарищество ведомственное, и многие садоводы знали друг друга еще и по работе.

Бутылку Рыльский и Беликов распивали не спеша, малюсенькими керамическими стопочками, которые потому и привезли на дачу, что слишком малы. Когда в бутылке осталась одна треть, задумчивый и молчаливый Беликов вдруг сказал:

— Максу надо письмо передать. Сделаешь?

— Какому? — удивился Рыльский. Он знал одного Макса — Грибова, но тот — заместитель Беликова, они сидят в соседних кабинетах, так с чего друг другу письма слать?

— Моему. Грибову. Он в командировке. Звонить я не стал. В понедельник должен выйти на работу. Думал, доживем до понедельника...

— А теперь что, не доживем?

Вопрос оказался сложным для Беликова. Как-то он взгляд отвел и плечами пожал, будто сомневается. Рыльский испугался, что своими вопросами и нерешительностью отклонил просьбу друга. Подтолкнул Беликова:

— Что-то забыл? Бывает. Возраст. Я тоже рассаду оставил дома сохнуть, мне Людка с ней всю плешь проела. Когда надо-то?

— Вчера. Чем раньше, тем лучше.

— Мы завтра за рассадой вернемся в город... Могу подкинуть письмо Макс.

— Заедешь к нему? Два конверта передашь, и все. Скажи, от меня. Я один конверт подписал. Видишь: отпечатано «П.Ю.» Он знает кому. Пусть тоже поторопится. А другой, неподписанный, сам прочитает.

Борис посерьезнел. Странно, что Беликов не воспользовался своими курьерами. Хотя... Беликову вот-вот подпи-

шут приказ об отставке. Что-то быстро он отошел от дел... Макс, своему заместителю, письмо пишет. А где Макс? Беликов сказал: в командировке. Скоро вернется.

Все равно странно... У Беликова в Управлении, говорят, лучшая агентура. Он вообще считается мастером по созданию агентуры. Жалко такого человека терять. А тут... Записки пишет. Хотя, в Управлении в связи со сменой руководства и реорганизацией сейчас такое... Может, поэтому Беликов перестраховывается?

Не хотелось Рыльскому тащиться в другой конец города и субботний вечер растрчивать на служебные поручения. Но полковник в первый раз за всю жизнь подошел к нему с подобной просьбой. Отказать нельзя.

Беликов следил, как Борис положил конверты под стопку старых газет, что лежали у круглой печки, обитой листовой сталью.

Дальше водка допивалась вяло. Беликов все дела подчистил, и его опять взяла тоска. А уж как делать стало нечего, гость собрался домой. Ему усердно махали с крыльца.

На следующий день, утром, сонный сторож садоводческого кооператива, едва поднявшись, отпирает ворота двум гудящим черным машинам. В одной он узнал «Волгу». Вторая была необычной иномаркой. Но сторожу было не до нее. Рано утром, часа два назад, из садов рвались «ожигули», вот так же нагло гудя. Сторож гнусаво обложил их, выпустил, запер ворота и только заснул: опять двадцать пять, еще семи нет, а уж прутся.

Не хотел вставать, так подняли, за шиворот тряхнули. Откормленные, и морды протокольные.

Все обычные слова сразу забыл, трясучими руками еле замок отомкнул, а уж цепь сами распутали. Те, с протокольными мордами, ворота распахнули и держали за обе створки. Машины плавно и бесшумно вплыли на территорию садоводческого товарищества. Сторож критически прислушался к родной «Волге», хотел уловить ее дыхание, более шумное, чем у прекрасной иномарки. Но нет, все тихо. Может, потому, что машина люксовая, вон и стекла притемнены, и на крыше люк приподнят, чтобы сидящий в чреве

машины боров, что на глаза не показывается, вдыхал свежий, пахнувший горькими тополиными листьями воздух.

Один молодой, со щеками цвета разгорающейся зари, темными гусарскими усиками, карими блестящими глазами встал на крыльце со сторожем и душевно, тихо так, поутреннему, спросил, глядя мечтательно вдаль: «Где Беликовы?». Сторож не знал. На массиве почти тысяча участков. Где тут Беликовы, ау!

— Серая «Волга». Самого зовут Леонид Петрович. Жена — Тоня, собачка маленькая.

Сторож спросонья хотел соврать: нет. Но понял: сейчас предъявят документы. Полезут к председателю в стол. Возьмут амбарную книгу и найдут несчастного Беликова. Человек обречен. Помочь никак нельзя. А жаль, вчера только руку ему жал. Грех, но сказал, махнув рукой:

— Езжай в конец главной линии, на берегу, последний участок.

Машины поехали по главной линии вперед, а молодой с гусарскими усиками остался при стороже. Вдвоем они постояли на крыльце, следя за машинами. Сторож аж впал в некоторый транс, вглядываясь, как медленно плывут, покачиваясь по волнообразной дороге, машины, но линия уходила вправо, и «Волга» с иномаркой, доехав до последней точки, пропали из виду.

Молодой дернул его за руку и сказал, что надо задать несколько вопросов.

У сторожа тоже были свои вопросы, но почему-то он их не задавал. А мог бы. Документы спросить — его обязанность. Массив закрыт для проезда до семи утра. А вчера вечером председатель объявление повесил, что на время цветения плодовых, массив закрывается для всех видов транспорта. За нарушение — штраф 50 рублей.

Но сторож цепенел, глядя в юное лицо. На нем была печать существа высшего порядка. И сторож жался и стеснялся, как перед девушкой.

— Как ночь прошла, спокойно? — спросил для разминки молодой.

Ночь прошла спокойно. Как могла пройти ночь с Сазанычем и бутылкой на двоих?

— А утки здесь бывают?

— Утки? — Вопрос простой, а что ответить? Утки бывают. Как раз летят. Но какая охота в мае? Одни перья и кости.

— Стреляют тут по уткам-то?

— Бывает, — говорит сторож. Неохота ему отвечать на вопросы. — Только осенью. Сейчас что? Если только мальчишки. Так они в воду не полезут. Тут нужна собака хорошая. А так только по воронам стреляют.

— Вчера слышал, стреляли?

Вот оно! И слышал бы, не сказал.

— Не слышал.

— Много вчера народу приехало?

— Как же! Весь массив приехал. Пятница ведь. Самое время. День год кормит.

— Ясно. На машинах приезжали?

— И на машинах, и на автобусах. Всяко приезжали. Народ идет, как на демонстрацию.

— А как же на машинах приезжали, если объявление повесили?

— Объявление повесили вечером. Надо же народ сначала предупредить. А то как? Приедут, и куда? Назад? Вот сегодня все прочтут, выпустим, и все, замкнем ворота. На две недели карантин.

Помолчали. Молодой готовился к главному вопросу.

— Меня интересуют зеленые «жигули». Третья модель, выпуск примерно начала восьмидесятых...

— Ну?

— Когда они уехали?

Навскидку выходило, что от ответа не уйти.

— Сегодня уехали, аккуратно перед вами.

— Во сколько?

— Не знаю, спал я. На часы не глядел. Погудели под окнами. Встал, открыл и опять лег.

— Час назад?

— Не знаю.

— Два часа?

— Не знаю.

— Подумайте, я подожду.

Молодой сидел и глядел ясными глазами на сторожа. Ни покурить не вышел, ничего. Не всколыхнулся. Ясно было, что он и сторожу не даст закурить, пока ответ не услышит.

Сторож поскреб шею, в плечо, грудь. Хотелось попить, закурить, и опять можно спать. С Сазанычем до утра соловьев слушали и лук, нанизанный на палочки, жарили. «Дым костра создает уют...» Угольки тлели. Душевно сидели. Теперь самое время спать.

Усатенький же: усики темные, словно бархоточка приклеена, бровки такие же, свеженький, бодренький, он покоя никакого не даст, пока ответ не получит.

— Скорее часа два назад, — сказал сторож.

Молодой сидел, задумавшись. Про номер не спросил. Не спросил, чья машина. Знал, значит.

Сторож испугался, что молодой застрянет в сторожке до возвращения своих. Но тот недолго посидел, встрепенулся и вышел на крыльцо. Прямо по главной линии потопал. Сторож следил из окошка, как тот дошел до крайней точки и исчез за вишней.

Когда вернутся, неизвестно. Сторож пошел запереть ворота и опять прилег. Сил не было сидеть. Сонная утренняя истома охватила его и голову притянула к подушке. Сторож сладко уснул, в предвкушении теплого вечера, соловьев и Сазаныча.

Тоня Беликова сидела напротив входной двери на стуле.

Дверь открылась. Показались головы на широких плечах. Фигуры замаячили, заходили, странно так, раскачиваясь слева направо. Будто инопланетяне, в абсолютной тишине. Двое сразу убежали по комнатам искать. Тоня не сказала, сами найдут, не дворец. На втором этаже. В их спальне. В кресле.

Двое склонились к Тоне. Ружье отобрали. Хорошо, а то тяжелое. Тоня его еле держала. На колене красная вмятина. Тоня растирала ее. Слезы капали прямо на это колено, и Тоня втирала их в кожу, до боли.

Один перехватил руку и прекратил навязчивое движение. Рука слабо потрепетала и сдалась. Когда она успокоилась, и кисть покорно повисла, тот положил аккуратно

слабую руку на покрасневшее колено. А другой взял шприц и вколол его Тоне в вену на сгибе руки. Растер. Шум прибора стих, и Тоня услышала:

— Лучше? Вы меня слышите?

Конечно. Тоня кивнула.

— Что тут произошло?

Тоня задумалась. Прислушалась к далекому шуму. Хотелось вернуться туда. В то блаженное состояние, но не дадут, надо что-то ответить, чтобы отпустили. Здесь задерживаться долго нельзя, приближаются сокрушающие разряды невыносимой боли. Они все снесут, ничего не оставят, а у нее Женя только что женился. Она еще может его спасти.

— Я убила своего мужа. Мы поссорились, и я его застрелила из этого ружья.

Мужчина прикрыл ладонью свой рот. Глаза полны ужаса.

— Сколько раз вы выстрелили и куда? — монотонно спросил другой.

Ночные гости требовали от нее на все вопросы отвечать: не знаю и не помню. Заставили повторить несколько раз.

И теперь Тоня не сбилась. Слово в слово повторила. Главное сказала, успела, Женю спасла. Все утро боялась забыть, умереть раньше заветных слов. Сына загородила, дальше легче. Тоня раскачивалась, спасительный шум приближался. Словно сквозь вату услышала снова:

— Из-за чего вы поссорились?

— Не помню, — ответила Тоня.

Снова появилась рука со шприцем.

— Не надо, — сказала Тоня. Боль заполняла ее. Надо успеть нырнуть от нее поглубже в спасительный шум. Укол же прогонит его, прояснит голову, и боль хлынет туда.

— Не надо, — Тоня плакала. — Не надо.

Все. Шумная волна накрыла ее, понесла, пенясь и лаская. Словно руки протянулись сверху. Оплели за стан Тоню и выдернули из протуберанца страданий и боли.

Второго июня Макс и Лена Грибовы с трехлетним сыном Алешкой отправились отдыхать на институтскую турбазу. Лена работала монтажницей в экспериментальном

пехе института. И ей выделили путевку для семейного отдыха в первую смену.

Турбаза «Сосны» находится далеко от города, в чудесном месте, из-за бесплодной песчаной почвы почти не освоенной цивилизацией. Две ближайшие деревни — Волчиха и Опалиха — за двадцать километров от турбазы. Немногочисленные жители этих деревень, помимо огородов, занимаются тем, что собирают смолу с сосен. Плюс охота и рыбалка. И летом дополнительный заработок: обслуживание отдыхающих небольшой турбазы «Сосны». Женщины посуду в столовой моют да полы трут. Мужики на мотоциклах за водкой гоняют от турбазы к деревне и обратно.

В этом году заезд первой смены состоялся второго июня.

Грибовы собрались буквально за один день до отъезда. Макс — противник всякого организованного отдыха. Но в понедельник двадцать девятого мая вдруг пришел домой рано, не как всегда, почти сразу после обеда, и сказал, что его выгнали в отпуск, и надо срочно этим воспользоваться и уехать побыстрее и подальше, пока начальству не вздумалось его отозвать.

На следующий день Лена взяла в профкоме семейную путевку в «Сосны». Это было нетрудно сделать. Погода в начале июня неустойчивая, то дожди, то холод. А застрять на две недели в мокром лесу, сидеть в домике и сушить носки на электрическом камине, желающих находится немало. Только те, у кого нет шансов получить путевку в более дефицитные смены.

У Лены как раз были все шансы, но Макс сказал, что если он не уедет сейчас, то через неделю его точно отзовут: идет реорганизация отдела, в возникшую паузу пока можно исчезнуть, а дальше, как только поставят нового начальника, все...

И вот оно: «Сосны».

Коварное лето обмануло скептиков. Каждый вечер отдыхающие со страхом смотрели, как солнце садится в розовую тучку, но к утру тучка не разрасталась, а исчезала, и солнце вставало, как в Африке: расплавленным медным тазом на фоне блеклого от избытка света, чистого от облаков голубого неба.

Среда седьмого июня была обычным днем.

С утра палило солнце, озеро прогрелось, малышне дозволено было купаться у самого берега, где вода теплая, как парное молоко. Грибовы весь день сидели на пляже. Макс разложил красивое длинное тело на полотенце, читал книгу, купаться не хотел. Для него купание — это плавание. Его же техника профессионального спортсмена привлекала внимание всего народа на пляже. Как он необычно, красивыми взмахами длинных рук меряет ширину озера. Привлекать внимание Макс не любил, поэтому тихо маялся в сетчатой тени прибрежных ив.

Лена же была так счастлива, что, казалось, самой жизнью надышаться не могла. Весь день с Алешкой провели у кромки воды. Плавающие игрушки, рев, смех, руки мамаш, тела детей.

После ужина сидели перед домом, читали за столом. Окно распахнуто: если ребенок проснется, услышат. Ветерок разгонял жаркий сосновый воздух, разжижал его прохладным, с озера.

Лена чувствовала, как на легкие завитки ее волос на шее и за ушами смотрит Макс. Лена делала вид, что читает, но взгляд мужа жег то шею, то затылок, то хрупкие лопатки. Лена загоралась от этого взгляда, ее ушки и щеки жарко розовели в закатном свете. Макс не читал, даже книгу не раскрыл, вперился бесстыжим взглядом в жену, янтарные глаза его, в трогательном обрамлении длинных ресниц, смеются.

Наказали соседям за стенкой сторожить Алешкин сон и уехали кататься на лодке. На середине озера попрыгали в воду. Заходящее солнце проложило по тихому озеру легендарную золотую дорожку, по которой любят плавать влюбленные парочки, вновь и вновь открывая вечернюю красоту мира.

Лена боязливо раздвигала руками мягкую, тихую воду, а Макс сторожил: лежал свободно на спине, заложив руки за голову, как на диване, покачивался на слабых волнах и смотрел вверх, на гаснущее небо.

Приехали за полночь. Все тихо. Включили свет, на который крепко спящий ребенок не реагировал, и взяли по книжке, почитать перед сном.

Только Макс книжку взял: цап его! То новый друг по отдыху — Санек — пришел с бутылкой и вопит под окнами:
— Макс!

За ним притащилась жена Лариса. Она всю дорогу к грибовскому домику тщетно уговаривала мужа вернуться и не беспокоить людей. Но что ты! Предприниматель «первой волны» давно не чувствовал никаких преград на своем пути, тем более моральных. Ему даже и в ум не идет, что его не ждут и поздно. Торжественно прется в гости: достать бутылку в лагере не так-то просто, но он сумел.

— Иди, — ехидно говорит Макс Лена. Она видит, что муж недоволен, и ей этого достаточно для душевного благодушия.

Лена не выходит даже для того, чтобы Ларисе составить пару. Все, день кончился, дети вымыты, напились чаю и хотят спать. Да Лариса и не подруга ей вовсе, она вне Лениного понимания.

— Иди! — Повторяет Макс.

Макс натягивает спортивный костюм и выходит к друзьям.

А Лена сладко засыпает под аккомпанемент привычного Санькиного пьяного бахвальства. Все крутые повороты его историй она знает.

День закончился.

А дальше было вот что.

Макса, хлебнувшего водки, повело, и ему захотелось еще. Бутылка кончилась, пошли искать по лагерю. Будили обслуживающий персонал, но к двенадцати ночи все резервы уже исчерпаны, «уазик» с наказаниями поедет в город только утром.

— Извините, мужики, нет.

Пошли к посудомойкам. У них нашлась бутылка красного, можно было остаться, девки теплые, но Макс на их предложение тут же вышел на улицу, пришлось за ним тащиться и Саньку.

— Ну, что? — спросил Санек.

Потоптались задумчиво. Но эта чудесная ночь не могла так просто кончиться. Санек всеми силами спасал положение.

— Может, на озеро махнем? У меня сети поставлены. Проведаем, пока народу нет. Днем неудобно. Рыбку вынем, а тетки завтра нам уху сделают. И водочку как раз привезут. Возьмем ящик. Я шоферу скажу. Что каждый раз мучиться! У деревенских водка дорогая.

Максу, уже неделю стесненному присутствием и неустанным вниманием жены, тоже давно хотелось сорваться. Темперамент, характер бурлил, как перегороженная горная река. А завтра то же. Дневной сон, кормления, купания. Все в обществе тихих, благопристойных, скучных до отчаяния семейств, выполнявших свой семейный долг с непонятным смирением и терпением.

Макс широко махнул длинной рукой:

— Поехали за рыбой.

Не сворачивая домой, чтобы не зацепиться за жен, они, как были, рванули к лодкам.

Без водки немного грустно.

Наступающая трезвость уже охлаждала первоначальный пыл. Санек рьяно греб к кустам, где поставлена у него сеть. Макс философски погрузил свой взгляд в сверкающую, как блесна, волну.

Они заметили лодку, что плыла за ними. Но не обратили внимания. Чего стесняться! Раздобыть сеть здесь считалось доблестью. И пусть весь мир завидует: они выкушали бутылку и теперь едут ночью свои сети проверять. Это вам не телевизор перед сном!

Лодка плыла точно по их курсу.

— Не наши? — спросил Санек, имея в виду мужиков из турбазы.

Макс не отвечал. Заострившийся взгляд сфокусировал на лодке.

Санька вдохновил интерес друга. Он принялся развивать тему:

— Рыбки им захотелось! Чего это они ночью без нас поехали! То-то я в прошлый раз смотрю: нет рыбки и сети запутаны. Не пахали, не сеяли, я две бутылки за сеть поставил. Нет, ну ты подумай!

Санек вешал просто так, сам себе не веря. Не интересовала его эта лодка. Народ отдыхает. Кто как может. Может, баб везут на ту сторону.

Макс напряженно всматривается в пассажиров. Три головы торчат над плоскостью лодки. Темно. Окликнуть неудобно, вдруг не свои? Чего зря к людям приставать? Только слишком уж четко они взяли фарватер, проложенный Саньком. И молчат, главное! Будто это Невский днем, и идти нюх в нюх — ничего не значит!

Лодка совсем близко.

— Отвези меня к берегу, — сказал вдруг Макс непонятное.

— Как? — удивился Санек.

— Вон к той полосе песка.

— А рыба?

— Мне срочно надо. Сети проверь без меня.

— Да куда ты? Там болото. Одна трава, лодку не протацишь.

Макс повторил серьезно и с нажимом:

— Быстрее.

Санек недоумевал: вроде немного пили. Но надо так надо. Сменил курс, заложил нужный угол и погреб к косе белеющего близко песка.

Макс не дождался, когда посудина носом врежется в берег. Спрыгнул в воду, уперся руками в лодку и толкнул назад.

А Саньку что? Ну да, обидно немного. Макс все-таки вещь в себе. Ничего никогда не объяснит. Хотя, может, приперло, тоже надо понять человека.

Санек вяло греб к своим кустам. Одному скучно, и рыба не нужна. Он долго, недовольно возился с мокрой тяжелой сетью. «Кушать рыбку все любят», — думал обиженно. Вытащил пару подлещиков. Бросил на дно лодки. Потряс сетью еще, но ничего, кроме травы, она не содержала.

Мстительно-долго посидел в лодке. «Ничего, пусть покучает. Полезно».

Уже, кажется, светает. Спать до смерти хочется. Сейчас заляжет под Ларкин теплый бок. Как раз к утру разогрелась, как печка. Жрет много. Пьет, как лошадь. Бока все

круче с каждым годом. Но иногда хочется вот к такой прижаться.

Санек не торопясь погреб к косе, где Макса оставил. Предрасветная сырость и холод его пробирали дрожью.

Макса, как водится, не было на месте. Приключения уже не манили уставшего Саньку, грезившего объемным образом жаркого жениного бока.

Но он стоически причалил к берегу, небрежно спрыгнул прямо в воду, лодку только чуть подтянул за нос и леской зацепил за тонкую ветку ивы. Пошлепал к суше. Кусты и непроходимая чаща черемухи. Разбуженные птицы пискливо возмущались в ветвях.

Саня, проваливаясь в воду, облазил все окрестные кусты.

Поднялся на берег. Сосновый бор. Рассвело, и обзор хороший. Но друга не видать. Пару раз Саня подходил к куче веток, думал, Макс лежит.

Саня плевался и кулаком стучал по сосновому стволу. Потом подумал: «Ну ладно, до обеда выплусь, не на работу». Эта мысль его уютно согрела, и он, ломаясь сквозь кусты, принялся продираться обратно к воде.

«Ларка, ау!» — мысленно кричал истосковавшийся по жене Саня.

Макса долго искали. Сначала в лесу. Потом вспомнили про подростка, который утонул два года назад. Достали с того случая оставшиеся багры и сети. Полазили с ними вдоль берега. Но озеро огромное, к середине очень глубокое. Восемь метров. Милиционеры привезли водолазов. Ничего.

Потом приехали другие люди. Милиционеры при них застегнули форменные лавсановые, душные рубашки. Припустили осмысленность во взгляд. Приняв дело, новые люди отослали их назад. Опять принялись трясти несчастного Саню. Опять водолазы лазили в озеро.

К концу смены Саню увезли в город.

А Макса нашли только в сентябре. Охотники. Кабана гнали. И нашли не очень далеко от лагеря. Лежал на видном месте, слегка притопленный в болотистой земле.

Но лучше бы не находили. У вдовы была надежда. Теперь надежда теплилась только тем, что там, в болоте, нашли не Макса.

Но экспертиза подтвердила: это он.

Все лето и осень держали Саню. Но отпустили. Не смогли впясть Сане убийство друга двумя выстрелами из пистолета Макарова. Зверье подпортило труп. Но эксперт предположил, что стреляли с близкого расстояния, почти вплотную.

Когда Синицын пришел в ФСБ, он принес с собой характеристику, которую дал ему завкафедрой, человек оригинальный и с юмором. Там было написано:

«Станислав Николаевич Синицын — копия министра просвещения Пруссии времен Эммануила Канта, барона Цидлиха. Маленький, просвещенный деспот. Своим ученикам Синицын внушает уважение к философии, которую фанатично любит, и особенно к Канту, которого, практически, знает наизусть, читает в подлиннике и постоянно цитирует. Одна из его любимых цитат: «Студент должен усвоить, что после окончания курса наук ему придется быть врачом, судьей, адвокатом и так далее лишь несколько часов в сутки, а человеком — целый день».

Стас быстро продвигался по новой службе. И вот теперь его назначили начальником 22 отдела вместо Беликова. Дали ключи от кабинета и сказали:

— Владей. Как поставишь, так и будет. Но только помни: восьмидесятые кончились. Да что восьмидесятые, девяностые кончились! Никаких ужастиков, пальбы, крутых поворотов. Все должно быть тихо, научнообразно и согласно Конституции. Никаких шпионских игр. Никаких подразделений «А» и, в частности, А-20. Об этом забыть, как о дурном сне. Никакой информации не выдавать, всю агентуру по этой схеме закрыть. Бывших агентов считать бандой убийц вне закона. Всех выявить и ликвидировать! Люди вооружены и обучены, почерк «конторский». Это агенты Беликова, для тебя же они представляют опасность. Для продолжения работы набирай новый штат, профессионалов, и разрабатывайте свои схемы борьбы с

незаконным наркобизнесом, так сказать, объединенными усилиями.

Когда Стас вошел в знакомый кабинет первый раз хозяином, ему было не по себе. Беликова он хорошо знал. «Человек честнейший, неизменный в решении», — как говаривали римляне. Он не принимал ни одно из новомодных веяний. Веяние влетит в окошко, а через год так же беспричинно вылетит. А Беликов по-прежнему все такой же неизменный. Метр — мера длины, Беликов — мера целесообразности. Решения его, может, менее эффективны, но зато у них короче хвост побочных явлений, непредсказуемых последствий. Создание А-220, отдела на грани фола, недаром поручили Беликову. Только он мог соразмерить несоизмеримое, связать несвязуемое. Создать агентуру из наркоманов и уголовников, организовать казни без приговоров.

Но право начальство. Девяностые кончились, пальба затихла, новые наркосиндикаты автоматами не расстреляешь.

Беликов пал жертвой ревности стареющей жены. Заместитель — Макс Грибов — пропал при странных обстоятельствах. И вот в пустующий кабинет входит Станислав Николаевич Синицын, человек новой формации, «философ и шпион в одном, так сказать, флаконе» (слова Николая Павловича), которого за глаза частенько называют — «Кант».

Стасу недолго пришлось разбираться с бумагами. Бегло осмотрел пыльные папки с пожелтевшими пачками испанной бумаги. Никакого намека на архив, картотеку. Свои компьютеры Беликов и дома, и на работе почистил, перезагрузил. Мудро. Спасал людей.

Старые папки Стас сдал в архив. Завел свои, пластиковые, не картонные. Ярких цветов, так нагляднее, каждый раздел имеет свой цвет. Вот, например, желтые папки. Желтый цвет — знак прошлого, истории, преемственности. У начальника 220-го отдела желтый цвет ассоциировался с цветом залитых солнцем пирамид, пустыни.

Стас раскрыл одну из желтых папок. Она содержала единственный документ — обычный конверт без марки.

На нем напечатано: «П. Ю.». В конверте — записка. Стас знал ее наизусть, но снова развернул листок. Беликовым от руки написано «В случае чего обращайся только к Ворону».

Чего это за «в случае чего»? А? Что это за случай такой? Может, П. Ю. угрожала ревнивая жена? Или ему грозило утонуть, исчезнуть на отдыхе в турбазе «Сосны», как это произошло с Грибовым? И что это за спаситель такой Ворон. Агент Беликова? Беликов набирал своих агентов из наркоманов и уголовников.

И выходит из этой записки, что есть некий П. Ю., за жизнь которого переживал Беликов накануне своей гибели, так что, возможно, им грозили одни и те же силы. И полковник ФСБ Беликов советует П. Ю. обращаться «в случае чего» не в милицию, не в ФСБ, а к человеку с самой что ни на есть уголовной кличкой Ворон.

Это что же за боевик такой получается, а?

Глава 2. Мужские игры

Начало июня 2000 года

Большое Сочи. Поселок Головинка. Темный вечер. Через горную речку, завершающую свой недолгий семикилометровый путь к морю, перекинут мостик. На нем стоят двое мужчин и, опершись о перила, тихо разговаривают.

Пожилой, солидный мужчина говорит сухопарому:

— Вообще, Паша, лучший мой совет: беги. Я устрою тебе зеленый коридор. На два дня. С Грузией визовый режим готовятся вводить. А пограничников сейчас боевики отвлекают. Да в любом случае проблем с ними не будет. Но лучше, чтобы об этом знало как можно меньше людей. Пройдешь тихонько. Где Паша? Ау, Паша! — А в ответ — тишина.

— Что случилось-то?

— Кого-то мы задели в структурах МВД. Помешали получать долю от наркобизнеса. Видимо, наша информация используется с точностью до наоборот. Так что... Да и времена другие наступают. Не девяностые, видите ли! Стрелять нельзя, обижать нельзя. Противозаконно. Да и эпоха самодеятельности в наркоторговле закончилась. Схе-

мы и методы транспортировки разработаны высокими профессионалами. А против синдикатов с наганом не повоюешь. Так что, Паша... Все. Самоопределяйся. Эпоха всеобщего гуманизма началась с того, что сначала выбивают своих же агентов, как это у нас было всегда принято. Не было подразделения А-22. Вообще не было подразделений А! Ошибка природы. Тупиковое решение. Так что ты, Паша, как динозавр, должен вымереть. Лучше, если сделаешь это добровольно.

Паша вскинул свои темные глаза на куратора.

Куратор посмеялся.

Они съехали с трассы Туапсе — Адлер в Головинке. Паша знал эти места. В детстве отдыхал у тети. Ее муж был лесником в Головинском лесничестве. Он брал племянника на обход территории.

Куратору хотелось увидеться с Пашей и поговорить по душам. Подготовить его к эвакуации. Проще, конечно, убить. Искать никто не будет. Наркоман, убийца. Убийца на государственной службе, палач.

И все же... Совестно. И Пашу жалко.

Но разговаривая с Пашей, Егор Егорыч убедился в своих худших предположениях. Паша лет десять подхлестывает себя психостимуляторами. Паше нравится убивать. Погибла его жена, а он об этом и не поминает. Со слезой говорит о друзьях, приходящих к нему во сне. Про барыг. Про проявленные инициативы. Паша стал не только выполнять задания. Он начал сам выслеживать наркоторговцев, без наводок, и убивал их.

Как он сказал:

— Откровенно говоря, Контора стала мне до лампочки. И ребятам моим тоже. Но что у нас и в нас никогда не проходило так это лютая, волчья ненависть к барыгам. Их надо знать, барыг! Неисчислимы загубленные ими души и жизни! Неисчислимы! Прав я или не прав, но я им свой приговор вынес. На нашем боевом счету 41 исполненный барыга. И пока я жив, этот счет будет продолжаться!

Егорыч с ужасом вслушивался в высокопарный слог, заметно отдающий блатной романтикой. Самые страшные предположения подтвердились. Паша почувствовал себя

судьей и палачом. Если Контора откажется от его услуг, он будет по своей инициативе убивать. Просто потому, что ему это понравилось. Не из-за милосердия к жертвам наркобарыг. Милосердия в Паше не было. Верховный судья, верховный жрец — любимая роль убийц-маньяков. Он так трепетно относился к своей роли, что даже подсчет жертвам вел. Это очень страшно. Не 40, а 41!

Егорыч несколько раз спрашивал у Паши про жену.

Паша отмахнулся:

— Так даже лучше.

Куратор аж нижней губу закусил.

Жена Паши пала жертвой межобщаковских разборок. Паши в городе не было, он лечился в Киргизии. Пашу искали. Найти не могли. Взяли жену, хотели через нее воздействовать на Пашу. Паша послал своего друга на выручку. Но Пашину жену все равно убили. Во время самих переговоров. Так проще. Убили, и все. А сохранить жизнь человеку — это очень чревато.

Пашу пора убирать. Это ясно. Ни одного белого шара в его корзине.

Душистый теплый южный вечер. Близкое присутствие моря здесь не ощущается. Ни вздохов прибоя, ни густого йодистого запаха. Теткин домик находится в самой дальней точке Головинки, в узкой расщелине. Здесь царствуют горы, их запахи и звуки. Шум студеной реки, плач шакалов, ворующих в деревне кошек и кур.

Паша и его куратор прошлись вдоль деревни к горам. Постояли на мостике через речку.

— Форель, — сказал Паша, показывая на маленьких серых рыбок, шныряющих между камнями.

Облокотились локтями о перила моста. Головы свесили, глядя в речку.

— Паша, не обижайся, но я спрошу: а зависимость у тебя сохранилась, как ты считаешь? Ведь и колешься, и все прочее.

— Ничего прочего. Только колюсь. Вашим же «винтом», психостимулятором. Перед выполнением задания.

— Здорово подстегивает?

— Аж подкидывает. Полведра водки можно выпить, и с нагана бить без промаха на шестьдесят метров.

— А отходишь как? «Винт» сам долго не отпускает.

— Дома заранее готовлю раствор этамина. Укололся и «отхлестнулся».

М-да... Немного таких уколов надо, чтобы психику свою обрушить. Крепок Паша, раз до сих пор может вот так просто с мостика свеситься и рыбками любоваться. Но в охрану, куда примеривался пристроить его Егор Егорыч, ему нельзя. Никакая психокоррекция его уже не исправит.

— А так, иногда, для себя? Чтобы расслабиться?

— Никогда. Я же вылечился.

Вылечился! Можно ли от этого вылечиться? Хотя, куратор наводил справки в тубдиспансере. Там подтвердили: зависимости нет. Крепок, несмотря на возраст.

— А сколько тебе лет, Паша? Много уже... Только на нас лет десять работаешь?

— Тридцать восемь. А у вас работаю двенадцать лет.

— Да что ты говоришь! Двенадцать лет! И шею до сих пор не свернул! Ну, крепок! И общаковские своим считают, и особысты! Молодец!

Кусты под мостом почернели и слились с темнотой. Речка обозначена в потемневшем пространстве бурным шумом и блеском серебра на перекатах через крупные камни.

Егор Егорыч не торопясь, вдумчиво, смакуя красивую ночь в горах, где давно не был, прислушиваясь к Паше, спросил:

— Сны снятся?

— Ребята приходят ко мне во сне.

Куратор понял, что Паша говорит о погибших друзьях. Задание агенты выполняют парами. Их тому научили. И по жизни учили держаться парами. Один другого подстраховывает. Паша потерял нескольких своих напарников и тосковал по ним.

— Иргаш приходит, Андрюха... Я советуюсь с ними. Я прошу их простить за то, что остался жив. Они отвечают, что собаки остаются собаками...

«Собаки» — внутренний жаргон. Собаками называются агенты, выявляющие и уничтожающие продажных работников милиции, работающих на наркобизнес. По аналогии с собаками, продажных сотрудников МВД называют шакалами. Собаки охотятся на шакалов.

— ...и тогда я понимаю, что не могу отказаться от своего прошлого.

Все. Паша вынес себе приговор. Егорыч принял решение. Очевидное с самого начала. Он почесал глаз, подумал, что же теперь делать.

— Ну что, Паша... Решай. Через неделю ты будешь вне закона. Я забуду твое имя, и знать тебя не знаю. Думай, долго ли ты продержишься. Сделаем так. Позвонишь мне на седьмой день. Я тебе назову перевал, который будет для тебя открыт два дня. Документы нужны? Пройдешь по своим. Они не засвечены. Нигде не фигурируют. Все материалы, связанные с тобой, я уничтожил. Не волнуйся, если со мной что случится, ты защищен.

— Почему перевал? Чего проще — переехать грузинскую границу на автобусе. Документы сделаете?

— Сделаем, Паша. У нас тут в «А-20» начальника подразделения пятидесятилетняя жена из обреза грохнула. А его майор исчез бесследно на отдыхе. Говорят, утонул. Я видел этого Макса. Кандидат в мастера спорта по плаванию. Не пойму я, что творится, но только знаю, что грузинские органы тесно связаны с нашими. Так делать тебе документы?

— Ладно, понял.

— Деньги, оружие, «стекляшки» твои любимые — все в «КамАЗ» сложи. Ты лучше спи там, а я пойду к тетке.

В поселок они зашагали в полной темноте.

Станислав Николаевич Синицын сделал последний круг по кабинету и остановился напротив стеллажей с папками. Постоял, по-ленински руки заложив за спину и покачиваясь с носка на пятку и обратно.

Его острый взгляд вперился в желтую папку. За неделю она заметно пополнила, и теперь ее приятно было взять в руки. Вчера Стас перечитывал дело Беликова. Жена Беликова не захотела объяснить, за что застрелила мужа. Экс-

пертиза дала отчеты о том, что ружье новое, обильно смазано маслом, всем этим маслом перемазана одежда женщины и ее руки. Стреляла женщина или нет, наверняка сказать нельзя.

Следователь прокуратуры счел возможным отпустить Беликову на руки сына, тоже служащего в ФСБ.

Оперативно-следственными мероприятиями занимаются другие отделы ведомства. Но дело мертвое. От кого же спасал своих людей Беликов? Вот то шило в мешке, которое не утаишь и что колело Стаса последние две недели.

От кого спасал своих людей Беликов?

Раз.

И второе. Похоже, и впрямь у Стаса оказался кончик от этой ускользающей нити. А раз так, все оперативно-следственные мероприятия, что проводятся в ведомстве, без участия Стаса бесполезны. Но Стас не может дать наводку. Агента П. Ю. преследуют те же силы, что уничтожили Беликова с Максом и, возможно, не только их.

Поэтому Стас не доложил о записке. И лежит она в желтой папке. Без комментариев, адреса она совершенно безобидна. Кто, кому ее хотел передать, по какому поводу непонятно. Может, даже наверняка, П. Ю. — агент Стаса. Тайная агентура — это дело Стаса, он последняя цепочка в звене, и никто не сунется, без особой санкции начальства, в его дела.

Стас опять дернулся побегать по кабинету, но сдержал себя. Мысль кипела в нем. Выстраивалась интересная схема. Посидеть бы, поработать. Дел — море. Девяносто процентов из них — по организации нового подразделения. Укомплектованию штата. Стас уже примеривался сегодня ночевать на диванчике в приемной, времени нет на дорогу домой и обратно.

Но желтая папочка держит его взгляд, не отпускает. Стас простонал от отчаянья из-за нехватки времени. Чуть головой не постучался об шкаф. Опять сдержался. Но сдерживаемая энергия уже клокотала в нем и выплескивалась через край.

Не думая, не отводя гипнотизирующего взгляда от заветной папки, Стас ткнул пальцем в кнопку селектора. На это движение отозвался из микрофона слабый голос Норы.

— Ждановича, — бросил Стас.

Через десять минут в кабинет вошел Алеша Жданович, заместитель Стаса, которого все, в отделе и не только, звали Алешей Поповичем.

На седьмой день, как договаривались, Павел звонил куратору по спецтелефону. Где он стоит, в каком кабинете, или квартире, Паша не знал. Трубку всегда брал мужчина с молодым голосом и назначал Павлу время повторного звонка. Несколько раз Паша сам назначал время.

Павел болтался в Новороссийске в ожидании переговоров.

Звонил с почтамта, ординарной стекляшки на краю города, пристроенной к скучному панельному пятиэтажному дому, окна которого по-южному опутаны веревками с сохнувшим бельем.

В этот раз трубку телефона взял куратор.

Это не по правилам и предвещало непредвиденные осложнения и сбои. Павел вздохнул. Как и ожидал, не отпустят его так легко: и перевал-то открыт, и пограничники-то под локотки проводят. Это вам не Альпы, куратор не Штирлиц, а Паша, к сожалению, не пастор.

— Вот что. Маленькое осложнение, — сказал куратор. — Все договоренности в силе. Через три дня, на четвертый, для тебя будет открыт перевал Трехкрестовый. Два дня, как договаривались. Так что успеешь. Позвонишь накануне, я тебе все скажу. Или передадут. Номер погранзаставы, фамилию лейтенанта. А послезавтра... В среду у тебя последнее дело.

— Ура, — отозвался Паша.

— Дело тонкое, я могу поручить его только тебе.

— А Яша?

— Твой напарник слишком честных правил. И уважать себя заставил.

— Что?!

— Не пугайся. Жив-здоров. Паша, слушай сюда. Яша в курсе. Я уже ему все сказал. Не буду повторять. Он один мог бы справиться. Но помнишь тот его срыв? Вот-вот. Не

может он, видите ли, женщин!.. Уперся рогами в стенку, и все. Ты его просвети на этот счет.

— Я так и знал, что ты меня не отпустишь, — сказал Павел.

И подумал, что не надо было на это надеяться. Он бы и сам справился. Надо уходить через Туркмению. Или Киргизию. Ребята помогут. Зря он тут светится и время теряет. Надо соглашаться, а самому тихо просочиться на Восток. До контрольного звонка время есть.

— Ты вот что — отозвался куратор, будто прочитал мысли своего агента. — Задание на Яше. Кто из вас его выполнит, мне все равно. Но отвечать будет он. А пока... Вот что... Сегодня, в семь вечера встречаетесь со своим напарником в Туапсе на автовокзале. Все обговорите, а в среду через Туапсе пройдет поезд. Яша скажет какой и задание распишет подробно. От меня только такие дополнения: исполнить барыгу прямо в поезде. Потом возможности не будет.

— В поезде?

— Ну да. Ты ведь по поездом большой знаток. Помнится, один даже под откос пустил. Тебе на Смоленщине в годы войны цены бы не было.

Паша уловил злую иронию в голосе куратора.

— И вам бы, — отозвался.

Куратор от неожиданного выпада смолк. Потом рассмеялся:

— Спасибо. Вагон так же, как и весь состав, переполнен детьми. Никакой стрельбы. Остальную наводку даст тебе Яша. Ну, давай, герой. В среду вечером жду звонка.

Короткие гудки.

Паша вышел из мрачного, пустынного почтамта, пахнущего половыми тряпками. Воздух дрожит от визга воробьев и детворы. От этого визга у усталого Паши забодела голова. Он вспомнил сегодняшней тон куратора. Раньше отдавал хоть притворной, но теплотой.

А с Яшей здорово придумано.

Яше пришлось убивать женщину лет пять назад. И после этого он записывал. Женщина была молодая, красивая, полная. Русская барыня. Вся в кольцах и перстнях.

Зубы — жемчуг, голые круглые плечи. Золотистая кожа. Яша таких красавиц наяву не видел. Насмотреться досыта невозможно.

А спина?

Женщина смеялась и щебетала, внимание «узкоглазого» ей льстило, а Яша осматривал любезно предоставленную для обзора спину. Обратил внимание на аппетитную складку, что подчеркивал тесный бюстгальтер. Под складку бить? Низковато...

После этого случая Яшу чуть не «списали», но Паша спас. Сказал, что берет его в напарники и будет работать только с ним.

А баба была центральной барыгой. То есть сидела в центре паутины распределения наркотиков. Паша долго втолковывал другу, что барыга — это барыга. Его пол не имеет никакого значения. Наоборот, женщина, распространяющая отраву, куда хуже мужчины. А Яша отвечал, что чаще всего отраву распространяют пенсионеры, чтобы подработать к пенсии. Богомольная старушка с утра лоб перекрестит и направляется к школе или колледжу пакетики продавать. Многодетные матери тоже часто таким образом подрабатывают. Но ему, Яше, не все равно, кто пакетики студентам и школьникам сует. Убивать женщин он не будет, и все.

Куратор эту историю хорошо знал. Знание особенностей характера агентов было залогом успешной работы с ними. Пять лет в операциях, где были женщины, Яшу не задействовали.

И вдруг: опять. Яше поручают убрать женщину. Куратор отлично знает, что Яша не пойдет на убийство женщины. А Паша ненавидит барыг, ему все равно, мужик это или баба. Но Пашу уже отпустили на вольную волю. Поручать дело ему бесполезно, он уже не прилетит на любовный зов куратора. Все.

Вот и поручили Яше дело, с которым он заведомо не справится. За него это дело выполнит Паша, чтобы выручить друга. Все просто.

Надо бежать. И Якова предупредить. Исполнить барыгу и без контрольного звонка бежать. Уповать на порядоч-

ность куратора. Если Паша выполнит это задание, куратор должен отпустить своего агента. Это по правилам.

Только куда бежать-то? Паша с тоской посмотрел на юг. Ветвистые деревья загораживали горизонт. Но и без горизонта ясно, что выбор небогатый. Грузия, Армения. Еще южнее раскинулся мусульманский Восток, дышащий нестерпимой жарой и религиозным маразмом.

А ехать на Север, подернутый холодной, сизой дымкой, Паше здоровье не позволит. Хотя теперь уже ясно, что помереть от болезней и старости шансов маловато. Кажется Господь Бог готовится преподнести ему чудесный подарок — вечную молодость.

В шесть вечера Паша прибыл в Туапсе на электричке. Был очень жаркий день, асфальт раскалился и не давал остывать городскому воздуху, отдавая ему свое тепло.

Павел родился в Майкопе, но большую часть жизни прожил в Сочи. Сочинский климат был губителен для него, так же, как и майкопский, и теперь, после болезни, а чувствовал он себя не совсем долечившимся, ему было очень плохо. Его тошнило, лицо покрылось не потом, а какой-то липкой слизью, будто кожа таяла под солнцем.

Паша жил в Киргизии почти год, уехал туда прошлым летом, как только поставили диагноз: туберкулез. Жаркий сухой климат помог ему выкарабкаться и на этот раз. А сочинский снова убивал.

Павел прикрыл глаза. Ему вновь захотелось в Киргизию. Там была медсестра. Лет на восемь старше Павла, правда, но кувыркалась, как молоденькая. Смуглая плоть в обильных складках, темная кожа лоснится и блестит, будто смазана маслом, а на ощупь нежная и гладкая, как шелк; руки пышные; груди, как...

Павел подумал: «Уж если бежать, то в Киргизию». По фиг ему Грузия. В Киргизии обшак его принял. Но это означало, что Паше не отвязаться. Отойти от дел не дадут.

Нет Паше места, нет. Три дня ему дали подумать. И один из них уже подходит к концу.

А вот и Яков. Яков Цой, кореец по национальности. Они расстались две недели назад, после операции в Бишкеке.

Каждую операцию они считали последней и уже простились, но куратор опять собрал их. Снова вместе. Хозяева меняются, а собаки продолжают им служить.

Яков подошел быстрым шагом, сразу сунул руку, будто вчера расстались.

— Пошли? — сказал на ходу.

Озабоченно взглянул на друга. Худ, бледен, будто перед обмороком. Паша в Киргизии, когда Яков приехал за ним, был совершенно другим. А теперь все сначала. Лицо лоснится от пота. На лбу выступает бисер испарины, капельки скатываются вниз вдоль впалой щеки, и тут же на их месте выступают новые.

— Ну что, пошли? — опять спросил Яков.

Паша не спешил оторвать спину от стены. Как прирос. Заболел, что ли? Не мудрено. Та толстая сестра все лопотала Якову озабоченно про Пашу:

— Рано, рано, не долечились!

И вот тебе: не прошло и двух недель после лечения, а Паша в прежнем состоянии. Хоть назад вези.

В среду утром Паша с Яшей садились в городе Туапсе на проходящий поезд «Воркута — Сочи». Паша по-утреннему был свеж, а Яша весел.

Паша вопросов не много задал. Всего один — номер вагона. Решили дело сделать так. После Вардане сплошной полосой пойдут пляжи. До Лазаревского тоже пляжи. В этом коротком промежутке, где берег относительно дик, Яша выведет барыгу в тамбур. Павел специально употреблял только это слово по отношению к жертве, без обозначения пола.

Все должно произойти в считанные секунды. В тамбуре стоять запрещено, в любой момент проводница, обладающая мало-мальским чутьем, может сунуть туда голову, проверить, что там за суета.

Итак. Яша тихо выводит в тамбур барыгу. К этому времени Павел подготовит дверь. Отомкнуть ее не составит труда. Прыгать будут со стороны моря: железная дорога проходит почти вплотную к горам, и с другой стороны

прыгать очень рискованно: или расшибешься о скалы, или под колеса скатишься.

Но и со стороны моря железнодорожная насыпь подперта камнями: где кладкой, где огромными валунами. Только у Якорной Щели железная дорога проходит по свежей насыпи из мелкой крошки горных пород и гальки. Насыпали щедро, засыпав и кладку, и камни. Если удачно прыгнуть, то съедешь, как по сугробу. Но эта свежая насыпь тянется недолго. Можно рассчитывать на пару минут, не больше.

Итак, Яша выводит барыгу, Павел всаживает нож, выталкивает труп в дверь, и через пару минут сами выпрыгивают. Выходят на шоссе, ловят по тачке и двигают в разные стороны.

В среду, 21 июня, напарники сели в Туапсе на поезд «Воркута — Сочи». До Лазаревского ехали: минералку пили, в окно смотрели. После Лазаревского взяли по рюкзачку и снялись с места.

Больше их в вагоне не видели.

К концу рабочего дня, часам к шести вечера среды стала известна личность П. Ю.

В фильмотеке нашли пленку, она числилась за Максом Грибовым. Зарегистрирована под номером, правд никаких письменных комментариев с расшифровкой не нашли. Но пленочка оказалась занятой.

Она снята в купе, установили, что это купе поезда «Амстердам — Москва». В углу экрана мигала дата: 28 июня 1999 года. Перетрясли весь поезд, в том смысле, что просмотрели список пассажиров и выловили двоих П. Ю. Но на пленке фигурировала девушка, и, отбросив Петрова Юрия, работники спецслужб заострили свое внимание на Пузановой Юлии. Это была почти победа. В считанные часы установили личность Пузановой. Звонили ей домой, никто не брал трубку. Послали ребят — никто не открыл дверь.

В этот же день Жданович, возглавивший операцию, посетил спорткомплекс «Россия», где тренером по настольному теннису работала разыскиваемая девушка.

Пока ехал по проспекту, прошел грозовой ливень. Про-
рыдавшись, природа успокоилась и даже улыбалась. Лужи,
в выщерблинах асфальта отражали чистую голубизну неба.
Трава сияла изумрудом, на улице показались люди.

Стадион «Россия» сверкал великолепной зеленой ча-
шей. Политая и омытая дождем трава блистала свежестью.
Алеша прошелся вдоль длинного здания, в огромные окна
усмотрел баскетбольные кольца и хотел пройти мимо, но на
крыльцо вышел мужчина. Он вдохнул глубоко очищенный
дождем воздух и зажмурился, как кот, на яркое солнце.

— Извините, не подскажите, где теннисный зал?

Мужчина взглянул на Алешу и показал рукой на низень-
кое, одноэтажное белое здание, к которому шла тропинка
от стадиона. Жданович пошел по указанному направлению.

У крыльца теннисного зала цвела белая сирень. Влаж-
ная, пропитанная дождем половая тряпка лежала у входа.
Около нее свернулся клубком бело-рыжий пес и ждал, когда
тряпка просохнет, чтобы по привычке устроиться на ней с
удобством. Тропинка была неасфальтированная, и Алеша
тщательно вытер о тряпку ноги.

В полутемном коридоре его остановил выкрик из комна-
ты слева:

— А вам что нужно?

Алеша приостановил свой широкий шаг. Из комнаты
выскочила маленькая сухонькая старушка, видимо, технич-
ка. В руке ее была швабра.

— Мне бы Пузанову или тренера.

— Какого вам тренера?

— Да любого.

— Какого такого любого? Вы откуда?

Судя по гулкому резонансу старушечьего голоса, зал
пуст. Чисто вымытый пол, ни одной вещи в гардеробе.

— Вас как зовут? — подошел он к техничке и приветли-
во улыбнулся.

— Татьяна Петровна, — испуганно ответила она. Лицо у
нее маленькое, гладкое и румяное. На хрупкую, скрючен-
ную фигурку легла старушечья ветхость.

— Татьяна Петровна, — осторожно говорит Алеша, —
не подскажите, как мне найти Юлию Пузанову?

Старушка хотела ответить: «А пошто она вам?», но удержалась.

— Уехала, с Зудиным.

— А куда они уехали?

— На соревнования. — Старушка мягко выговаривала гласные. Информацию выдавала дозированными порциями. Алеше не хотелось показывать удостоверение, реакция на него бывает у людей разная. Он положился на свое обаяние.

— Татьяна Петровна, а куда они уехали на соревнования?

— Куда? — старушка пожевала запавшим ртом, вспоминая. — В Сочи.

— В Сочи... — медленно произнес Алеша и как бы задумался. Старушка терпеливо ждала. Старики уважают неторопливость.

— Когда приедут. Не подскажите?

— Не знай, сынок. Кончатся соревнования, и приедут.

— Как бы мне позвонить Зудину? — спросил Алеша, хотя про Зудина только что услышал.

— А ты спроси у директора. Он как раз здесь. Только что заходил. Во второй корпус пошел.

— Усатый? Похожий на армянина? — спросил Алеша про мужика, которого только что видел у баскетбольного зала.

— Да, похож. Он и есть, вроде как армянин.

— Ну, тогда я пошел, может, успею. Как его зовут? — заторопился Алеша.

— Давай-давай, — подбодрила его старушка, готовясь подтереть следы. — Сурен Давидович.

Алеша быстро вышел на улицу, поскользнулся на тряпке, брошенной на каменной ступеньке.

Около второго корпуса стояло уже двое мужчин. Разговаривали и курили.

— Сурен Давидович, — сказал свойским тоном Алеша, подходя и изображая деловую спешку, — как найти мне Зудина?

Армяне очень уважительно относятся к своему имени и людям, произносящим его. Директор комплекса приветливо взглянул на подошедшего парня.

— Зудин в командировке. Вчера уехал с командой в Сочи.
— Да... — озадачился Алеша. — Когда приедет?
— Не помню точно число, но не раньше, чем через неделю.

Алеша еще больше помрачнел. Сурен Давидович не выяснял мотив интереса к Зудину. Дела Зудина, это его дела.

— Мне надо с ним переговорить, — произнес Алеша раздумчиво. — Телефон гостиницы не подскажете?

Сурен Давидович сомневался. Но все же доверился обаятельному, хорошо одетому юноше.

— Зайдем ко мне, — сказал Сурен и дружески положил руку на плечо Алеши.

Похорошевшая природа сияла солнцем и цветущей флорой. Там и сям кипы кустов с беленькими пушистыми соцветиями. И у Алеши посветлело на душе. Они вошли с Суреном в глубь прохладного, пахнущего погребом помещения и свернули в солнечный кабинет директора.

Сурен осмотрел бумажки, лежащие под оргстеклом письменного стола. Нашел нужную, вытащил ее и подал Алеше.

Алеша прочитал: «Гостиничный комплекс «Горный воздух». Списал два телефона, что значились в записке. Вздыхнул с облегчением. Добрый дядя Сурен с одобрением взглянул на симпатичного юношу.

— Большое спасибо, — ответил тот. Посветил улыбкой еще раз на прощание и вышел на свежий послегрозового воздуха.

Вся природа улыбалась, и Алексей улыбнулся. Лето!

Но на следующее утро природа все-таки передумала, и в небесах разразился скандал.

Всю ночь дул холодный ветер, Алеше пришлось встать и закрыть все форточки. Но дуло все сильнее, завывало, как в старых английских домах в ночь убийства. Плохо прикрепленный уличный железный подоконник стучал и силился оторваться.

Утром встал, посмотрел в окно: на градуснике красный столбик чуть дотянулся до цифры десять. По небу несутся

низкие, революционные балтийские тучи. Деревья в бараний рог согнул свистящий и завывающий ветер. И уже несколько здоровенных ветвистых сучьев валялись на дороге.

Белые брюки на лоджии, как были, мокрыми, повешены вечером, так и висели в первоначальном состоянии. Алеша перевесил их на кухню, а сам надел джинсы.

Ветер ныл, как зубная боль, тревога в чутком Алеше разрасталась. Надо бы съездить еще раз в спорткомплекс. Позвонить в Сочи. Как-то на полпути бросил он вчера эту Пузанову, погода его сбила. Захотелось Светку увидеть. Но и дело не сделал, и Светку не отыскал.

Алеша закрыл дверь на ключ, спустился в лифте, сел в свои старые рыженькие «жигули» и покатил через мост на проспект Королева, к спорткомплексу «Россия», именовавшемуся когда-то «Спартаком».

Утро разгоралось, небо стряхнуло последние тучи, и солнце заливало светом продрогший за ночь город. Оставив машину у ворот, Жданович быстрым шагом направился к низкому белому зданию. Дверь теннисного зала была нараспашку. На крыльце стояла кучка ребятишек в спортивной форме, они играли с собакой.

— Где тренер? — спросил Алеша, как свой.

— В зале, — ответили ему.

Зал кишел ребятней, за письменным столом в углу сидела девушка в спортивной форме. Алеша имел слабость к спортивной форме, особенно надетой на девушек. Спорт сгладил все излишества и индивидуальности тела юного тренера и всю конструкцию свел к простоте и стандартному совершенству.

Перед девушкой на столе лежал список, и она карандашом ставила на нем галочки перед фамилиями.

Девушка подняла голову от бумаг и сказала Алеше:

— В зал без сменной обуви входить нельзя.

Хоть Алеша еще и не входил в зал, а в двери стоял.

— Мне надо с вами поговорить, — сказал он довольно громко, так как в зале усиливался визг бегавшей между столами ребятни.

— Минуточку подождите, я к вам сейчас подойду.

Девушка просмотрела весь список, отметила, что надо, и подошла к Алеше.

Она оказалась само совершенство.

Лицо спокойное, кожа чуть загорелая. Футболка заправлена в широкие спортивные штаны. Рост, вес, пропорции — все в редко встречаемой гармонии.

Алеше оперативником пришлось поработать немного, и общение с незнакомыми людьми по долгу службы происходило у него с затруднениями.

Он на шаг отступил от прекрасного тренера. Вдоль стен в коридоре стояли скамейки, на который сидело несколько бабушек и мам.

— Присядем, — сказал он, — мне бы с вами хотелось поговорить.

— К сожалению, у меня мало времени, — девушка говорила запрограммированно, как робот, прекрасный робот, без человеческих изъянов, высшее существо. — Сейчас начнется тренировка. Я не могу ее задерживать.

Она сочла Алешу родственником воспитанника. С родственниками надо говорить строго и холодно, чтобы не слишком цеплялись. Потому что, когда дело касается своих детей, люди, самые разумные, теряют весь разум. Опьяненные родительскими чувствами, способны на всякие излишества в их проявлениях, желаниях помочь и защитить свое дитя.

Алеша отступал, заманивая тренера в угол на дальнюю скамейку, но тренер, привыкшая к родительским уловкам, не шла за Алешей, а осталась около двери.

— Как вас зовут? — спросил Жданович.

— Лера, — коротко ответила тренерша.

— Я хотел узнать о Юлии Пузановой.

Зрочки девушки дрогнули, изменившимся тоном она проговорила:

— К сожалению, у меня нет времени.

— У меня тоже, — ответил Алеша, не отступая.

— Вы ее знакомый? — холодно спросила девушка.

— Юля уехала, ничего мне не сказав, вернее, она меня искала, но я в то время был в Киеве. И теперь потерял ниточку. А она мне срочно нужна.

— Позвоните в Сочи.

— Да я звонил. Она оставила телефон «Горного воздуха». Но в это время дозвониться до Сочи невозможно, вы же сами понимаете.

Непреклонная девушка подумала и подошла к Алеше.

— Что же вы хотели узнать?

— Когда она вернется, только и всего.

— Дней через десять.

— Как проходят соревнования, не знаете?

Девушка пожала плечами.

Ее нельзя было отпускать. Но она не собиралась задерживаться. Холодные глаза совсем заледенели. Робот. Пройтись невозможно через толстую броню.

— В Амстердам выбили ей командировку?

Алеша не знал, что спрашивать, просто задавал вопросы. Он уже просмотрел пленку, где запечатлена Пузанова в поезде «Амстердам — Москва». Теперь он хотел просто продемонстрировать осведомленность о делах своей мнимой подруги, чтобы успокоить этим девушку-тренера и разговорить ее. Будто ловил рыбу на ошупь с закрытыми глазами. Кажется, в Японии есть такой способ рыбалки. По трепетанью воды, сосредоточившись, ловец быстро находит руками рыбку, бьющуюся в неглубоком мутном водоеме.

— Мне ничего об этом неизвестно. — Глаза, пустые как стекло, без малейшего интереса к симпатичному Алеше.

От такого равнодушия он почувствовал даже укол обиды. Избаловала его Светка своими ласковыми влюбленными глазами.

Но тут девушка вдруг задала вопрос:

— А что, ходят слухи про Роттердам?

— Да вроде того. Юлия, правда, говорила, что там какие-то затруднения, вот я и спрашиваю, разрешились ли они? А то уеду опять и не увижу ее. А она одну вещь мне должна.

Видимо, девушку что-то задело за живое. Вопросы Алеша ее расшевелили. Он внимательно, но скрытно наблюдал, как лицо ее порозовело, и даже у нее какой-то свой интерес появился в разговоре. Розовые губы чуть дрогнули в слегка презрительном надломе.

— Вряд ли, — сказала девушка. — После того, что натворила в прошлом году.

Что-то побудило интерес девушки к разговору. Ревность? Соперничество?

— А что случилось-то? — вступился он за Пузанову. Аж голос понизил от обиды за свою подругу. — Все сделала, как велели, и вернулась.

— Все бросила и сбежала к своей бабке! А Зудин потом отдувался. Ведь не одной ей светят командировки. Контракт был подписан на три года, а отработала четыре месяца. Надо было правильно оценивать свои возможности. Теперь люди составили свое мнение о всем коллективе. Так дела не делаются!

Алеша ахнул. Девушка взглянула на него со злым пониманием ситуации.

— Как четыре месяца! — взревел он. — Когда же она приехала?

— Ну не помню, — девушка вовлекалась в оживленный разговор, — надо в журнал заглянуть.

Лицо Алеша сделалось вдохновенным.

— Так пошли и заглянем! — сказал он.

Девушка понимающе кивнула, и, сплоченные общим делом, они повернули к залу, и ладно зашагали рядом. Пара мамаш метнулась им наперерез, но Алеша их сдвинул плечом и отсек от тренера.

Они прошли через весь зал, мимо длинных рядов столов и остановились около маленькой неприметной дверцы. Тренер золотым ключиком отперла ее, и они вошли в тесную, захламленную комнату. Девушка включила свет, а дверь закрыла. Стеллажи с инвентарем, не только теннисным. В углу груды детской одежды и обуви, забытой и неопознанной хозяевами.

Пока лампа дневного света, мигая, разгоралась, девушка взяла со стеллажа амбарную книгу, положила ее на стол и раскрыла.

Алеша сказал:

— Ну-ка, я сам посмотрю, — и стал перелистывать страницы с конца.

Тренер тоже склонилась над тетрадью, опершись локтями о стол. Тетрадь была разлинована на графы. И в ней значились все командировки тренеров и команд. В 1999 году Пузанова ездила в командировки дважды. В Роттердам она уехала шестнадцатого марта, а приехала 28 июня. Карандашом на всю ширину страницы было написано: «на три года». Карандашом же зачеркнуто, а ручкой в столбце: «Дата приезда» написано: «28 июня».

— Да-а-а... — сказал Алеша и огорчился. Пока он не знал, чему. Но предполагал, для ориентировки, чтобы не запутаться, что Пузанова оказалась ему на глаза гораздо позже двадцать восьмого июня.

Пару секунд девушка поддержала траурное молчание.

— Вот так, — сказала она. — Теперь не знаю, когда еще позовут.

Но Алеша думал о своем:

— А этого видели здесь? — спросил он, вынул из кармана пиджака фотографию Макса.

— Конечно, — сказала девушка звенящим металлом голосом.

Алешу аж прострелило с головы до пят. Он и не скрывал своего озарения. Губы закусил, глаза сощурил.

Девушка внимательно посмотрела на него и усмехнулась понимающе.

— Он сюда часто ходил. Потом пропал, — произнесла сочувственно.

— Когда пропал? — спросил «обманутый» друг.

— Ну, уж я не помню. Но после того прокола с Роттердамом, я его не видела. Может, думает, что она еще там? — сказала ехидно и взглянула с юмором на собеседника.

Взяла амбарную книгу и брякнула ее на прежнее место на полке. Облачко пыли взметнулось над книгой.

— Вот так! — сказала девушка, подводя итог разговору. — Мне пора. И еще. Может, это подло, то, что я скажу. Но я бы на вашем месте не очень расстраивалась. Пузанова у нас известна тем, что часто меняет своих приятелей.

«Действительно, подло», — подумал Жданович, и интерес к юному тренеру у него поубавился.

— И только этим? — спросил он.

За дверью ор стоял нещадный. Когда дверь открыли, он ураганом ворвался в маленькую тренерскую.

Девушка вышла, дунула в свисток, висящий на шнурке на шее, и направилась к своему столу в другом конце зала. Дети забегали, вдоль стенки принялись выстраиваться в шеренгу. Тычки, пинки.

Девушка свистнула еще раз.

Тут Алеша вышел из зала и зашагал по тропинке к своей машине, оставленной у ворот спорткомплекса.

Жданович взял след и испытал пьянящую радость охотничьей собаки,

У него руки тряслись, когда он поворачивал ключ в гнезде зажигания машины. Сомнений почти не было: это Пузановой Беликов писал записку. Но распутают ли они клубок, потянув за эту единственную, ускользящую ниточку? Что знала Пузанова? На что или кого вышли Беликов с Максом?

Мотор машины урчал, но Жданович не торопился уезжать. Осталось самое главное: позвонить в гостиницу «Горный воздух». Но Стас запретил звонить из дома или Конторы. А также нельзя было использовать мобильный телефон. Через дорогу, как раз напротив ворот в спорткомплекс, к высотному «пеналу» пристроена типовая стекляшка с яркими голубыми буквами «Почта».

Жданович очнулся. Заглушил мотор. Машина дрогнула и затихла. На часах без пятнадцати девять. Лучше подождать пятнадцать минут здесь, чем отыскивать переговорный пункт по дороге. Он открыл дверь машины. На окраине, воздух с утра свеж и прохладен.

Сквозь ограду было видно, как Лера вывела своих ребятишек на стадион. Дети бежали за ней по кругу, вытянувшись, как хвост за кометой. Далеко раздавался звенящий визг, сливающийся с тонким чириканьем воробьев в широкой кроне клена.

Алеша заворуженно наблюдал за ожившей картиной Дейнеки, но тут железная дверь почты заскрежетала, распахнулась, и вышла толстая тетка в черном парике. Она закрепила дверь камнем и исчезла в чреве полутемного помещения.

Жданович, захлопнув дверь машины, последовал за ней.

В пятницу вечером вся команда, посвященная в дела операции «Свидетель», собралась в кабинете Ждановича. «Посвященных» было трое: начальник отделения 220 — Станислав Николаевич Синицын, его заместитель — Алексей Жданович и делопроизводитель отделения, секретарь Стаса Илья.

Жданович уже доложил, что звонил в гостиницу «Горный воздух» дважды, второй раз в четверг вечером. Чудо, но вечером тренера нашли быстро.

И вот тут-то случилась первая осечка. Зудин долго мялся, говорил, что Пузанова не может подойти к телефону, а потом и вовсе заявил, что она... потерялась, выпрыгнула из поезда. Минут десять Жданович слушал бестолковые объяснения, потом не выдержал и на очередную долгую паузу, которыми изобиловали переговоры, повесил трубку.

— Почему же Зудин сразу не сказал, что девушка потерялась? — спросил недоуменно Стас, выслушав Ждановича.

— Надо ехать в Сочи, — вместо ответа сказал Алеша. — Срочно.

— Подожди, — ответил Стас. — Сначала глянем на пленочку.

Пленку прокручивали в третий раз, специально для начальника, Жданович ее видел уже два раза.

Сначала мигнуло, мелькнуло, с полминуты шла резь и сыпь на экране телевизора, вдруг с центра экрана, как око, раскрылась картинка: вид купе поезда со стороны окна. Дверь в купе раскрыта.

На экране, с близкого расстояния мелькают руки, плечи, головы двух мужчин в форме работников таможенной службы. Мужчины выходят, показав затылки и спины, и в дверном проеме появляется дородный дяденька — проводник, в котором Жданович сразу заподозрил работника Конторы, и с помощью Ильи его предположения сегодня утром подтвердились.

Проводник цепко осмотрел купе, бросил пронизательный взор на трех зрителей в кабинете Ждановича, и взор его прояснился — дело взято в надежные руки.

— Камеру заметил, — прокомментировал Илья.

Проводник исчез, и в светлый дверной проем стали видны люди, спешащие слева направо к выходу. Почти все тянули или толкали тяжелые баулы. Трое в кабинете терпеливо просмотрели весь поток.

Он стал редеть, и вдруг в двери показался симпатичный паренек, со светлой «студенческой» челкой. Юноша посмотрел в экран.

— Все в порядке? — спросил он.

Зрители замерли. Начался разговор, прозвучавший год назад. Улыбчивое лицо парня озаботилось, он пристально смотрел с экрана. Тронутся с места, стал расти, приближаясь к фокусу кинокамеры, теперь была видна только средняя часть его туловища, но юноша сел, и опять на пленке стало видно его лицо.

— Ну-ну, — сказал парень успокаивающе, протянул руки и кого-то обнял. Кого — не было видно, но на экране всплыли слева белое обнаженное плечо и рука. — Не надо так уж. Я живой и даже здоровый, — успокоил всех юноша.

Тут Стас нажал на «стоп» пульта и спросил:

— Кто?

— Смирнов Виктор Витальевич, сто восемьдесят восьмая статья, четыре года, — и готовый служить Илья угодливо назвал номер дела и номер колонии, где Витя уже начал «тянуть» срок.

Стас кивнул и продолжил просмотр.

— Цветы мне? — спросил веселый парень. — Бабушке?

Парень наклонился, чтобы поцеловать девушку. Сцена достойная великих классиков. Юная пара, не зная о трагической развязке, обнимает букет белых цветов.

— Я специально, ради тебя приехал, чтобы прощения попросить и подстраховать Мамедова. Видишь, все обошлось. Все хорошо. Снова вместе... — заговорил парень.

Стас снова нажал на «стоп».

— Мамедов? — спросил он и голову наклонил в знак того, что слушает. Очень внимательно слушает.

Илья наклонился к подставленному уху начальника и горячо, обжигая дыханием, сообщил ему:

— Анатолий Ренатович, статья сто восемьдесят восьмая, шесть лет, — и добавил номер дела и колонии.

Стас поднял бровь и взглянул на торжествующего Ждановича. Нажал на кнопку пульта и продолжил просмотр.

Смирнов наклонился, лицо его пропало с экрана.

— Вместе? А бутылка с клеем? — спросила девушка.

Стас остановил изображение. Ждал, что скажет Илья, но тот молчал. Стас повернулся и посмотрел на сотрудника.

— Лицо девушки скрыто, — ответил Илья. — На пленке будет видна только рука с часами. Мы сделали фото.

Стас принял из рук Ильи несколько фотографий: крупным планом взята женская рука с часами.

Илья продолжил:

— Алексей хотел сегодня вечером сходить в спортклуб показать фото. Но я звонил, там уже никого нет. Все разбежались. А завтра, в субботу, подруга Пузановой — тренер младшей группы, уезжает с детьми в летний спортивный лагерь. Можно сегодня вечером съездить по адресу, пока есть время.

— Не надо, — остановил поспешный речитатив Стас. — Нужды нет. Поехали дальше.

...Смирнов сидел, развернувшись навстречу дулу скрытой камеры. В дверной проем опять заглянул проводник, но пассажиров не поторопил, а прошел дальше по вагону.

— Предательство — предмет роскоши, — произнес вдруг девичий голос.

— Почему? — спросил Смирнов.

— Потому что дорого обходится своему хозяину.

Пророчество с экрана смотрелось жутковато. Тем более что на экране девушка не фигурировала, а слышался только ее звучный голос, и казалось, что Смирнов беседует с самой судьбой.

Разговор продолжался. Смирнов уже ерзал и посматривал на редких продвигающихся к выходу последних пассажиров. Но девушка расфилософовалась не на шутку.

— Смирнова держит в кадре, — сказал Стас, — как учили.

Юля продолжала:

— Я тоже предатель, — сказала она горестно, — вопрос только в цене, которую придется мне заплатить.

Мирно дремлющий в Стасе философ почувствовал толчок и проснулся.

— Вот вам и машина времени, — прошептал он в тон девушке, будто она с ним разговаривала с экрана. — Пожалуйста, вот вам и цена. Двоих уж нет, другие далече, в лагерях...

Девушка пропала, может, уже по всем пунктам заплатила, а вечный вопрос о цене предательства все звучит с экрана.

Жданович и Илья молчали, польщенные и довольные, что доставили начальству удовольствие смотреть со стороны и с высоты прошедшего времени на разыгрывающуюся человеческую и философскую драму.

Что есть истина? Быть или не быть? Что делать? А девушка с экрана добавила и свой вопрос: «Почем предательство?» и через год получила ответ.

— Хотелось бы на нее взглянуть, — сказал Стас.

— Фотографии пока нет, — ответил Илья, но это не проблема...

— Потом, — отмахнулся Стас, пристально вглядываясь в экран.

Действие продолжалось, девушка показывала какие-то банки Смирнову и заставила его перед экраном признать их своими. Смирнов уже терял терпение от затянувшегося разговора, раздражался, но девушка упорно удерживала его перед объективом.

Наконец Смирнов встал, переложил себе в сумку тяжелые жестяные банки, похожие на те, что бывают с автомобильной мастикой.

— Ну, поехали, — сказал.

Девушка поднялась и последовала за ним. Стас остановил изображение. На экране вырисовывался четкий силуэт девушки, трудно определить ее рост, но телосложение спортивное. Одета в белые облегающие джинсы и белую водолазку. Стрижка очень короткая, ежиком.

Стас нажал на кнопку пульта. Девушка продолжила движение к выходу и скрылась, свернув направо за Смирновым.

Пленка долго показывала светлый прямоугольник двери. Пока там не показался человек в маске с прорезями для глаз. Страшная киношная маска надвинулась с экрана, изображение мигнуло и пропало.

Стас выключил телевизор. Посидели, помолчали.

— На Смирнова выходить для допроса? — вдруг спросил Илья.

— Не надо, — не дослушал его Стас. — Дело запросили?

— Да, — ответил Жданович. — Завтра будет.

— Завтра... А дело об убийстве Козырева?

— У меня, — ответил Жданович. — Показать?

— А ты сам его смотрел?

— Да.

— Докладывай.

Говорили отрывисто. Пошла работа.

Жданович помолчал, вспоминая и собираясь с мыслями.

— В начале ноября 1998 года из города в Сочи выехала детско-юношеская команда по настольному теннису. Человек двенадцать детей и с ними два тренера: Юрий Козырев и Юлия Пузанова.

— С какого она года? — спросил Стас.

— С конца 1979 года.

— Откуда знаешь? — спросил Стас.

— В деле прочитал, — ответил Жданович и продолжил: — День приезда в Сочи Пузанова со своей подругой Татьяной Прокоповой отметили в ресторане при гостинице в компании двух мужчин. Имена-фамилии в деле, проходят как свидетели. Напились. Козырев к ним подходил и пытался увести из ресторана, но девочки не подчинились. Пузанова с подругой в ресторане имели успех. Народу было много. Случилась свалка. В конце концов Пузанова ушла под утро из ресторана с Вороновым — известной личностью в Сочи и прокуратуре. Татьяна вернулась в номер. Утром, в кустах у гостиницы, был обнаружен труп Козырева с двумя огнестрельными ранами в голову. Стреляли сзади.

Стас насторожился и поднял палец:

— Воронов? Что за тип?

Вступил Илья. Раскрыв папочку, прочел справку:

— Павел Андреевич Воронов. Осужден в 1985 году по 148-й статье на пять лет. Сидел два года, потом им заинтересовались наши органы, забрали его и дело, а в 1990 году, как срок вышел, Воронов появился в Киргизии. К суду больше не привлекался.

— Стоп, — сказал Стас. — Что же вы молчали? Кто забрал к себе Воронова? Где? Где он сейчас!

Подал голос Жданович:

— Сидел в Казахстане, увезли его наши ребята в Курдай. Там его след потерялся. Всплыл в деле Козырева. Выходит, что полтора года назад Ворон вполне благоденствовал, жил и радовался, танцевал в ресторане в Сочи с девятнадцатилетней девушкой, да еще сумел увести ее у кавалеров. Вот так.

— Курдай! — воскликнул Стас. — Вот оно что! Курдай! Кому он попал в Курдае известно? В том смысле, под чье имя его забрали?

— Его взял майор КГБ Республики Казахстан Седов.

— Так, что с Седовым, не тяните!

— Полковник Седов погиб в 1991 году при загадочных обстоятельствах, перед гибелью успев зачистить все материалы о своих агентах.

— Вот теперь все ясно, — сказал Стас и не утерпел, встал. — Вот вам и цепочка.

Ждановичу с Ильей было как раз не совсем ясно, но Стас пояснил:

— В 1988 году в Курдае были созданы азиатские группы подразделения «А». Чувствуете связь? Видимо, наш друг Ворон попал в какую-то из этих групп. Если Седов служил в КГБ Казахстана, то Воронов, скорее всего, попал в группу А-24, созданную для работы в Казахстане. Предчувствуя гибель, Седов попытался спасти агентуру, наверняка некоторых агентов передал в другие группы. И, скорее всего, не азиатские. Среднеазиатские республики разваливались, и всех агентов КГБ там ждала одинаковая участь.

Помолчали. Стас не мог сидеть, когда его вздымало на гребень вдохновения. Он пробежался вдоль шкафов, схватившись руками за голову.

Двое его подчиненных наблюдали за ним, присмирив. Стас заметил оторопь своих молодых сотрудников, остановил свое движение и усадил себя за стол.

— Вот-вот, — сказал. — И, как считаете, кому передали вашего Ворона. Кому? — спросил быстро.

— Максусу.

— Беликову.

— Вот-вот. Если бы Ворон был под рукой, не было бы нужды предупреждать девушку запиской. Сказали бы Ворону: присмотри за девочкой, и все. Но Ворона нет. Где-то он далеко, и о его делах Беликов не знает. Вот он и шлет записочку девочке: дескать, полагайся только на своего Ворона, если захочет, то поможет.

— Если Ворон не агент Беликова, откуда Беликов знает, что Пузановой будет помогать некий Ворон?

— Из дела Козырева. Узнали по своим каналам, кто такой Ворон. Конечно, информацию оставили для себя, в дело не подшили. У девочки расспросили устно про их отношения. Тоже оставили для себя. Не романы писать. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не просило денег. А уж в последний момент некогда искать Пузанову, которой небось в городе-то в это время не было, искать Ворона, которого вообще вряд ли поймашь, вот Беликов и делает этот отчаянный ход, шлет записку Максусу. Макс в это время был в командировке, а потом почему-то срочно попросил отпуск и скрылся на турбазе. Но ненадолго... Нашли его и там. Кто? И почему? Но главное — кто? Откуда и почему Пузановой угрожала опасность?

— Вероятно, не весь канал зачистили, кто-то остался на свободе, — предположил Илья.

— Не-е-ет, — Стас энергично замотал головой. — Что-бы полковника и его зама уложили из-за этих банок? Из-за этой девчонки? Какие силы были задействованы! Нет, наркотики, скорее всего, тут вообще ни при чем.

Он вскочил со своего места, обежал вокруг стола и сел снова.

— А у меня тоже есть свои достижения, — сказал Стас. — Дело Беликова и Макса все-таки объединили и отдали Лукину из трехсотого отдела. Лукин тоже для нача-

ла поднял все дела за последние пять лет, что вел двадцать второй отдел под началом Беликова. Я отобрал три, незавершенные. Дело фирм «Колосс», «Интер» и «Медея». Интересно. «Колосс» — охранное агентство, «Интер» — турфирма, «Медея» — оперативно-розыскная деятельность.

— Все они подозреваются в незаконном обороте наркотиков?

— То-то и странно, что нет. Почему тогда этими делами занимался Беликов? «Колосс» и «Интер» фирмы небольшие, и теоретически им не хватит сил на уничтожение Беликова и Макса. А вот «Медея» является департаментом безопасности холдинга «Дуб». Организация могущественная, объединяющая различные роды деятельности, но в последнее время обращает на себя внимание активными действиями по поводу добычи и продажи информации.

— Хороший бизнес.

— Очень. Очень хороший бизнес, но с маленьким «но»: в «Медее», по-видимому, не обошлось без незаконных методов. Это читается с первой страницы дела.

— Почему Беликов занимался «Медеей»?

— Не знаю, как вышел Беликов на «Медею», кто навел, почему не передал в другой отдел, а может, там и наркота замешана, хотя вряд ли, организация сверхсолидная, но только одно есть истина: Беликов вполне мог на «Медее» сломать себе и Максу шею. Вот так.

«Дело так серьезно и опасно, что даже Кант забыт», — подумал Алеша Жданович.

— Мне кажется, пора ехать в Сочи. — Сказал Жданович.

— А сегодня в Конторе нет начальства, я бы мог посидеть над «Дубом». Под дубом... «Здесь кто-то есть. Не надо свечи...». Рационализм — вот что мешает нам. Рационализм. «Чтобы быть честным и даже мудрым мы не нуждаемся ни в какой науке и философии».

«Есть», — подумал Жданович.

— Если Ворон — секретный агент, нам его не найти, — предупредил Илья.

— А-22, — сказал Стас.

— Что?

— Я говорю, А-22 — северокавказская группа подразделения «А». Помните, где веселился Ворон полтора года назад.

Жданович промолчал в сомнении.

Устали. Поздно. Кабинет в бордово-коричневых тонах потемнел.

Перевели дух, Стас было попил из своей чашки, но там пусто, на дне только высохшая заварка. Он сразу забыл про жажду, отставил чашку и спросил.

— Я не понял. Что с девушкой?

— Зудин по телефону сказал, что она пропала в поезде.

— Скорее всего, ее успели убрать, — прервал Стас. — Поезд обыскали?

— Какое! Похоже, этот тренер даже в милицию не заявил, только нам по телефону и сказал, что Пузанова исчезла. Илья сделал запрос в Управление Северокавказской железной дороги. Подходящих трупов не было обнаружено. В Сочи неопознанного трупа русской двадцатилетней девушки тоже нет. Сегодня к вечеру снова звонили в «Горный воздух». Зудин сказал, что девушка не появилась.

— Когда вы все успели? — спросил удивленный Стас.

Польщенные недоуменным вопросом, сотрудники не сумели скрыть краску удовлетворенного тщеславия, оживившую и без того хороший цвет их молодых лиц.

В голове Стаса кипела работа. Лицо напряжено, взгляд с прищуром уперся в стенку.

— Ехать в Сочи, немедленно, — сказал он.

— В субботу, в одиннадцать вылетает самолет в Адлер, — говорит Жданович. — Я заказал билет.

Стас не удержался. Вскочил с места, побегал по кабинету, отдернул шторы, взглянул на серые жалюзи. Жданович и Илья сидели в тех же позах и наблюдали за метаниями начальника.

— В Сочи еду я, — сказал Синицын. — У меня там есть свои привязки.

— Вас никто не отпустит, — сказал Жданович. — И даже если отпустят, пока согласуетесь, время уйдет.

Стас покачался с носка на пятку. Его прозрачные рабы глаза остекленели.

Потом он ожил, подскочил к телефону и набрал номер.

— Николай Павлович? — спросил.

Илья со Ждановичем обмерли.

— Синицын Станислав Николаевич, — представился Стас, — мне надо завтра, нет, в понедельник, лететь в Сочи, — говорит Стас просто, — Ждановича оставляю за себя. Ненадолго. Да-да. Можно сказать и так. Нет, пока один. Не надо, слишком много помпы. Кое-что есть. До свидания.

— Что? — спросил Жданович.

— Ничего, уеду, и все. Никто не узнает, что я в Сочи. Николай Павлович отпустил. Без лишних слов все понял. Сказал просто, что принято решение проводить операцию «Свидетель» без согласования и финансировать без сметы. Пожелал здоровья. Сказал: делай, как знаешь. В рамках операции полномочия не ограничены.

В Стасе опять проснулся философ: «...в рамках, не ограничены...» — попробовал он фразу на язык.

Хотелось бы, конечно, Ждановичу в Сочи, но... Перед Стасом откроются те двери, что могут оказаться запертыми перед ним. И разговаривать с Синицыным будут иначе. Доверительно, без свидетелей, дружески.

А может, и нет... Агентура — вещь чрезвычайно тонкая, даже интимная. Как предмет туалета. Индивидуального пользования, и всегда содержится в стерильной чистоте. Возможно, что информацией о своем агенте, куратор не сочтет возможным поделиться.

— Илюша, — говорит Стас, — переформи билеты на меня и на понедельник. В субботу ехать незачем — впереди два выходных. Обратный билет возьму на месте. Приеду дней через пять. По моему сигналу, ну, скажем «Решение готово», пришлите двух молодцов со снаряжением.

Алеша, ничего не понимая, помотал головой, как лошадь, отгоняющая слепней.

— Да, — говорит Стас ему, — засиделся ты в архиве, мальчик. А история в перчатках не делается. Как там... «Привыкли к Лориган и к розам, А этот хлеб, что жрете вы, ведь мы его того-с, навозом».

— На Канта не очень похоже.

— Тут все не похоже на Канта. Мне бы фотографию... Сумеете достать фотографию Пузановой, а, ребята? А, впрочем, не надо, лучше, чтобы все было тихо. Я и так думаю, что вслед за мной еще кто-то в Сочи полетит.

Жданович не понимал, что Стас говорит, молчал и смотрел в пол. Ему казалось, что Стас не очень-то старается быть понятным. Бред какой-то. Что предвидит Стас, зачем ему молодцы со снаряжением? Ведь все просто: Зудина опросить, в прокуратуру сходить, в местную Контору, про Воронова узнать. Зачем Стасу бойцы?

— В понедельник придут еще двое ребят. Ты, Алеша, организуй спецквартиру для переговоров. Чтобы все было оборудовано по высшему разряду. Три дня тебе хватит. Один из новых ребят — Дряхлов крупный специалист по этому делу. Номер спецтелефона пришлете шифром, как только я запрошу. Я буду рассчитывать, что к вечеру следующей среды у меня будет квартира со спецсвязью. Вот так. Вопросы есть?..

Заасфальтированная дорога кончилась.

Она напоминала карту мира, а асфальт на ней обозначал материки и крупные острова. Как и положено, большая часть карты была залита океаном. Океаном на дороге служили рытвины, выбоины, вымоины. Не скажу, что глубокие: здешняя земля тверда и камениста. Но все же, даже нечувствительный «КамАЗ» ощущал неровности дороги. Я ему сопереживала.

С углублением в горы асфальт облезал все больше и больше. Километров через пять от основной трассы совсем кончился. Машину Паша, наконец, остановил, и мы вылезли посмотреть, что там с дорогой дальше.

Паша с Яшей вылезли быстро и ловко. Спрыгнули, как кузнечики, и пошли вперед.

Я же долго примеривалась к далекой, мутной, расплывчатой земле. Она была живая, накатывалась волнами: то ближе, то дальше. Я решила прыгнуть в ближайшую волну. Но будто бы стекла, как капля по стенке стакана с

водой. Левая рука еще цеплялась за дверцу «КамАЗа», а зад уже оседал на землю.

Я легла у пахнущего бензином, черного, огромного колеса. Даже голову отворотить от него и посмотреть на речку не было сил.

Мы тряслись на «КамАЗе» второй день, и всю дорогу я жаловалась твердокаменному Ворону:

— Паша, голова болит! Останови, Пашечка! Дай передохнуть, полежать на травке, да хоть на дороге, но чтобы меня хотя бы полчаса не трясло.

С моей головой, после того, как я спрыгнула с поезда и треснулась ею о землю, не все в порядке. Паша, оказывается, у нас по профессии фельдшер, кстати, здесь, на Кавказе, это чрезвычайно уважаемая и дефицитная профессия. Так вот, Паша определил: сотрясение мозга.

Утром сегодня проснулась, оттого, что мотор «КамАЗа» заревел под окнами домика, в котором мы разместились на постой. Хоть голова у меня раненная, но мигом сообразила, что к чему. Я бросилась через все крошечные комнатки домика на улицу. На дороге от моих вероломных друзей осталась только оседающая пыль.

Как в песне, побежала я за поворот. Упала в пыль уезжающего «КамАЗа». Паша с Яшей заметили в зеркало заднего вида, притормозили, подняли, увещевали. Но я не осталась в деревне.

Тогда в большой кабине «КамАЗа» уложили меня на заднее спальное, место. Но оказалось, что лежать тяжелее, чем сидеть. Меня тошнило, я прямо-таки узлом завязывалась от этой нестихающей тошноты и шума в голове.

Тогда меня усадили на Яшино место впереди, а сам Яша трясся сзади.

— Да, — сказал он. — Теперь я Юльку понимаю, уж лучше сидеть, чем головой биться об лежанку.

Вот так, умирая, домучилась я до семи часов вечера этого долгого дня.

Асфальт кончился. «КамАЗ» остановился. Мужчины ушли на разведку. А я легла под пыльный бампер могучей машины.

Лежала блаженно, но недолго.

— Твоя взяла, — прозвучал Пашин голос. — Остановимся здесь. Не туда свернули и заблудились. Завтра утром вернемся к столбам, машину там бросим и автобусом двинем до Пятигорска. Или до Лермонтова. Как пойдет. Лучше бы, конечно, сразу до Пятигорска. У нас только один день остался. Но денег нет. А нам они понадобятся.

— В Лермонтове есть деньги? — спросила я.

— В Лермонтове много чего есть. Друзья есть. Но денег нет. Их надо добыть.

— Как руду?

— Примерно так. Но сделать это лучше в Пятигорске.

— Зачем тогда нам Лермонтов? Едем сразу в Пятигорск.

— Слышишь, Яша, что мудрая женщина сказала? То же самое, что и я тебе. А ты спорил! Заводи мотор, и едем. Как раз к утру будем в Пятигорске.

Я молчала. Мой мозг покоился на жестких краеугольных камнях, и я не стала его тревожить звуками собственного голоса, который гулким резонансом отдавался в моем небольшом черепе.

Мужчины постояли, подождали ответа секунд десять, и пошли себе собирать хворост.

Удаляющийся треск сухих веток под ногами обозначил, что друзья спускаются к реке. Поляну ищут для стоянки. Мы вчера тоже искали поляну, но все же решили остановиться в селе, видимо, в тот момент мои друзья по большой дружбе додумались меня пристроить у бабки.

Под бампером темнело быстро. Что-то пощелкивало в остывающем моторе.

Я взялась руками за голову и повернула ее в сторону реки.

Тянуло прохладой от черных кустов. Треск на берегу смолк, и наступила первобытная тишина. Она состояла из мягкого шума реки и жутких криков ночного южного леса.

Опять что-то тихо затрещало на берегу. Возвращаются. Но треск не приближался, а застрял у реки. Мигнул свет. Еще. Свет замигал и установился. Костер разложили.

От кустов отделился человеческий силуэт. На дороге еще светло, и когда человек вышел из кустов совсем, я узнала Яшу.

Он присел на корточках рядом и заглянул под машину.

— Полегчало? — спросил участливо.

Не хотелось говорить «да», чтобы меня не трогали. Но все равно придется вставать, и поэтому сделать это надо побыстрее, чтобы опять лечь, уже спокойно, и на всю блаженную ночь без тряски, на плоскую поляну у костра.

— Давай руку, помогу, — Яша протянул свою смуглую, небольшую, азиатскую руку, и я зацепилась за нее. Осторожно он вытянул меня из-под машины. Я берегла голову и склонялась как можно ниже к земле.

— Осторожнее, — шепнул хороший Яша.

Я оторвала от земли верхнюю половину туловища и стояла на коленях. Это был, в прямом смысле, головокружительный трюк. Как люди ходят на двух ногах и сохраняют равновесие при этом, постичь в тот момент не могла.

— Да-а, — протянул Яша, глядя на меня, покачивающуюся на четвереньках из стороны в сторону.

Встал, хотел меня подхватить под мышки, но я не далась. Цепляясь за него, поднялась на ноги, и мы побрели к реке. Тропинка шла вниз. Я шагала, слишком высоко поднимая ноги и проваливаясь на каждом шагу. И при этом еще спотыкалась обо все корни и сучья. Но Яша держал меня уверенно, и, перебирая ногами, как сомнамбула, я все-таки передвигалась сама.

Мы подошли к костру, у которого хлопотал Паша.

Поляна была не плоской, как я мечтала, а шла покато. Меня посадили выше костра, и я сразу легла, ногами к огню. Не видя, почувствовала, как друзья озабоченно переглянулись.

Я осталась сторожить костер, а они пошли за вещами.

«КамАЗ» завелся, мигнули фары, я равнодушно подумала, что меня оставят здесь. Но машина, взревев, съехала с дороги, ткнулась в кусты и затихла.

Речка струилась меж камней, я, полулежа на скате, видела ее. Костер освещал скалу на другом берегу, плоскую и вертикальную, как стена. Со скалы спускался плещ, такой же у меня на кухне дома со стены спускается. Скала

очень близко. Костер освещает маленький кусочек полянки. Да и полянка сама крошечная, кругом кусты и огромные гладкие валуны.

Испугалась кошмаров, подступающих ко мне в виде скрюченных, длинных пальцев, тянущихся из темных кустов, со стоном подняла голову от земли и села.

Зря я потревожила голову. Земля с кустами вдруг завращалась вокруг меня, наращивая скорость. Я закрыла глаза, чтобы этого не видеть. Заболело в переносице, и глаза болели, будто на них надавили пальцами.

Но я вынесла это. Посидев минуту с закрытыми глазами, осторожно их открыла. Вращение замедлялось, и, наконец, картинка перед глазами остановилась.

Яша намазал паштетом булку и протянул мне.

Я подумала: «Почему все время Яша? По идее, Ворон должен ухаживать за мной».

Все-таки фельдшер, полтора года назад в любовниках ходил. Но Ворон за это время очень изменился. Стал раскованнее и жестче. Правду сказать, я и раньше чувствовала, что он не тот человек, каким я его вижу. Его скрытность и жесткость, и даже жестокость, я и раньше ощущала. Но тогда это скрытое «что-то» придавало Ворону романтический ореол, возбуждало меня.

Теперь Ворон от меня не скрывается. Передо мной чужой, равнодушный человек, от которого веет самой настоящей опасностью.

На меня не смотрит, недоволен моими стопами. Мне вчера сказал, глядя в самую душу продолговатыми глазами с прищуром:

— Дорого ты мне обойдешься. — И такая змеиная улыбка поползла по его губам.

Напугал он меня. И я как-то прибилась к Яше, своему покровителю, который был помягче, которого трогали мои стоны, и что-то во взгляде дрожало, когда он мою голову с подушки приподнимал и поил водой из стакана.

Вот и теперь Яша кормит меня. Бутерброд сделал.

— Не хочу, — сказала я. — У меня же сотрясение мозга. Первый признак: тошнит и есть не хочется.

— Ерунда, — отозвался Паша от костра, — если не поешь, еще больше затошнит на пустой желудок, и завтра совсем ехать не сможешь.

Мы с Яшей смущенно промолчали в ответ на это жесткое вторжение в свои нежные взаимоотношения.

— Чего хочешь? — спросил он меня чуть слышно, почти одними губами.

— Сладкого бы, крепкого чаю попила, — ответила я. Я помнила из брошюрки о первой помощи, что при всех травмах и передрягах лучшее средство — крепкий, сладкий чай. И так мне его захотелось! Горячего, терпкого, приторного!

— Есть только лимонад, — шепчет Яша. — Чаю нет, да и кипятить не в чем. Потерпи до завтра. До Пятигорска.

Я тяжело вздохнула и отвернулась. Яша посидел на корточках с бутербродом и отошел к костру. Я опять легла. Тошнотворное, бешеное вращение земли вокруг меня возобновилось.

Костер радостно трещит, выстреливая сноп искр в темноту. Около пакета с хлебом суета и писк. Я разложила куртку и легла на спину. Разбитая голова гудела, но не кружилась. Осторожно повернулась и легла щекой на рукав куртки. Так лучше.

Мы втроем остановились в узком ущелье, дальше Пашиному «КамАЗу» не проехать, дорога кончилась. Спустились к речке и решили заночевать здесь. Разложили костер, сделали покушать. Пока пили чай, друзья рассказали, очень коротко, что мне угрожала опасность, и Паша спас меня. Какая опасность, откуда? На этот вопрос не ответили. Промолчали оба, и я, недоумевая, подумала, что, может, Паша просто похитил меня? Как в горах похищают невест? Хотя... Зная Пашу...

Я уже засыпала, как вдруг одна мысль всколыхнула меня, я встрепенулась и спросила Пашу:

— Так ты кто теперь? Сексот или как?

Паша заворчался в темноте, тяжело завздыхал, как великому ученику. И... снова затих.

— Паша! — позвала я, — не спи, ответь девушке!

— Что опять? Я тебе уже говорил как-то... — начал Паша стоически, — нас с Яшей соединила Контора в ноябре восемьдесят восьмого года, двенадцать лет назад. В Курдае. Курдай — это такой стратегический объект Среднеазиатского военного округа. Представь себе плоскую степь от горизонта до горизонта. И гектары охраняемой и опутанной колючей проволокой земли.

Я представила. Желтая степь и проволока.

— В том году в КГБ было принято решение: для обеспечения государственной безопасности создать оперативно-боевые группы для физического уничтожения лидеров наркобизнеса и прикрывающих их работников МВД. И вот, отобрали уголовников и наркоманов и решили сделать их сексотами. Собрал нас инструктор, речь толкнул. А на следующий день начались занятия. Подъем в четыре утра. Бег. Завтрак. Физические нагрузки, технические занятия...

— Знакомая схема, — пробормотала я. — Вот только что за технические занятия?

— Оружие. Начали с нагана.

— Почему? — Я всегда была любопытна к технике и оружию. У меня дома, в темной комнате стоит ружье. От отца осталось.

— Он безотказен. И не надо искать гильзу. Наганы не отстреливаются для милицейской гильзотеки. Сто процентов поражения на пятьдесят метров.

— Ты расскажи про занятия по владению холодным оружием! Как не инструктор тебя, а ты его учил цыганским перехватам! — вдруг вдохновенно затараторил Яша.

Я присмирела и к земле прижалась. В кустах заходились в тоскливом плаче шакалы. Было жутко и темно. Безысходно и очень одиноко.

А мужчины рассказывали наперебой, как учили их убивать, делать зажигательные смеси и взрывные устройства. Как гранату Ф-1 можно превратить в мину замедленного действия с помощью веревки и серной кислоты. Я прошла курс ускоренного обучения, как делать зажигательные смеси из бензина, пенопласта, хозяйственного мыла и солянки. А еще, перебивая друг друга, друзья поведали мне увлечен-

но, как изготовить страшное химоружие из соляной кислоты и крысиного яда.

— А еще был спецкурс, который, кстати, наиболее пригодился: «Методы физического воздействия для установления истины»... — Тут Паша что-то споткнулся и замолчал.

Я испугалась, что он расскажет подробно и об этом спецкурсе, и перебила поспешно:

— Ну, хорошо. А что дальше было? Вот вас выучили и... -

— А в феврале 1989 года мы сдали зачеты. И нас, уже готовую группу А-24, принял наш куратор, тогда еще майор. Работать мы должны были парами. Я с Андрюхой. Яша со своим напарником. Потом наших напарников убили. Яша сам чуть жив остался. И с тех пор мы работаем с ним в паре. Вот так.

— И все эти годы вы были чистильщиком?

— В общем, да. Были перерывы. Когда лечились. Или скрывались. Одну зиму полгода в горах жил.

— На Кавказе?

— Нет, в Киргизии. У меня там много знакомых. И теперь нас могли бы прикрыть на некоторое время.

Я уже наполовину спала. Мне казалось, что я в пещере в синих горах, как у Рериха. Идет снег хлопьями, и воют шакалы.

Проснулась от холода. Шестой час. Костер погас и остыл. Головешки глухо чернеют, мокрые от обильной утренней росы.

Мужики спят.

Хотела повернуться на другой бок, очень долго я морально готовилась к этому — разбитая голова болела, наконец, решилась... и замерла. Наверху, между черными кустами, где стоял наш «КамАЗ», увидела две пары ног в огромных сапогах. Ноги застыли, как колонны, носки обращены в нашу сторону.

Я сдавленно прошептала:

— Паша!

Но Ворон не слышал.

Одна пара ног подстраховывала наверху, другая приступила к спуску. Человек ступал осторожно, но обильно разбросанные по склону сучья все же треснули. У Паши

дрогнули ресницы и открылись глаза. Носогубная складка обозначилась еще резче. Рука, на которой спал Паша, чуть пошевелилась, и в раскрытую ладонь из рукава выполз нож.

Вот оно! Охота началась. Паша посмотрел мне в глаза. Я замерзла под его взглядом. Как тогда в тамбуре. Взгляд продолговатых темных глаз, цвет которых мне до сих пор не удавалось определить, ничего не выражал, но стало жутко от этой, исключаящей все определения пустоты.

Ноги приближались, уже почти не таясь, и на них обозначилось крепкое туловище военного образца. Теперь мои глаза различали пятнистую форму. Ужас, холодный и цепкий, разом схлынул, я, помогая себе руками, оторвала голову от земли и села.

Человек остановился. В руках он держал оружие, я спецкурсы не проходила и названия вам его сообщить не могу. Только ручки — как у немецкого автомата образца сороковых годов, а дуло короткое, несколько сантиметров. Может, автоматы тоже обрезают, как охотничьи ружья и иудеев?

Человек уже заинтересовался Пашей. Короткоствольное оружие направлено на него.

— Встать! — скомандовал парень.

Паша медленно поднялся.

И Яша встал. Он, оказывается, тоже не спал.

Я же сидела по-турецки, продолжая сжимать голову.

— Что с ней? — спросил парень, почему-то Пашу.

— С похмелья, — ответил тот.

— Встать, — сказал мне безжалостный парень.

Я очень медленно, впервые в жизни под дулом автомата, цепляясь за траву и кусты, начала долгий подъем.

Стояла, закрыв глаза и держась за шершавый, мокрый ствол дерева.

— Как там? — крикнули сверху.

— Нормально! — ответил звонко наш парень.

— Пошли, — сказал нам и повел стволом.

Мы растянулись по склону, шли гуськом. Шествие замыкал парень с автоматом.

Наверху было повеселее. Трава у дороги просохла. Тент кузова от росы потемнел. Рядом с родным «КамАЗом»

стояла еще машина. Чудная. Без верха, легковая, но на огромных колесах. Из кузова «КамАЗа» выпрыгнул солдатик, он был весь в соломе и в руках держал наш мешок с продуктами. Высыпал банки прямо на траву.

— Документы! — потребовал старший.

Паша полез за пазуху и вытащил мой паспорт и свои документы. Яша тоже протянул свои. Старший просмотрел их бегло, задержался на моем паспорте.

— Девушке нет еще двадцати одного года.

Паша искренне удивился:

— Ты мне еще полтора года назад, в Сочи, говорила, что тебе двадцать один.

— Врала, — спокойно ответила я. — Мог бы потрудиться проверить.

Парни остро глянули на нас, но промолчали.

Паша помрачнел.

Солнце бежало по горам, проникая острыми лучами в густые кроны деревьев и кое-где достигая земли. На лужайке образовалась пятнистая светотень. Через час здесь будет жарко.

Старший колебался в своем отношении к нам.

— Куда путь держим? — спросил он.

— Решили отдохнуть. А так, домой, в Майкоп.

— А вы? — спросил он меня ядовито, — тоже в Майкоп?

— В «Горный воздух». В Сочи.

— Немного в другую сторону, — ответил старший.

— Я не тороплюсь, — ответила я.

— Ваша тяга к приключениям может плохо кончиться, — сказал он мне с благородным холодом в голосе. — По радиации передавали, труп одной искательницы уже разыскивают по всему побережью.

— Да... — Вот те раз! По словам Ворона, мне грозила опасность как раз от тех, кто разыскивал мой труп.

Паша нахмурился.

— Сегодня что? Суббота. — Спросила и ответила я сама себе. И опять протянула: — Да-а-а...

— Пятница, — поправил меня самый младший из солдатиков. У него не было оружия, кроме нашего пустого мешка.

Старший был доволен моей задумчивостью.

— Вот-вот, — сказал он, подогревая мои размышления.

Мы постояли в тягостном молчании.

Старшему это надоело.

— Ладно, — сказал он недовольно. — Номера запиши, — бросил своему солдатику. Тот чиркнул в планшетик, висящий на ремне.

— Поехали.

Военные погромыхали дальше по тропе патрулировать вверенную территорию.

Я шумно задышала.

Паша стоял, не шевелясь, и смотрел в сторону удаляющейся машины.

— Где ствол? — спросил Яшу.

— Там, — Яша махнул на «КамАЗ».

— Дубина... — прошипел Паша. — Я же говорил: выброси! Яша полез в кузов и выпрыгнул обратно, весь в соломе, с черным красивеньким автоматом в руке. Да еще с экзотическим коконом на дуле.

У меня аж клюв раскрылся от такого удивления.

Цветастую тряпочку, цепляющуюся за автомат, он намотал обратно на ствол. С оружием полез на скалу и пристроил его в кустах.

— Часа два у нас есть, — сказал Паша. — Линяем.

Яша, весь виноватый, и поэтому очень исполнительный, бросился вниз — собирать наши вещи.

— Шорты мои не забудь, — крикнула я. — И белье, там, на кустах, висит.

Сама я не потащилась, оберегая хрупкое равновесие организма. Высоко держа голову, не глядя под ноги, на ощупь, полезла в кабину.

Перехватила взгляд Ворона. Он смотрел задумчиво и даже с жалостью.

— Вот так, друг Ворон, — сказала ему, — девушек с поездов сшибать.

— Начинается, — сказал Ворон. В голосе его слышалось домашнее раздражение.

— Все-все. Не буду, не буду, — тоже по-семейному ответила ему.

Тут показался Яша с тюком и сумкой в руке. Он забросил их в кабину сзади меня на лежанку и вернулся к земле, собирать консервы. Паша ему помог. Заложили банки в пакет, мешок бросили на дороге. Пакет поставили мне в ноги.

— Слишком много вещей, — сказал Паша. — Обжались, с бабами разъезжаячи.

Сел за руль, развернул машину, с трудом вытянув ее зад с осыпающегося обрыва.

И мы двинули назад.

— Зачем про «Горный воздух» сказала? — спросил меня Паша.

— А что?

— А то, что еще трое знают, что ты жива. Да еще со мной катаешься. Цепочка выстроилась, и все звенья встали на свои места.

— Ты мне льстишь. Сгинул человек, и ну его. В наше-то время! Тем более здесь, на Кавказе. Я вот в газете читала...

Паша покачал головой.

— Как ты ошибаешься! — сказал он. — Ты даже не представляешь себе, какие силы были задействованы, чтобы тебя заказать.

— Это что, внутренняя терминология? — спросила я. — И как высоко ты котируешься?

Паша взглянул на меня серьезно, но без интереса. Как и многим, ему не нравилась моя манера разговаривать. Я тут же прикусила язычок и взяла себе на заметку менять эту манеру.

Мы ехали медленно, переваливаясь через камни и глубокую колею.

— Дай попить, — попросила я Яшу.

У него руки длиннее, мне не дотянуться до лежанки за передними сиденьями, да и нельзя поворачивать голову.

Яша протянул бутылку с водой. Я попила неаккуратно, пролив больше на грудь. Потрясла майкой, стряхивая воду, и взглянула на приятеля.

На его смущенной физиономии отражалась подготовка к трудному вопросу. Яша стрельнул глазом в Ворона, его присутствие мешало задать этот вопрос, но все-таки спросил меня:

— Так это правда, что вы полтора года знакомы?

— Да! — гортанно и с гордостью ответила я.

Паша же крутил баранку, заставляя машину огибать рытвины и переваливаться через валуны. Яша задавать вопросы дальше не решался, а мне же хотелось поговорить на эту тему. И вспомнить еще раз незабываемую встречу..

Суди люди, суди бог, как же я любила! Бросила команду, подругу Таньку, на глазах у всех, на глазах и вопреки вкусовым пристрастиям сочинской прокуратуры закрутила роман с человеком, имени которого не знала, но ярко-красная «мицубиси» которого поразила мое воображение.

И как потом я полгода страдала и Ворона ждала. Как стонало и плакало мое сердце. И нечем было его облегчить. Ни звоночка, ни весточки. Пропал Ворон.

— Паша был первым моим мужчиной, — вдруг густым голосом похвасталась я.

— Правда? — пораженный Яша повернулся к другу всем корпусом.

— Наверное, раз говорит, — ответил Паша равнодушно, — я в этом плохо разбираюсь.

Я, опустив глаза и накручивая на указательный палец ткань широкой грубой штанины, продолжала:

— Он тогда меня любил, не то, что сейчас. Но, как узнал, что Макс за мной следил, сразу пропал. Только в тамбуре поезда позавчера и свиделись.

— Да-а-а, — протянул Яков. — Я тогда шибко удивился. Пашу Вороном назвать! А я перед этим весь день тряся, как девчонку резать будем!

Ворон взглянул на Яшу цепко, и тот смолк.

Мне почему-то стало неприятно. Хотя, если разобраться... Паша резать меня отказался... Но что-то у меня пушок вдоль хребта дыбом встал от таких мыслей.

Мы молчали, задумавшись каждый о своем.

Паша крутил баранку, Яша спросил:

— Где оставим машину? Здесь нельзя. Новая, хорошая машина, и брошена. Неспроста. Бодяга пойдет. Что и как? Тут и солдатики пригодятся со своим планшетом. Номер записан.

— Поставим на стоянке. Несколько дней простоит.

— По пути оставим. До полудня можно покататься. Пока солдаты в горах, время есть. Там рация не работает.

Меня судьба машины не интересовала.

Мы остановились у столбов. Я попросила попить и на траве посидеть. Меня мотало, и, кроме того, хотелось разрешить пронзительные вопросы, которые вспышками рождались в голове.

Но как подкатить к Паше? От ответов на серьезные вопросы он уходит. Но именно ему поручили меня убить. Как-то раньше эта мысль ускользала от меня.

Паша! Ворон! Мозг сотрясен, и был не в силах уже справляться с чувствами. А чувства ослепляли меня, уводили в сторону от истины.

А вот она, простая и ясная: ни кто иной, не дядя плохой, а милый Ворон должен был убить меня!

Он может не знать, за что, но уж точно знает, кто!

Я весело кочую с убийцей, который и меня бы мог убить запросто, без лишних сантиментов. Чудо, что мы были знакомы. Другим девушкам могло не повезти.

Я сидела на траве, пораженная истиной, открывшейся мне в новом свете.

Прятели мои умылись в холодной, резвой, но мелководной речке. Освежившись, разговаривали, стоя у раскрытой дверцы «КамАЗа».

— Паша, — подала голос я с обочины, — ты говорил, меня заказали...

Оба разом повернули головы ко мне.

Я упрямо решила добиться истины. Не место и не время. Но дальше может быть поздно. Ведь уже решается вопрос, куда и как мы поедем.

— Да, — сказал Паша.

Я хотела говорить просто и ясно и получать такие же простые и конкретные ответы.

А получилось путано, мне казалось, я не говорю, а воздух жую.

— Ты говоришь: «заказали». В третьем лице. А как это: заказали? Ведь ты точно знаешь, кто заказал. Неужели мы так просто побегим? Нужно бороться. Такие дела нельзя оставлять безнаказанными. Мы побегим, будем скрываться, а они будут продолжать «заказывать».

Пораженные друзья молчали долго.

— Ты не хочешь ехать? — спросил Ворон.

— Я не об этом, — упрямылась я. — Ты только ответь, ты знаешь, кто заказал?

— Нет.

Я смолкла. Тупик. Мой напор был недостаточен и разбился, как о стену.

— Как нет? Тогда объясни, что происходит. Хочу знать. Я не могу дальше ехать, не разобравшись. Мы едем, едем, торопимся куда-то.

— Что надо-то? — спросил он.

— Кто меня заказал?

— У меня есть куратор. Я же говорил. Есть спецтелефон. По нему я выхожу на связь. Вот по телефону, причем Яше, а не мне, он и дал наводку. Я не знал ни имени, ни фамилии, предупредили только, что это женщина.

— Мы можем добраться до куратора, пусть расскажет, кто хотел меня убить.

— Он никогда этого не скажет, даже если знает.

— Почему?

— Потому, что убивать людей — нет такого закона. Это противозаконно. Никто не скажет об этом вслух. Тем более мне, уголовнику, и тебе, жертве. Мы никогда не выйдем на этого человека. Нам вход закрыт. А сама ты следствие не проведешь. Эти люди свои тайны не выдают. Все решается по-семейному. Тихо.

— Но ведь меня хотели убить из-за того дела. Из-за того, что я занималась перевозкой наркотиков, и думают, что я этим продолжаю заниматься? Да? Мы выйдем на Макса. Пользуясь твоей терминологией, это мой куратор. Я знаю его домашний телефон, он все объяснит.

Вот идея! Как я раньше не додумалась! Я позвоню Максусу! И он возьмет меня под свое крыло! Защитит!

— Ты считаешь, что тебя решили убрать, как наркокурьера? — вдруг изумился Ворон.

Я удивилась его изумлению. Из-за чего же тогда?

Подумала, пожевала губами и ответила:

— Да!

Паша с Яшей переглянулись.

— Ты знаешь, — сказал Паша, — я за свою жизнь еще ни одного курьера не устранил. Только барыг и только центровых.

— Все это здорово, — говорю я. — Только где разница?

— Разница в масштабах, — ответил Яша. Видимо, я задела их профессиональную гордость. — Ты какую самую крупную партию пересылала?

— Несколько банок из-под мастики.

— Из-за нескольких банок с отравой вызвать меня с Пашей с того света, задействовать всю линию, которая уже упразднена, и все это настолько чревато!

— Девочка! — сказал мне Паша, — Я, правда, полгода лечился, а до этого «КамАЗы» пускал под откос, целые колонны с продовольствием. Находящиеся под охраной и сопровождаемые пограничниками, ГАИ и под зорким оком братвы. И ты хочешь сказать, что меня вызвали из Киргизии, чтобы курьера с двумя банками мастики заказать?

Они так яростно защищали свою профессиональную гордость! Они от меня брезгливо обособлялись. Меня это не обидело и не задело.

— Кончай свой уголовный пафос, — сказала я мрачно.

Паша онемел и похолодел. У него уши к черепу прижались, как у кошки, и продолговатые глаза сузились. Тень от кончика носа упала на губы, глаза потонули в глазницах. Рот сомкнулся и, видно, надолго. Вот вам и человек с лицом-маской. Ворон. Увидев в первый раз, не зная фамилию, я сразу нашла ему прозвище.

— Я бы вам поверила, — продолжала я, — что вы в Киргизии поезда под откос пускали, если бы не далее как позавчера, меня, слабую, глупую дурочку, ничего в жизни крупнее двух банок мастики не видевшую, эти два героя секретных служб зарезать бы не пытались. Или что-то другое нас свело?

Яша смотрел на меня неприязненно. Слабак. Я так и почувствовала сразу, как увидела его в тамбуре: слабак.

Паша посильнее. Мой юмор выдержал, не обиделся. Сказал мертво:

— Юля, не думай, что тебя хотели устранить из-за наркотиков. Тут что-то другое.

— Я могла знать тех людей, которые этим занимались. Может, кто-то остался на свободе. Испугались, что я их выдам.

— Нет, Юля, не могли к тебе подойти серьезные барыги. Не могла ты их видеть. Мелкота, с которой дела ворочала, не могла по сети тебя заказать, сами бы тебя кончили. Это такие силы! Ты даже представить себе не можешь! Кто-то следил за тобой. Узнал, в каком ты поезде и когда едешь, меня разыскали. Вляпалась ты. Я же тебя предупреждал: держись от них подальше.

Но я уже не верила. Мои мысли, высказанные вслух, меня же и убедили.

— Что-то тут нечисто. Как-то слишком упорно вы хотите меня изолировать от правоохранительных органов. Странно это. Что за игры? Я позвоню Макс. Не знаю, в каком он чине, наверное, еще не полковник. Но он мною занимался. Значит, я могу считать себя его агентом. Макс мне верит. Он знает все. Он мне поможет. Вы что, и впрямь подумали, что я полгода буду в горах жить, а потом в Турцию махну? Из-за чего? Вы трусы, потому что за вами трупы стелятся. А я смела, моя совесть чиста. Я не могу бросить свою семью и жизнь свою в грязь втоптать, только для того, чтобы ваши приключения украсить. Все, как хотите, а я с первого же телефона звоню Макс. Номер у него простой, я помню.

Тишина. Воздух наливается жарой.

Меня тошнило. Хотела опрокинуться на спину, но только дернулась, вовремя остановилась. Но толчок был дан. Небо, зацепив землю, начало разгон вокруг меня.

— Оставим ее здесь, — сказал Паша, — два километра до трассы осталось. Сама дойдет.

Я, пересилив свое головокружение, поднялась с земли. Жизнь, жестокая, обрубала мои углы, сверкающие правильными кристаллическими гранями и сглаживала принципы.

Какой там Макс! Зачем ему звонить?

Я бабочкой взлетела на ступеньку, проскользнула в кабину и затихла там.

Скрипнули сиденья, хлопнули дверцы, и мы погромыхали дальше.

Я скорчилась на пыльном, кожаном кресле, наполненная тошнотой, молочной мутью в голове и осмысленным звучанием в теле.

Мы нашли почту и переговорный пункт в небольшом поселке, состоящем из нескольких панельных пяти- и трехэтажных домов, стоящих на маленькой плоской площадке между скалами.

Тут же, наверху, через ущелье и шоссейную дорогу, перекинут железнодорожный мост с гроыхающими поездами. Место тоскливое, совсем не курортное. Скала загораживает солнце, поселок почти весь день в тени. Мрачное место. Да тут еще, говорят, и воды нет вдосталь, а сверху, с моста, падает сажа, копоть, бумаги и объедки.

У здешних женщин лица белые, узкие и вытянутые, носы прямые, глаза большие, но утоплены в глазницах и сердито блестят исподлобья. Горянки одеты в темное, платки на головах почти у всех — черные.

Я оглянулась на Ворона. Так вот он откуда. Из такого же поселка, лицо этого же типа, славянская мягкость и некоторая бесформенность черт изжита, скорректирована близостью северокавказских народов.

Итак, мы углубляемся в Кавказ. Кареглазых круглоголовых казаков — переходная форма от славян к горцам, все меньше. А в этом мрачноватом поселке, похоже, и вовсе нет.

«КамАЗ» остановился у почты. Мы с Пашей вошли в прохладное пустынное здание с казенными запахами, при моем теперешнем положении я очень чувствительна к запахам, заглянули в окошко, там, под ним, опустив голову на руки, дремала юная жительница села. Она подняла головку и открыла нам беленькое, еще кругленькое личико с прекрасными блестящими глазками.

Ворон не удержался и улыбнулся.

Чем глубже в горы, тем уважительнее женщины относятся к мужчинам. Девушка тоже улыбнулась родному лицу с привычными чертами. Ворон оттеснил меня плечом и загородил окошечко. Мы не в России, отныне инициатива, исходящая от женщины, не будет приветствоваться. Я про-

никлась общим настроением и тихо села в уголке на топчан, как раз напротив двух телефонных будок.

Ворон оторвался от окошечка, сказал, что моя будка первая, а сам пошел во вторую. Еще в машине говорил, что ему тоже надо переговорить кое с кем. Я подумала, может, внял мне, звонит куратору. Но нет. Там все были Идрисы, еще какие-то подобные имена. Он звонил несколько раз, и каждый раз удачно.

Мне же не везло.

Закончив свои дела, Ворон перешел ко мне. Перехватил мою трубку и под диктовку нажал на все положенные кнопочки. Может, я код неправильно набирала, но у Ворона сразу послышались ответные длинные гудки, и тут же произошло автоматическое соединение.

Ворон сунул трубку мне.

Густой мужской голос ответил:

— Да.

— Макс, это ты? — спросила я звонко.

— Кто это? — спросил Макс.

— Я это. Пузанова. Припоминаешь?

— Да, — ответил голос.

— Макс, мне некогда. Я звоню издалека и не из города.

Макс молчал.

Я продолжила:

— Я тебе не буду все объяснять, ты все равно не поверишь, и это не телефонный разговор. Но за мной кто-то охотится. Меня хотели убить в поезде, я выпрыгнула из него, мне помог один человек, это длинная история. И мы сейчас в одном горном поселке.

— Где? — спросил Макс.

— Мне этот человек не велел говорить. Нас могут подслушать. Вообще это бред, но ты же должен понять, мне больше некому звонить, а ты как-никак — мой куратор.

— Кто? — удивился Макс.

— Ну, я не знаю, как у вас там называется. А здесь это называется — куратор.

— Ясно, — ответил просвещенный мною Макс.

Ворону не нравилось, как и что я говорю, но он не вмешивался, внимательно слушал наши переговоры.

— Чем я могу помочь? — спросил меня Макс.

— Не знаю. Вот я и спрашиваю, что мне делать? Ведь ты же знаешь, что я ни в чем не виновата, делала только то, что ты мне велел. За что же меня убивать? Наймиты какие-то... — я чуть не плакала, — хотели меня зарезать. Исполнить, видите ли! Тоже мне, нашли наркобарона!

— Пузанова, — сказал Макс, — перезвоните мне через часик. Сможете?

Я замерла. Меня будто проткнули ледяной сосулькой. Холодный ужас пронзил. Голос не Макса, да он никогда не называл меня по фамилии и на «вы».

— Макс? — спросила я.

Молчание.

— Макс, назови меня по имени.

Молчание. Я жду.

Наконец ответили:

— Макса нет.

— А где он и с кем я разговариваю? Я перезвоню, когда будет Макс.

— Пока вам придется контактировать со мной.

Я зажала трубку и посмотрела на Ворона. Тот помотал отрицательно головой.

— Нет, — перевела я жест Ворона.

— Макса нет, — повторил упрямо голос, как автомат, — его не будет долго. Вам придется контактировать со мной.

Пальцем Ворон нажал на рычаг телефона.

Я изумленно смотрела на него. Оборвалась ниточка.

— Ничего не понимаю, — прошептала с ужасом.

— Ты говорила — это домашний телефон. Как он мог тебе его дать?

— Дал же. Мы были почти друзья. Я даже ночью из Роттердама звонила, несколько раз трубку брала жена.

— А сейчас кто взял? Дядя? В любом случае, нас засекли. Вычислят быстро, и если ты очень нужна, дороги мигом перекроют. Сделать это несложно, шоссе здесь мало, не развернешься. На пару развилок постовых поставят, и все. Тут и так все дороги под контролем, только наводку дать.

— Ты все-таки упорно думаешь, что меня хотят убить?

В помещение почты вошли двое молодых людей в белых рубашках и черных брюках. Мы с Вороном невольно примерились к ним: не за нами ли? Юноши с такими же выразительными, правильными чертами лица, как почти все местные жители. Они приникли к окошку и разговаривали с девушкой.

— Ты выходи, а я оплачу переговоры, — сказал Ворон.

Я вышла на крыльцо. По мосту, почти над самой почтой, прогремел товарняк. Длинный. Тут все составы длинные, железная дорога одна, и летом всегда перегружена.

Вышел Паша. На бегу запихивает сдачу в задний карман.

— Все-таки не понимаю, — сказал он с ходу, — как Макс мог дать тебе домашний телефон!

— Вот привязался! Мы были друзья-приятели. Играл в теннис. Я почти неделю была в него влюблена.

— Как его фамилия?

— Не помню. Грибов, по-моему.

— Грибов не хотел тебя вносить в картотеку и давать спецтелефон. От кого берешь? Не иначе, как в Конторе крысы завелись. И еще: с ним что-то случилось. И теперь ты никому не докажешь, кто ты есть. Убрать тебя — дело почти законное. Да еще свалят на тебя, что ты куратора подвела под наркобарыг, и они с ним разделались по твоей наводке.

Опять тот же ужас, душу леденящий, как и в телефонной будке, пронзил меня. Откуда Паша взял, что с Максом беда? Но что-то внутри меня соглашалось с Вороном.

Мы подошли к машине.

— Что случилось? — спросил Яша из кабины.

— Моего куратора завалили, — ответила я.

У Яши нижняя челюсть отпала.

— Вот оно! — сказал он. — Не надо было звонить. Зачем сунулась? И так горячо. Поехали быстрее отсюда.

— Поехали, — сказал Паша, залезая в кабину, — теперь точно в Пятигорск, я договорился, нас там ждут. А от машины надо побыстрее избавиться. Но не тут, поселок слишком мал, все как на ладони.

Глава 3. Сеницын на Кавказе

Стас ненавидел курорты, дома и базы отдыха. В Сочи был последний раз в девяносто втором году. Отдыхали с женой в одном из курортных городков, протянувшихся по побережью до Туапсе.

Городок назывался Вардане. В памяти о нем и том времени осталось болезненное чувство раздражения от жары, постоянных хлопот о еде, от пустынного пляжа: тогда мало кто выезжал на курорт. А жене, заведующей столовой при Доме Советов, дали курсовку. Посидев на пляже два дня, Сеницын заболел.

Он сатанел от безделья и жары, чуть совсем не рехнулся, дожил проклятуший месяц до конца, но это послужило ему хорошим уроком. Больше он ни разу не купался на предложения жены съездить на курорт. И жена Стаса Николаевича, с его одобрения, начала ездить на отдых одна или с подружкой...

Так вот: про Сочи. Стас был там несколько раз, и ненавидел его.

Но теперь все изменилось. В Сочи ждали дела, люди.

И в понедельник, двадцать шестого июня, в час дня, Сеницын, сказав бортпроводнице «До свидания», шагнул из самолета на трап. Из свежего, даже холодного воздуха самолета оказался в неправдоподобно жаркой, натопленной, влажной атмосфере Адлера.

«Вот оно! — с восторгом подумал Стас. — Началось!», совсем забыв, как он панически боялся раньше этой непрекращаемой, непереносимой жары.

«Юг!» — думал он, глядя с высоты трапа на синие горы.

У Стаса, кроме кейса в руках, никакого багажа не было, и он не задержался в здании вокзала, миновал цепляющихся мускулистых девиц, прошел зал, увлекая за собой голосистый шлейф таксистов, и вышел на площадь перед вокзалом.

Оглушительный полдень встретил его.

— Неужели так бывает? — изумленно и с восторгом думал Стас, имея в виду температуру воздуха.

В ряд, в придорожной пыли расположились торговцы лавровых веников и цветов. Дальше глухими, непреодоли-

мыми рядами выстроились палатки. Агрессивная среда наживы была почти непроходима, но на Стаса, погруженного в собственные мысли, она воздействия не имела. Он незаметно для себя перешагнул через чью-то голову и миновал ряд цветочников. Вязкая привокзальная среда его безнадежно выпустила, и он вышел на стоянку автобусов. Все, как один, автобусы были красными, и на всех было написано: «Сочи».

Стас, как ребенок, занял первое место справа, прямо перед дверью. Сейчас он чувствовал: не зря приехал в Сочи. Не зря. Где-то рядом было очень важное решение, какое он и предполагать не мог, а тем более вычислить или наметить. Что-то тут есть. Близость этого «чего-то» возбуждала Стаса.

Он вертелся на своем месте, разглядывал пальмы в окошке, оборачивался на архитектурные, такие милые по старым фильмам, излишества сталинских гостиниц. Все было ново, в том смысле, что старо, пока не встретилось ни одной блочной коробушки, и Стас радовался и ликовал, как ребенок в Диснейленде.

— А девка-то жива! — шептал он радостно в автобусе, прислушиваясь к своим ощущениям.

«Горный воздух» — написано на скромной табличке двери первого подъезда обычного жилого панельного дома. Дом этот отыскал Стас на самом краю Сочи. Внизу тонула в дымке широкая долина, а по бокам ее волнами дыбились горы.

Стас открыл дверь в гостиницу.

Из подъезда несло сыростью, относительной прохладой и жареной курицей. После ослепительного солнца — почти кромешная темнота.

Немного привыкнув, Стас прямо перед собой увидел письменный стол с испуганным старичком за ним. Старичок притих, как кошка, и наблюдал за Стасом.

— Фу, дед, ну и напугал меня, — сказал Стас. — Где хозяйка?

Жданович, кажется, говорил, что когда звонили в гостиницу администратору, отвечала женщина. Глаза старика

настороженно мерцали. Тут, под его подбородком, Стас увидел табличку: «Мест нет».

— Наверняка очень дешевая гостиница, раз нет мест? — спросил Стас.

Старичок молчал. Логика Стаса ему была непонятна.

— Ну, ладно, все ясно. А где все же хозяйка? Что-то мне подсказывает, что пара лакомых номеров у нее придержана для такого молодца, как я.

Старик с сомнением посмотрел на Стаса.

— Нина Семеновна у себя...

— И... Это значит где?

Старичок мигнул. Забавно это у него получалось. На белом, круглом лице — две горящие точки. На одно мгновение они вдруг прикрылись белыми без ресниц веками и пропали. И тут же проявились вновь и горели с прежней силой.

— Там, — сумел наконец сказать старик и показал рукой вниз, где в темноте цокольного этажа ярко горела желтая табличка с черными буквами. Текст Стас не разобрал.

Синицын обогнул стол, что было непросто, он стоял почти вплотную к подъездной лестнице, и сбегал вниз по ступенькам, ведущим в цокольный этаж, где разместились администрация.

Стас толкнул дверь и вошел в светлое и даже радостное помещение. Обычная квартира, бумажные домашние обои на стенах. За наружную проводку воткнут букет искусственных цветов. Все двери открыты, и в комнате, напротив входной двери, за письменным столом сидит женщина и пишет.

— Нина Семеновна? — позвал Стас.

Женщина подняла голову. Стас был настроен на крупногабаритного работника администрации с большой царственной прической, воздвигнутой на голове минаретом. Жданович ему так ее описал. Говорил: бас, как у гренадера, такой может быть только у усатой брюнетки с широкой грудной клеткой.

Эта женщина была брюнеткой, но очень маленького роста, судя по рукам и лицу. Волосы — да, жесткие и густые. Но подстрижены ежиком и забавно топорщатся во все стороны.

— Здравствуйте, — сказал Стас.

— Здравствуйте, — отозвалась женщина.

В глазах ее — скука и табличка: «Мест нет». Но она выжидательно молчала. Посетитель слишком деловит для курортника. Новый пожарник? Налоговая?

— Нина Семеновна, время — деньги, не буду их отнимать у вас. У меня несколько вопросов к вам. И один из них: нельзя ли дней на пять поселиться в вашей гостинице?

— Вполне возможно. Но только давайте по порядку. Начнем с документов. — Нина Семеновна излучала спокойствие и твердость характера. На ее столе было двести три бумаги и карандашница с остро отточенными карандашами.

Стас уважал порядок. Он вынул красную книжицу из кармана рубашки и подал администратору.

Нина Семеновна раскрыла документ. Ну... Уж этого она боялась меньше всего. Этот штрафовать за дохлого таракана в подъезде не будет. Нина Семеновна, несмотря на кажущуюся молодость, уже лет двадцать в администраторах и со спецслужбами пару раз сталкивалась. Один раз иностранец пропал, а в другой — случилась перестрелка на соседней с гостиницей улице.

Эти в суд и на следственные эксперименты таскать не будут. И к себе не вызовут для допроса. Сами придут и поговорят по-душевному. У них все просто. Им все можно. Поэтому и не боятся.

Нина Семеновна не сдержала улыбку. Фээсбэшник молод и энергичен. А Нине Семеновне скучно одной сидеть целыми днями напролет в цокольном помещении.

— Наташа, — позвала администратор густым голосом. — Принеси минералки из холодильника.

В соседней комнате послышался шорох.

Нина Семеновна вернула документ. Не удержалась, взяла расческу из раскрытой сумочки и пригладила волосы.

Хорошее начало.

— Теперь вы все про меня знаете, — начал Стас, — и говорить не надо.

Женщина покраснела и заулыбалась. Ее возбуждение озадачило Стаса. Не замужем?

— Итак, что за вопросы? — спросила администратор.

— Спортом я заинтересовался, — сказал Стас. — Спортсменами. Настольным теннисом. Хотелось бы повидаться с тренерами. И еще у меня кое-какие дела в вашем городе. Дней на пять. Возможно на это время мне подыскать местечко? Одноместный номер. Но уж если не найдете...

— Для вас возможно все! — бодро ответила дамочка. Стас аж бровь поднял.

— Наташа! — крикнула опять. Что-то на сей раз и шороха не послышалось.

Пока Наташа собирается, Стас спросил:

— Как они там?

— Кто? Спортсмены ваши? Не знаю. Не жалуются.

— А тренеры? Их двое.

Женщина на мгновение замерла. Словно прислушиваясь. Вспомнила:

— Так это вы звонили?

— Почти.

— Ясно. А что такое?

— Девушка у нас пропала. Вот, приехал искать.

Глаза Нины Семеновна округлились.

— Вот оно что! Что за девушка? Не нашли?

— Вы ее сами видели? Второй тренер. Симпатичная молодая девушка двадцати лет, светленькая.

— Так вы у тренера спросите. Он всеми вечерами в номере сидит.

— А вы?

— Я же говорила вам по телефону. Сама не видела... Но...

— Выходит, что первого тренера вы часто встречаете?

— Из окошка вижу каждый день. Как клуша. Утром всем выводком на автобус садятся, вечером приезжают. Днем иногда. Есть у них еще медсестра. Женщина такая... Одному нашему постояльцу перевязку делает. Он сам себя подстрелил из подводного ружья. В стопу ноги...

— Что за женщина. В списках она фигурирует?

— Наташа! Да что же это!

В выжидательной тишине послышался легкий шорох, и в проеме двери показалась заспанная мордочка с красной левой щекой.

— Наташа, — сказала администратор с непонятным Стасу терпением, — принеси нам журнал и минеральной воды из холодильника. И стаканы.

— Медсестре лет тридцать пять, судя по мальчику. Она у них сама по себе. Команда уедет, тут и она появляется с пляжной сумкой. И мальчик с ней. А тренер все один хлопочет. Мне даже жалко его. Совсем они его задержали. Но девушку не видела.

Недовольная Наташа принесла стаканы, холодные, запотевшие, верно, из холодильника, бутылку воды и амбарную книгу.

Нина Семеновна налила воду себе и Стасу, попили. Развернула книгу с конца, полистала страницы и ткнула пальцем.

— Вот.

Стас приподнялся, чтобы рассмотреть.

— Прибыли двадцать первого июня, в среду. Сегодня понедельник. Девушки вашей я не видела. Может, она в другой гостинице, или у родственников поселилась. Всякое бывает. Вот весь список. Пузанова Юлия, второй тренер. Всего двенадцать человек. Четыре комнаты на четвертом этаже во втором подъезде. Двадцать шестая, двадцать седьмая квартиры. У нас, вы заметили, гостиница располагается в типичном жилом доме. Так вот, спортивная делегация заняла трехкомнатную квартиру и однокомнатную. Всего двенадцать мест.

Стас попросил посмотреть.

Нина Семеновна повернула к нему журнал.

Во главе списка стоят Зудин и Пузанова, их фамилии объединены круглой скобкой и подписаны: «тренер». В третьей строке значилась Никольская и подпись: «медсестра».

Стас еще попил воды из холодного стакана. Платочек из кармашка новых брюк вынул и, не сводя со списка взгляда, вытер губы.

— Так вы оттуда приехали? Как же она могла пропасть? И мне ничего этот тренер не сказал! Как же?

Стас вежливо развернул журнал в прежнее положение.

Посмотрел в большие темные глаза администратора. Стасу нравились брюнетки.

«Надо же! До чего живая женщина эта администраторша! Неугомонная», — думал Стас. По его мнению, в таком возрасте пора уgomониться.

— Так поселите? — спросил игриво, наклоняясь к вихрастой головке.

Краска оживила симпатичное личико.

— Вам во втором подъезде? — спросила Нина Семеновна и полистала журнал. — Вот. Девятнадцать «а». Двухместный номер. Ключи возьмите у портье.

— Двухместный, это значит двухкомнатная квартира?

— Нет, наоборот. Однокомнатная квартира с двумя кроватями. И вторая уже занята. Но, сами понимаете, мест нет. А ведь бывает двухместный номер в трехкомнатной квартире. Так что...

— Неужели и такое бывает?

Хорошенькая мордочка погрустнела.

— Юг. Короткой, узкой полосы прибрежного курорта на всю холодную страну не хватает. Хотя в центре есть комфортабельные гостиницы. «Москва»...

— Не надо, Нина Семеновна! Меня все устраивает! Особенно администрация. Только подскажите, дело к вечеру, как мне увидеть Зудина?

— Они иногда приезжают в обед отдохнуть. Тут пельменная в соседнем доме. Потом уезжают и тогда пропадают часов до восьми. А если без обеда, то к пяти появятся. —

Стас посмотрел в окно. Как раз выходит на крыльцо. Во дворе собралось несколько мамаш с пестрой детворой.

— А как сегодня? Приезжали?

— Не видела. Спросите у горничной. У нас на каждый подъезд их две. Во втором подъезде шестнадцатая квартира. И белье вам постелит.

— Вы мне очень помогли, — сказал Стас.

И действительно, первую галочку можно ставить. Без непредвиденных заминок дело сделалось, и в срок. Администратор опрошена. Место в гостинице получено. Душ, еда, и можно переходить ко второму пункту: Зудину.

У стола портье скопилось несколько человек. Старичок за столом, похожий на тихого пасечника, не торопился.

Брал протягиваемый жестяной номерок и менял его местами с ключами, повешенными на пронумерованный гвоздик. К каждому ключу был прицеплен огромный, с апельсин, брелок.

Стас протянул квитанцию старичку, тот надел очки, посмотрел на нее, убрал подотчетную бумажку в ящик стола и снял ключ с девятнадцатого гвоздика.

Стас позвонил к себе в квартиру. Тишина. Отпер дверь ключом. Жаркий сквозняк прошелся по прихожей. Все окна нараспашку. В единственной комнате две кровати, та, что у окна, заправлена.

Пришла горничная со стопкой белья. Пока застилала постель, Стас проверил кухню. Терпимо. Холодильник есть. Хотелось пить, из крана шла почти теплая вода, Стас открыл холодильник. А там стоит бутылка минеральной воды, в точности такой, какой его поила Нина Семеновна. Стас не удержался, взял чужую воду, открыл и налил в стакан.

Вернулся в комнату. Женщина уже справилась с постелью и ушла.

Время приблизилось к пяти. Час на душ, кофе, можно полежать. Стас с шести утра на ногах. Хоть он и ни разу в жизни не уставал и не знает, что это такое, а все равно, после душа сейчас полежать будет очень приятно. А там разговор с Зудиным. Стас в предвкушении аж причмокнул. Уж Зудина-то он прижмет к стенке. После разговора с ним сразу станет ясно, в каком направлении действовать дальше. Лишь бы ниточка не оказалась слишком короткой и тонкой.

Около шести вечера визг и гам под окнами во дворе усилился, и чуткий Стас, рассматривающий в это время приобретенные карты, подскочил к окну.

У крыльца стоял автобус, из него выходили дети, в одинаковой красно-белой форме. Выбежав из автобуса, прямо у крыльца, дети разрешали конфликт, завязавшийся еще в дороге. Два голенастых подростка поспешно одаривали друг друга пинками, из раскрытой дверцы к ним летела взбудораженная подмога.

Но тут из автобуса показался мужчина, вылитый детский тренер. Усталый, приземистый, в вытянувшихся на коленках трико. Парни отбежали подальше от него, но были слишком увлечены друг другом и пропустили момент, когда заботливые тренерские натруженные руки легли им на затылки и рывком сдвинули лбы.

Стас крикнул. Удар был хороший. Оглушенные парни по-козлиному затрясли головами. Один, со слезой в голосе, закричал на тренера. Тот опять протянул руку. Парень замолчал. Тут Стас распахнул поспешно окно пошире, высунул голову и услышал Зудина:

— Еще вопросы есть?

— Есть! — бился в истерике парень. На вид ему, как и другому, лет пятнадцать. Оба выше тренера на голову.

— Вечером подашь в письменной форме с личной подписью администратора, — с детским юмором ответил тренер. — А я пока ремень поищу покрепче.

— Где вы его найдете?! — все еще истерил подросток, но голосом обозначал плавный переход к примирению.

— Представь, дорогой, — тренер нежно погладил вихрастую голову воспитанника, — для меня это не проблема.

Тут из автобуса показалась дама.

Стаса аж всего передернуло. Но нет. Дама явно не тянула на двадцать лет. Она была в шортах, вернее, в тех же спортивных трусах, что и дети. И клубная футболка. Дама казалась огромной и мощной на фоне субтильных детей. Статью, голосом и манерами здорово смахивала на фрекен Бок. За руку фрекен вытянула из автобуса безвольного Малыша.

Команда вновь сплотилась вокруг тренера. Он отдал распоряжения и направился к крыльцу, несколько детей последовало за ним, другие кинулись врассыпную по киоскам и продавцам воблы и семечек. Мадам с Малышом за руку двинула по своим делам, прочь от гостиницы.

Стас взглянул на часы. Он чувствовал себя на задании и на часы глядел поминутно. Зудину он отвел пятнадцать минут на отдых. Детей тренер явно успел где-то покормить, потому что в гостинице есть нечего.

Все эти пятнадцать минут Стас дежурил у окна и сторожил выход. Допивал соседскую минералку. Он уже успел сбегать к киоску у остановки, купить две бутылки и подсунуть на место выпитой. Стас надеялся, что до прихода соседа, вода успеет охладиться.

Зудин во дворе не появлялся, пьет пиво или залег в постель, милые дети к концу дня его совсем доконали.

Дождавшись, когда истекут регламентированные четырнадцать минут, Стас, чуть не подвывая от нетерпения, двинул к выходу. Накал страстей внутри Стаса не давал ему двигаться спокойно и естественно. Его всего крутило, и за ручку двери он схватился с колотящимся сердцем.

Тихо.

На звонок открыл дверь знакомый по потасовке паренек. Ребенок мирно жевал булку с маком.

— Приятного аппетита, — пожелал ему Стас, — а где ваш тренер?

Современный ребенок экономил свою душевную и физическую энергию, распинаться перед гостем не стал, а просто оставил дверь открытой, прошел вперед и тут же потерялся за поворотом.

— Ау! — крикнул Стас.

Через пару минут на крик вышел Зудин. Видимо, до этого он спал. Ореол мягких курчавых волос вокруг лысины смят и мокрыми редкими прядями прилип к голове. Опухшее лицо красно. Стас прервал его тяжелый сон в жару и ранний вечер.

Но Зудин благодарности не чувствовал. Он недовольно морщился и хмурился. Хотя плечи, шея, руки, грудь грузные, как и подобает мужчине за пятьдесят, нижняя часть туловища поражала спортивной худощавостью. Стас сам спортсмен и заметил, как широкие спортивные трико свободно собраны на резинку на талии, не выявляя ни живота, ни бедер. Спортивная собранность стареющего тренера наводила на мысль о его нелегком хлебе.

— Синицын, Станислав Николаевич, — залебезил Стас и ладошку дощечкой протянул.

Глаза, проявляющиеся меж опухших, набрякших век смотрят тускло, как у старого карпа.

— По какому вопросу? — голос глухой, низкий, безжизненный.

— Мой вопрос интересный, и разговор, возможно, предстоит долгий. Не могли бы вы перейти ко мне в номер? В девятнадцатый, на втором этаже?

— Что?! — по-бычьи взревел Зудин. Умеет. А сам ждет. Глаза смотрят мимо Стаса. В дверном проеме второй комнаты бесшумно пролетело тело. Раздался грохот падения. Ни тот, ни другой не обратили на это внимания.

— Несколько вопросов о Пузановой, — сказал тихо Стас.

И попал в точку. Тусклые зрачки дернулись и озарились внутренним свечением. Выдержка у тренера есть — не вздрогнул. Как окаменел, так и стоит истуканом, но всплеск адреналина скрыть не сумел.

Постоял. Стас ни гу-гу. Зудин вздохнул,

— Пошли, — сказал, и сам прошел в коридор впереди Стаса.

Синицын аж испугался. А что если все известно? Пока гулял весь день по городу, нашлась Пузанова, все в курсе, и милиция, все, кроме Стаса?

Они спустились на второй этаж молча. Стас отпер дверь и пропустил тренера вперед. Повел его на кухню. Сосед по номеру все отсутствует. Стас залез в холодильник и вытащил новую бутылку с минералкой. Для Зудина. Но Зудин посмотрел тускло и отвернулся к окну. Не спрашивает ни о чем. Это очень хорошо, значит, что-то знает.

— Вот мое удостоверение, — сказал Стас и положил книжицу на стол.

Зудин не взглянул.

— Я разыскиваю Юлю. Мне бы хотелось узнать, где она? Почему ее нет ни в городе, ни здесь, в Сочи. Она мне нужна, и пока я не узнаю, что случилось, вас не отпущу.

Зудин стоял у окна, спиной к Стасу. Не повернувшись, ответил в окно:

— Юля не приехала на соревнования. В последний момент у нее появились срочные дела, и она просила ее не выдавать.

— Очень хорошо, очень хорошо, что вы врете, — отозвался Стас. — Значит, что-то вам известно. Может, хотите внимательнее посмотреть на мое удостоверение?

Зудин не отозвался.

— У меня два вопроса. Даже не знаю, какой из них интереснее. Значит, так. Первое: где Юля? И второе: зачем вы врете? Мы можем всю ночь положить на это. А можем поговорить по-домашнему просто, на кухне, и прийти к общему решению. Что-то мне подсказывает, что Пузановой нужна помощь. Я думал, что средств и сил для этого у меня больше, чем у вас. Итак?

Зудин маялся у окна. Наконец повернулся и сел за стол. На красную книжицу покосился.

— Ну, — подбодрил его Стас, и водянистые глаза возвел к Зудину, — что вас держит, что?

— Юля отстала от поезда на одной из остановок. Выско-чила, а сесть не успела.

— На какой станции отстала Пузанова?

— Не помню. Вернее, не заметил. Она за мальчишками всю дорогу выскакивала. Беспокоилась.

— Кроме нее еще кто-то отстал?

— Нет.

— Все-таки приблизительно где отстала от поезда Пуза-нова, — Стас терпеливо разматывал клубок. Работа пошла, он не спешил.

— Не помню.

— Когда приехали в Сочи?

— Двадцать первого июня, в среду, утром. Вернее, в полдень.

— Вы проснулись утром в среду, Юля была еще в поезде?

— Да.

— Вы завтракали?

— Да.

— Вместе?

Зудин молчал. Простыми вопросами Стас вытягивал из него правду.

— Да, — ответил.

Стас вынул бумажку, подготовленную для него Ильей. Это было расписание остановок поезда Воркута — Сочи. Двадцать первого, в восемь часов утра поезд стоял в Туапсе двадцать минут.

— Остановку в Туапсе помните? Юля была с вами?

— Да.

— Отлично! — вскричал Стас.

Зудину не нравилось, что его неуклонно подводили к истине.

— В десять часов вы были в Лазаревском. Остановка семь минут. Может, она сошла в Лазаревском?

— Не помню.

— Сейчас поднимемся и спросим у ребят. — Стас вскочил.

Зудин сидел, наклонив по-бычьей упрямую голову.

— Не надо. После Лазаревского она была в поезде.

— Лоо. Недалеко от Сочи. Как наша Юля? Выходила в Лоо?

Молчание.

— Если не помните, сходим за ребятами.

— В Лоо Юли уже никто не видел.

— Почему знаете?

— Я уже спрашивал у ребят.

— Так, — отрывисто сказал Стас и задумался. Если Зудин не врет, а это проверить очень просто, в Лазаревском Юля еще была в поезде, а в Лоо ее уже никто не видел.

— А вы не спрашивали, — протянул задумчиво Стас, — никто из ребят не заметил, разговаривала ли с кем Юля, подходил ли кто к ней?

— К Юле подходил мужчина, похожий на монгола или корейца, и она пошла с ним поговорить в тамбур.

— Где! Где это было?

— Это видела только Сташевская. Она не помнит, где это было, но не на остановке, потому что как раз в это время смотрела в окно, и поезд мчался.

— Мне надо поговорить со Сташевской.

— Не надо, — сказал Зудин, — девочка устала, завтра у нее соревнования. Не надо ее беспокоить, она все равно ничего больше не скажет.

Стас подумал секунду и сдался.

— Ладно, — сказал он, — тогда говорите вы, но только с полной отдачей.

Умные глаза Зудина сверкнули зрачками меж тяжелых, набрякших век.

— Я все сказал, — ответил тренер.

— Вы сказали все... — задумчиво повторил Сеницын.

С него постепенно слетали шутовской тон и нервозность. Яркое воображение рисовало картинку, как живую: поезд, девушка, кореец. А где же Ворон? Появление корейца и исчезновение девушки совпало. А почему Ворон не может быть корейцем? Все-таки жаль, что они не затребовали дело Ворона. Но завтра в прокуратуре можно будет все узнать.

— Интересно, — сказал Стас, — а где вещи Пузановой?

— Здесь, в гостинице, мы привезли их с собой.

— Документы?

— Паспорт у нее.

— Как! Так, может, она готовилась к этому побегу!

— Да нет, — Зудин покачал головой. — Паспорт она держала в кармане всегда, будто чувствовала, что отстанет. Бегала за мальчишками, как угорелая. Паспорт и сотня у нее на всякий случай, были в кармане. В этом ничего удивительного нет.

— Итак, девушка отстала от поезда. Странно, что при этом из мальчиков никто не отстал, ведь она за ними бегала. Ну ладно. А вы? Заявление писали?

— Какое? — зрочки — что зеркало души, опять мелькнули меж набрякших век.

— Пять дней прошло с исчезновения девочки, — сказал Стас. — Электричка ходит раз в час. Пузанова знает, что вы остановились в гостинице «Горный воздух»?

— Да.

— То есть, могла добраться до гостиницы в этот же день. Пузанова — самостоятельная девушка?

— Да, вполне.

— Вполне взрослая девушка, предусмотрительно не расстающаяся с паспортом и деньгами, привыкшая к всевозможным поездкам, за пять дней могла добраться до гостиницы. Но ее нет. Зато известно, что ее позвал с собой человек, нерусский, и девушку с тех пор никто не видел. Что-то он ей такое сказал, что она за ним пошла. И пропала. И вы не написали заявление в милицию?

Молчание.

Стас, глядя на понурого тренера, думал, что жизнь, проведенная в компании детей и подростков сделала его бесхитростным и даже беспомощным.

— Ее могли убить, сбросить с поезда. Но вы не писали заявление в милицию, не звонили в Управление железной дороги, не интересовались, не беспокоились. Но органы сами проявили интерес к девушке. Звонили вам, но по телефону вы ответили, что все в порядке, Пузанова с вами, она вовсю тренируется и соревнуется. Итак, второй вопрос: почему врете, уважаемый Виктор Николаевич?

Все вопросы Стаса тонули в упорном молчании Зудина.

Жарко. Окно кухни открыто нараспашку, но стена горы к которой почти вплотную стоит дом, держит жаркий воздух, не дает ветерку проникнуть в душное панельное здание.

Со стороны гор по небу плывут низкие, тяжелые тучи.

— Зачем вам Юля? — глухо спросил Зудин.

С этого и надо было начинать.

— Юля проходит свидетелем по очень важному делу. И, представляете, какое совпадение: только она понадобилась, как в этот же миг исчезла. Как тут не всполошиться? Девушке, как я понимаю, угрожает опасность. Но мы тянем время. А для нее счет, может быть, пошел на минуты. — Стас был эмоционален, многословен и неубедителен.

— Если Юля от кого-то скрывается, почему мне знать, что не от вас?

— Уважаемый, поверьте мне, разыскать Юлю для меня не проблема. Можете взглянуть в книжечку. Мне под силу все побережье перевернуть вверх дном и найти девушку. Но именно потому, что боюсь ей навредить, веду этот долгий, нудный домашний разговор. Боюсь, пока мы так уютно сидим, ее еще кто-то разыскивает, если уже не нашел. Шутка ли! Зашел какой-то китаец незнакомый, и девушка в одночасье пропала! В поезде! Куда она могла деться? Только под колеса!

Молчание. Но к нему Стас уже привык, он терпеливо ждал слов.

— Мне не под силу перевернуть побережье, — сказал Зудин, — но сил хватит свернуть вам шею, если с девочкой что-нибудь случится из-за вас.

— Ага, — нетерпеливо согласился Стас и посмотрел на крепкие руки тренера.

— Юленька жива, и прислала мне письмо.

— Да что вы! — вскричал Стас, по-бабьи всплеснув руками.

Его излишняя эмоциональность ввергала Зудина в недоверие. Он помолчал, сомневаясь, на книжечку посмотрел, хотел спросить, в каком звании, но сдержался. Теперь Юлии может помочь только бог. Не может он отвернуться от несчастной девочки, и так она хлебнула...

— Когда? — торопил Стас.

— В тот же день, как приехали. Вернее, передали утром, на следующий день. А прислали вечером, говорят, мальчик принес и портье оставил. Я Юлю весь день ждал. Думал, отстала, ну подьедет на электричке, не беда, и урок будет. А то с этими поездками беда какая-то. Ребятишек настрашал. Юлю ждал весь день, сидел на скамейке у гостиницы. Нет. Девочки говорят, китаец какой-то увел ее. Еле утра дождался, выхожу утром, а портье письмо передает.

— Где оно?

— Наверху. У меня.

— И все? Ни звонков, ни весточки?

— Нет.

— Плохо. Пять дней... Пошли за письмом.

Зудин не спешит. Колени свои разглаживает. Встал тяжело. Стаса удивляет, что после такого убедительного разговора, тренер все еще не доверяет ему.

Зудин же, слушая эмоциональную речь Стаса и глядя на его мимику и жесты, думал, что это совсем не тот человек, который мог бы защитить девочку от опасности. Но выбора нет... Однако все побережье может вверх тормашками перевернуть! Говорит, аж заходится, слюной брызжет.

Стас прихватил ключи с огромным брелоком, повертел-повертел брелок и отцепил его от ключей.

— Пошли, — сказал.

В квартире номер двадцать семь погром был в разгаре. В воздухе летали подушки, по полу разлит лимонад, два паренька продолжали начатый еще в автобусе спор. Руки, видимо, берегли, в ход шли ноги. При виде тренера, внезап-

но возникшего в полутемной прихожей, дети разбежались. Зудин перешагнул через лужу и прошел вперед в меньшую комнату. Он тяжело и слишком широко шагал. На каждом шаге плечо кренил к опорной ноге.

В маленькой комнате стояло две кровати, Стас порадовался за себя, что имел кровать в однокомнатной квартире, а не в трехкомнатном бедламе, где вполне могли попасться вот такие соседи.

На одной кровати, аккуратно заправленной, лежал вверх покрывала симпатичный, умненький мальчик в очках и читал толстую книжку. Стас и мальчик поздоровались.

Зудин открыл свою тумбочку, и оттуда резво поскакали по полу разноцветные теннисные мячики. Зудин не обратил на это внимания. Вынул конверт и подал Стасу. Умненький мальчик сполз с постели и принялся собирать мячики.

Стас чуял все более теплый след ускользящей добычи. Вынул письмо из конверта, на котором было написано крупными буквами: «Зудину», развернул листок.

Тем же крупным почерком было написано:

«Виктор Николаевич!

Со мной все хорошо. Не ругайте меня, пожалуйста. Вам будет одному с ребятами тяжело, но у меня нет другого выхода.

Виктор Николаевич!

Если вы приедете домой раньше меня, не говорите ничего бабушке с Данилкой. Они до сентября в Исадах живут.

Мне трудно писать так, чтобы вы мне поверили, и времени совсем нет. Это долгая история, я так и знала, что меня не оставят в покое, что все не кончится просто так. Так и случилось. Помните, полтора года назад, осенью, Юру Козырева убили? Тогда мне сказали люди из гостиницы, что он вроде как должен, и заставили меня возить наркотики. А то и мне плохо будет. Когда приехали домой, я сразу заявила в милицию, но вам ничего не сказала.

Меня попросили выявить весь канал. Помните ту поездку в Роттердам? Как я не хотела ехать? Потому что мне ее эти наркоманы устроили. А вы еще тогда ругались!

У меня был куратор Макс. Он сказал, чтобы я ехала в Роттердам. Я пересылала посылки с проводниками поезда и звонила Максу. Потом всех арестовали. А меня даже на суд не вызывали.

Но сегодня в поезде меня хотели убить, зарезать.

Но тот исполнитель, которому меня заказали, оказался моим хорошим знакомым. И он убивать меня не стал. Ворон говорит, что мне угрожает смертельная опасность и мне надо с ним бежать. Потому что меня еще кому-нибудь закажут, если он меня не убьет.

Виктор Николаевич!

Не пишите никакого заявления о моей пропаже. Ворон говорит, что меня и так будут разыскивать, только не те, кому я нужна живая.

Не забудьте о бабушке и Даниле.

До свидания!

Ваша Юля».

— Непохоже на письмо двадцатилетней девушки, — первое, что сказал Стас.

— Да, Юля не сильна в науках. Тем более в эпистолярном жанре. — отозвался Зудин.

— А в жизни? Как она?

— В жизни порой удивляет своей разумностью и зрелостью. Хотя все бывало. И телефоны об стенку разбивала, и головы соперников ракеткой. Меры порой не знает и в хорошем, и в плохом. Раба своих сильных страстей.

Стас в голосе тренера уловил обиду.

— Данила — брат? — спросил он.

— Да.

— Сколько ему?

— Семь зимой будет.

— В школу собирается?

— Да, Юля говорила об этом.

— А бабка? В силе еще?

— С бабушкой как раз плохо. Инвалид по зрению, из дома не выходит, Юля в общем-то из-за них и отказалась от контракта с роттердамским клубом.

— Как же отказалась? Я думал, что с выявлением всего канала контрабанды контракт аннулирован?

— Почему? Про наркотики в Роттердаме ничего не знали. Я сам узнал только в сентябре об этом деле. Да, Юле составили протекцию, но работала-то она на совесть. На самом деле она сильная спортсменка и тренер талантливый. Ею были очень довольны. Звонили, спрашивали, звали назад. Она себя хорошо зарекомендовала. Колебалась. Хотела ехать. Но это значит Данилу оставить в детском доме, бабушку отвезти к сестре в деревню. Вот она и не смогла поступиться своей семьей. Осталась. Не поехала. Вот так.

— И значит, и на этот раз она будет стремиться вернуться домой к сентябрю, к началу учебного года.

Мальчик, тихо лежащий на кровати с книжкой, прошелестел страницей. Собеседники посмотрели на него.

— Леша, выйди пока, — сказал Зудин ласково.

Леша заложил между страницами обертку от шоколадки, положил книжицу на стол и тихо вышел.

— Таких бы детей побольше, — пожелал Стас.

— Упаси Господь, — отозвался Зудин. — Я из-за него чуть не присел лет на пяток. Состоит на учете, в драке своему товарищу плечо сломал в двух местах. Драка случилась у входа в спорткомплекс. Даже расстояние измеряли, в двух метрах от ворот. Эти-то два метра меня от суда и спасли. Если бы все случилось на территории стадиона, привлекли бы к ответу. Да. Большой любитель экстремальных ситуаций. Артист хренов. Сегодня вот влетел в новую ипостась: книжку раскрыл. Весь трепещет от умиления к себе. Но хватит ненадолго. Завтра к вечеру жди сюрпризов. Оригинал. Изобретатель. Разрабатывает новые подачи, какие-то там схемы атак.

— Срабатывает? — спросил заинтересованный Стас, сам спортсмен, философ, стратег и тактик.

— Срабатывает. Пока. Но хватит его ненадолго. Без труда и рутины тренировок далеко не уедешь. А ему все скучно. Каждый день новое подавай. Родители, дураки, ему компьютер купили. Так он на нем распечатывает эти схемы атак. Распечатает в цвете, на стол положит перед игрой и заглядывает в нее. Цирк. А то и галочки еще начнет ставить. Сопернику от вида одной только схемы уже плохо. А тут еще галочки!

— Не так глупо, — задумался Стас, — психологическое воздействие.

— Лешу без присмотра оставлять нельзя. Как мину. Так за ручку и ходим после той драки. Спать кладу рядом с собой. В поту холодном просыпаюсь, если его нет в комнате. Прислушиваюсь, дошел до туалета без приключений, или опять что...

Немудрено. Стас вспомнил тех двух пареньков. Если они в засаду залегли на дороге в туалет, то все, пиши пропало.

Помолчали. Стас ждал, что еще скажет тренер.

Зудин сказал:

— Юлю я могу понять. Кого-кого, а ее как раз понять можно. С пяти лет с ракеткой по жизни. Все этапы прошла. Все было. А дальше что? А дальше — ничего. Все тоже. Та же ракетка, залы. А хочется чего-то другого. И возраст... Темперамент прет. Романы от одного другой прикуривает. Только из одного вылезет, в другой бухается с головой. Да еще эти... Органы ваши. Я про наркотики. Нашли девочку, сироту. Благо заступиться, подсказать некому. И надавили. Ребенка послали канал ихний выявлять. Что, мужиков у вас для этого не нашлось?! А теперь вот ее и вторым концом бьет. Резню, гонки какие-то устроили! Я бы вас... Вот этими руками...

Зудин замолчал.

Стас был с ним согласен и тоже молчал.

Потом спросил:

— А что за Паша? Слышали раньше?

— Никогда. Бред какой-то. Я в этом письме ничего не понял. Сначала подумал, шутка или, может, не она писала.

— Письмо писала она, — говорит задумчиво Стас. — Интересный этот товарищ, ее Паша. Заказали ему барыгу. Он приготовился резать, да вдруг узнал в барыге подругу и резать передумал. И бежали они, похоже, вместе. Да еще китаец с ними.

— Бред, — сказал Зудин. — Может, ее накололи чем-то, что она такой бред несет.

— Нет, все правда, — говорит Стас тихо, — все сходится. Показания Сташевской, дело Козырева, Воронова. Записка Беликова. Все легло в лузу.

Зудин посмотрели на оперативника.

— Вся надежда теперь на Пашу, — продолжает Стас. — Похоже, профессионал высокого класса. И так проколоться с девчонкой! Только бы им продержаться до меня!

Спесь оперативника порождала сомнения в мудром тренере: он аж глаза закрыл и головой покачал. Такое чрезмерное здравомыслие удивило Стаса. По его мнению, детский тренер ближе по мировоззрению к детству. Стас не прошел тот путь, что прошел Зудин, и не знал, как хрупок человек, особенно в детстве и юности.

В дверь заглянули две девочки, увидели незнакомого и скрылись.

— Письмо можно забрать? — спросил Стас.

Зудин кивнул. Стасу хотелось еще посидеть и поговорить, вопросы в нем зрели один за другим. Но жалко тренера. Устал. Вот работа! И так всю жизнь.

— Спокойной ночи! — Стас поднялся.

Зудин опять кивнул. Говорить ему не хотелось, Стас был ему несимпатичен и доверия не внушал. На спасителя не похож. Какие-то свои у него дела и цели, а на девочку ему наплевать, окажется она опять крайней и будет расплачиваться одна за весь предыдущий ряд событий.

Отвернулся тренер, а там пальма в окна растопыренные ветки сует. Домой скоро, а как девочку бросить? На этого? Правда, там еще в спасителях числятся китаец да некий Паша с ножом. Видно, большой специалист в своем деле. Вот так. Вот в такой компании остается Юля.

После разговора с Зудиным Стас спустился к себе в номер.

Отпер дверь и сразу почувствовал, что номер не пустует. С кухни тянуло жареной рыбой. Есть хочется, но лучше голод перетерпеть, все равно скоро спать, чем сидеть на кухне и заводить нудное, ненужное знакомство.

Стас скорчил кислую рожу и пошел к соседу на кухню знакомиться.

К счастью, тот был один. Высокий, чернявый мужик обернулся на вошедшего.

— Никак сосед пожаловал, — приступил он к томительной процедуре ненужного знакомства.

— Привет, — сказал Стас, — я Стас.

— Добрый вечер, Стас, а я Боря. Ты извини, что я рыбой весь номер провонял.

Боря был прост и весел, ему было в удовольствие жарить рыбу и начинать новое знакомство. Стас тоскливо посмотрел на плиту. И есть хочется, и чужая пища внушает отвращение. Чужая кухня, еда и выпивка, разговорчивый сосед, который уже приготовился выплеснуть на Стаса свои мысли, нагоняли тоску.

От соседа же так и перло готовностью дружить. Под этим напором Стас стушевался.

— Мне надо позвонить, — слабо твякнул он.

— Да ладно тебе! — дружелюбным басом отозвался сосед.

Стас был неправ. Он чувствовал себя неправым, сосед располагал, был симпатичным мужиком и весь раскрылся новому знакомству.

Но Стасу не было покоя в этот день. Он себя чувствовал, как уж на сковородке. Что-то его толкало и вертело, не отпускало.

Он вскочил, теперь знакомя и соседа со своими странностями, и ринулся вон из кухни. Выбежал на улицу, без ключей, без денег, а куда бежать дальше, не знает.

Повертелся у второго подъезда и вбежал в первый. Старичок-пасечник пропал, вверенный стол остался без присмотра. Внизу, в темноте, на двери полуподвального помещения горела волнующая желтая табличка. Она помянула Стаса к себе. Стас поддался призыву, его повлекло вниз, дверь по волшебству, сама собой, распахнулась, и прелестная Нина Семеновна, продолжавшая что-то писать, подняла голову на пробежавший по комнате трепетный сквозняк.

Взбудораженный Стас влетел в помещение и остановился.

Темный взгляд Нины Семеновны осветлел. Беленькая мордочка заострилась по-мышинному и стала виноватой, предчувствуя грядущую вину. Сердце Стаса, застывшее в тоске на кухне, проснулось и радостно застучало.

— Мне надо позвонить, — сказал Стас. — В номере нет телефона.

— Конечно, конечно! — растерявшаяся Нина Семеновна обрела стержень разговора и приободрилась. Начало удачное, и своей банальностью дарит надежду и придает уверенность.

Стас, имея в виду и Нину Семеновну, все же понял, что его беспокоит. Телефон! Вот оно! Быстро набрал свой рабочий номер. Нет никого. Чему удивляться? Прикинул: домой позвонить? Надо бы. Пока жена спать не легла. Но не хотелось звонить домой, и Нина Семеновна тут, рядом. Смотрит...

Ждановичу домой придется. Хотя... Неправильно это. У Ждановича наверняка закладка поставлена. По приезду домой надо бы проверить. А без звонка не обойтись.

Стас набрал номер домашнего телефона своего зама. Чудо, но тот взял трубку.

— Ну что? — спросил Стас.

Жданович сразу узнал шефа.

— Новостей много, — ответил он с ходу.

— Перезвони откуда-нибудь. Номер мой есть?

Жданович секунду подумал.

— Найду, — ответил. И трубку повесил.

Стас забыв про администратора, летел уже в космосе, сосредоточенный взгляд впери в свои сложенные на коленях ладони.

Нина Семеновна, сладко замерев, водила карандашом по бумаге. Глазки потупила, ушки заострила. Телефон трещал, не умолкая. Прошло пятнадцать напряженных минут.

Вдруг на очередной звонок Нина Семеновна ответила:

— Да, здесь, — и протянула трубку Синицыну.

— Ну, — подал голос Стас.

— Звонила девушка, — сказал Жданович.

— Так. Понял.

— Из Нижней Горловки.

— Где это?

— Ближе к Майкопу. Звонила Максиму прямоком домой. Прямымком представилась. Открытым текстом назвала Максима своим куратором, пожаловалась, что за ней кто-то охо-

тится, хотели зарезать в поезде, но она сбежала, спрыгнула. Просила помощи, но контактер где-то ошибся. Поняла, что разговаривает не с Максом, испугалась и повесила трубку. Звонок засекали...

— Когда это было?

— Давно. В четверг, двадцать второго. Все было известно Лукину, расследующему дело Макса, его люди на телефоне и сидели. А до нас дошло только сегодня. Вот так.

— Что же ты сразу...

— Звонил. Но вас все не было. Я просил передать.

— Засветили девку, умники.

— Засветили, — согласился Жданович. — Оперативность некоторых просто удивляет.

Что-то не понравился Стасу голос Ждановича. Тусклый и безнадежный.

— Ну?! — чуя недоброе, сказал Стас.

Жданович вздохнул. Начал потише.

— Я тоже не сидел сегодня. Запросили мы Воронова. И в Майкоп, в родной его город, звонили. Уже к концу дня. Потому не спешили, что к тому времени у нас на руках было его дело. Но мы позвонили все же в Майкоп. Нас отослали в Северокавказское управление. Вернее, в Управление Краснодарского края. Там дали мне дополнительные сведения про Воронова. Самые свежие.

— Ну!

— В ночь с воскресенья на понедельник, двадцать пятого июня, Павел Андреевич Воронов перешел границу под Владикавказом, на перевале Трехкрестовый.

— Как?!

— Прихватил с собой девушку. Границу с нашей стороны перешли легко и беспрепятственно, но в трех километрах от границы, их сняли снайперы.

— Что?!

— Да. Винтовка, я уж не понял, какая. Только пришлось на брата по два точных выстрела. Вот так.

Стас закрыл глаза и помотал головой. Обеспокоенная Нина Семеновна перестала писать и взглянула на него.

— Точно? — спросил Стас.

— Точно. При них были документы.

Молчание, тихое потрескивание в телефонной трубке.

— Судя по быстрдействию и размаху, начальник отдела — не меньше, — сказал Стас, имея в виду должность конторской «крысы». — Или подразделения.

— Да, — согласился, вздохнув Жданович.

— Тоже прими как информацию к размышлению.

— Уже принял.

— Что еще?

— Все. Они еще дела не открыли. Думают, а надо ли им это? Сейчас границу отрядами переходят, и ничего. Так, по большой дружбе оповестили. Дескать, с вашим Вороном — все.

Стас молчал долго.

— Забыл, какие слова я должен говорить? — спросил.

— Это вы про «Решение готово»?

— Да.

— Вас понял. Завтра?

— Да.

— Куда?

— Я встречу.

Завтра Жданович пришлет двух парней, что работали раньше у Макса, а когда его отделение расформировали, остались не у дел. Никого из бывших сотрудников подразделения А-20 Стас не брал к себе. И никто его об этом не просил. Осторожность Стаса была понятна. Начальника подразделения А-20 и его зама нет. Все бывшие сотрудники, винные, невинные, оказались под большим сомнением. Нет, люди, конечно, не пострадали. Почти всех разобрали по другим подразделениям, но Стаса об этом никто не просил. И эти два парня, симпатичных очкарика, бывшие сотрудники подразделения А-20, оперативные работники, спортсмены, отличные стрелки, тоже ходили на службу, но большей частью стояли у батареи в коридоре. От них шарахались, чуть ли не как от прокаженных. Стас не случайно их промариновал. Хотя давно навел все нужные справки и решение принял. Сейчас, после разговора со Стасом, Жданович позвонит им и востребует к себе. Завтра они пройдут к самолету через служебный вход, с пропуском за личной подписью начальника аэро-

порта, с продолговатым, красивым чемоданчиком в крепких юношеских руках.

Стас извлек этих очкариков из такой клоаки, что рассчитывал на их долгую и фанатичную преданность себе.

— Все? С девушкой распустились? — спросил Алеша Жданович.

— Не нравится мне, что ты говоришь, — ответил Стас.

— Нас редко спрашивают, что нам нравится, а что нет. А факты — упрямая вещь, — заметил Алеша.

— Так. Я позвоню завтра. Ты не сиди. Тряси департамент. Жданович понял, что Стас говорит про «Медею».

— Два парня, что я взял к себе, вышли? Как они? — спросил Стас еще про двух новых сотрудников, что должны были выйти на работу в понедельник. Большие специалисты по электронике.

— Я их и раньше знал. Вчера с утра, засучив рукава, впряглись, так что вы теперь со связью.

— Пришлешь с ребятами. Пусть привезут, кроме всего прочего, фотоаппарат и денег.

— Хорошо. Что еще?

— Спокойной ночи.

Стас положил трубку. Завтра приедут два очкарика и привезут номер спецтелефона. Будет Стас со спецсвязью. Одного очкарика он пошлет во Владикавказ. Через перевал. Пусть трупы смотрит. А с другим очкариком Стас поедет по Северному Кавказу.

Очнувшись от своих дел, Стас натолкнулся на удивленный взгляд темных глаз.

— Что-то беспокойно нынче на Кавказе, — туманно начал он.

Настороженные глаза слегка улынулись. Стас чувствовал симпатию и внимание администрации, и ему было очень свободно и комфортно в этой комнате.

— Есть хочу, — сказал он просто, — если не считать полбутылки минеральной воды, сегодня еще ничего не ел. А день кончается!

Нине Семеновне нравилась простота подхода Стаса, ей это говорило о его уверенности в своих силах и о наличии оснований для этого.

Он смешил и смушал ее веселым взглядом в упор. Она не удержалась, расцвела улыбкой, встала и повела Синицына на кухню.

Глава 4. По лермонтовским местам

На улицах города Пятигорска стреляли часто и с удовольствием.

Лет пять назад делили город на сферы влияния. С тех пор «тектонические» подвижки, вроде, поутихли, но почва еще не совсем остыла, и Пятигорск «кипит гейзерами», не хуже Камчатки. Меж кланами продолжается борьба в приграничных областях разделенной территории, где почва не затвердела и не устоялась.

Но хозяйство уважаемого господина Малика размещалось как раз на «утвердившейся» почве. Малик не лез в политику, в телевидение. Местные газеты, правда, о нем не забывали никогда, но упоминали как-то по-доброму, безобидно журя, и иногда позволяли ласкать его имя очень мягким, «пушистым, белым» юмором.

Был один правдолюбец, он всплыл на высокой волне свободы печати середины девяностых годов. Занялся этот любитель острых ощущений собственным журналистским расследованием: кто Малик, откуда Малик, и почему-де все брошенные кинотеатры города, которые своими запахами напоминают общественные туалеты, а на фоне их фасадов можно снимать фильмы про взятие Берлина, почему эти кинотеатры и многое другое в городе, переходит в руки этого Малика.

Ничего... Успокоился бедолага. После одного из пикетов около бывшей гостиницы, которую тоже Малик приобрел, нашли его недалеко от города, по запаху, в густых кустах ежевики. Помер он от удара ножом в область сердца, а вот кто его... до сих пор неизвестно.

А вот гостиница «Звезда Кавказа» расцвела на глазах. Вычищен парк вокруг нее, беседки построены, как было при Сталине. Чуть ли не к каждому курортному сезону перекрашивается фасад.

У Малика много людей. На Кавказе работы практически нет. И молодежь охотно идет под покровительство автори-

тетов, которые и на работу пристроят, и защитят. Получается как бы работа с социальными гарантиями: то, что не может пока дать государство. Малик сам отец и нужды своей молодежи вполне понимает. Лет пять назад молодые жизни сгорали в междоусобице, как в топке паровоза, а теперь нет. Пора созидать — разрушать и делить больше нечего. И пара старых обветшалых кинотеатров плюс сталинская гостиница с разрушившимся фасадом и сгнившими коммуникациями, положили начало новой легальной жизнедеятельности стареющего авторитета.

Деньги тут кипели немерные. Строились новые запра-вочные станции, магазины. В речку вливались все новые ручейки, и речка становилась все полноводнее и спокойнее, стала вполне судоходной, надежной. И Малик смог отказаться от многих статей дохода. Но одну нелегальную оставил. Она была очень рентабельной, да и отказаться от нее непросто. Могущественный человек Малик, но все же не мог себе купить абсолютную независимость, и был опутан, как и все мы, паутиной обязательств и взаимосвязей. Это хитрая, липкая паутина, разорвать ее почти невозможно. Да и не надо. Сам Малик относился к этому философски, был осторожен, стриг купоны и вливал их в дело.

В конце июня из Новосибирска приехали за грузом. Ханка ушла в Сибирь, под надзором братишек. А баксы должны пойти в обменный пункт гостиницы, казино и в другие пункты обмена валюты, через которые Малик прокачивает доллары.

Деньги по кассам развозят на «хонде». Шофер «хонды» — любимчик Малика Витя Криницын. Витек начинал в охране. Потом хозяин все чаще стал брать его с собой. Хозяину нравилась презентабельная внешность молодого охранника — не стыдно с ним появляться в свете. А кроме того, у Витька был разряд по какому-то восточному единоборству.

Витя богател. Должность при хозяине препятствовала его моральному разложению. Ангел, а не охранник. Уважение Малика к нему выросло, когда Витек тихо и мирно

женился на простой и скромной девушке, которую до этого никто и не знал. Впоследствии департамент безопасности при Малике выяснил, что девушка — одноклассница Витька, и живет в тихом городе Лермонтове, что в полчасе езды от Пятигорска.

Все очень прилично. На торжестве присутствовали только родственники, которые собирались за неделю до свадьбы со всего Краснодара и Ставрополя. Шумная свадебная неразбериха с обильной едой, самогоном в бутылках, с пьяными дедками и бабками, это оказалось тоже очень приличным и ко времени. Уставших вояк вдруг потянуло к патриархальному укладу, с тетками и дядьками, шkodливymi племянниками и длинным, прожорливым хвостом дальних родственников. Клан подарил на свадьбу молодым квартиру в двухэтажном доме на окраине Лермонтова, как раз на выезде в Пятигорск, чтобы удобнее Витьку было ездить на работу.

С женитьбой Витька его статус изменился. Теперь ему полагалось дежурить при жене, а не при хозяине. И Малик любимому охраннику нашел работу поспокойнее и по графику. Сделали Витька шофером «хонды», развозить доллары утром по обменным пунктам, а вечером забирать рубли и отвозить в банк. У Витька был напарник, и работали они через день.

Обменные пункты открываются в восемь утра. В семь привозят охрану и кассиршу. При обменном пункте гостиницы «Звезда Кавказа» две кассирши, которые подменяют друг друга. И одной из них стала жена уважаемого Криницына — Рита, тихая, педантичная, серьезная женщина. С напарницей они сами договаривались о графике. Женщины, — у них свои дела и проблемы, они больше нуждаются в свободном времени. Рите доверяли, напарница, такая же дисциплинированная и совестливая, была довольна подружкой.

Идеалистическая картина, озаренная ласковым, лермонтовским солнышком, вдруг стала гаснуть 24 июня, в субботу вечером, вместе с быстро наступающей южной темнотой.

В субботу Витя Криницын с двумя охранниками забирал выручку. В этот день работала не жена, а ее сменщица, жена

заступит в воскресенье. Женщина сдала кассу и претендовала на то, чтобы ее подвезли домой, а Витя ее не взял, ему не по пути, да и машина полна денег. Женщина средних лет и замужня, охранники даже ухом не повели, когда она закидывала удочку докатить ее до дома. Молча бросили штампованный мешок на заднее сиденье и уселись рядом с ним.

Витя, как все молодожены, пока нечувствительный к женскому воздействию, не дослушав подругу жены, сел за руль и покатил к банку. Деньги сдал, охранников ссадил и поехал домой. Дорога знакомая. Невысокие горы и широкие доли. Витя, предчувствуя дом, расслабился, откинулся на кресло, подпевал магнитоле, и крутил баранку чуткого автомобиля одной рукой.

На повороте стояли бежевые «жигули» поперек дороги и мигали всеми фарами. Вокруг машины суетилась пара мужиков. На этом повороте часто бьются автотуристы, совсем недавно Рита заметила, что в этом году что-то поворот не берет свою обычную дань. И вот тебе!

Витя остановил свою «хонду» и вылез. Он давно не чувствовал опасности, находясь под эгидой клана, да еще на родной дороге к дому. Он беспечно подошел к скрюченным над мотором мужикам. Набрал воздуха в легкие, для того, чтобы окликнуть, но звук застрял в горле. Один из автомобилистов выпрямился на его приближение и прикладом длинного ствола двинул Витю в живот.

Удар был профессиональный и выбил сразу все слова, мысли и благие намерения Вити. Он согнулся от боли и тут же получил стволом по шее.

Витя рухнул. В этот миг и погасла идеалистическая картинка его жизни.

Очнулся Витя, когда ему связывали руки за спиной. Шелковые крепкие шнурки на ботинках были уже намертво затянуты и тоже связаны меж собой. Пелена перед глазами разжижалась и сквозь нее, еще дрожащую, как марево над нагретыми камнями, проявились фигуры двух мужиков. Оба сухощавые и невысокие, и самонадеянный Витя удивился, как они могли завалить такого молодца, как он. Один взял его за плечи, развернул, усадил и привалил к колесу машины.

Другой, похожий на корейца, сидел на корточках и копошился в каком-то мешке.

Неожиданный кошмар рассеивался. Возвращающееся сознание освещало постепенно всю бесперспективность затей лихих автомобилистов. Витя не боялся. У него нечего взять и убивать не за что. Бумажник отберут, машину попотрошат и отпустят. Он «хонду» без писка и нытья сдаст, только зря наивные мужики на нее покусились.

Кореец что-то замешкался. Витя отходил от удара в живот, вдыхал целебный воздух родного края. Дыхание его наладилось, в мир возвращались краски, звуки и запахи.

Наконец кореец, нашел нужное в мешке.

Витя остро глянул на него.

Тю! Ватка и нашатырный спирт! В чувство его хотят привести! Ну, пусть приводят. Зачтется. Витя доброе помнит.

Корец сказал:

— Сейчас будем делать «таян бар».

Полил ватку нашатырем, сунул ее в полиэтиленовый мешок и неожиданным движением натянул его на голову Вити. Витя от изумления не успел задержать дыхание. Вздохнул. По мозгам резануло. Едкий аммиак лизнул глазницы, брызнули слезы. Витя зажмурился и задержал второй вдох. Но мешок не снимали, а парень почти потерял сознание, наконец сработал рефлекс, и Витя вздохнул второй раз. Он кашлял и чихал: слюни, слезы, сопли. Сознание пульсировало черным шаром перед глазами, наконец шар поглотил его, но тут сняли мешок.

Кореец отвесил ему две оплеухи и спросил:

— Таян бар? Опиум есть?

Витя судорожно хватанул свежий горный воздух обожженными легкими. Кореец повторил вопрос. Витя изумленно помотал головой. Он даже не понял, о чем его спросили.

У корейца в руках появились пузырьки с нашатырем, вата и пакет. Взглянув на другого, Витя содрогнулся. Пощады не будет. Лицо жесткое, и в нем не злоба и не алчность, а бесконечное равнодушие, которое распространяется и на человеческие муки. В глазах был равнодушный, математи-

ческий расчет. Витя замер, вглядываясь. Понял, что, попав в руки этого человека, он уже не вырвется.

В воскресенье двадцать пятого июня, в седьмом часу утра, с востока небо золотилось, а на горе еще висело серое облако, и его холодное дыхание грозило близкой бурей. Голубоватый туман растекается по низине, предчувствуя солнце и прячась от него в теснины.

Рита Криницына сегодня работала и встала пораньше, вместе с солнышком. Утро — самое прекрасное время дня, и хочется его продлить.

Город Лермонтов — интересный город, и поэтому жители его — не обычные станичники кавказских предгорий. В городе Лермонтове когда-то был военный завод и институт при нем. Сейчас это территория по-прежнему огорожена забором с колючей проволокой, но завод поутих, в институт работники ходят лишь отмечаться.

Рита раньше работала на заводе техником, но после свадьбы муж устроил ее кассиром в пункт обмена валюты при гостинице. Вчера поздно вечером он позвонил по сотовому и сообщил, что задержится до утра с друзьями. Это была его первая задержка с работы за их двухмесячную супружескую жизнь. Но Рите было все равно. Говорят, что в любви один целует, а другой подставляет щеку. Так вот, Рита была из тех, кто подставлял.

В семь часов утра она надела золото, новую кофточку и уже прибиралась в сумочке перед выходом, когда раздался резкий дверной звонок.

В коридоре темно, и в почерневшем кругу Ритино зрение стоял Виктор. За ним был еще кто-то. Вытянув шею и цепко заглянув за плечо мужа, Рита увидела незнакомого человека.

Другой мир, с автомобильными гудками, криком детей, шумом падения жестяного ведра в коридоре и ответным воплем соседского кота, вошел в распахнутую дверь. Рита бессильно отступила перед ним и впустила в дом мужа с незнакомым человеком.

От этих двоих несло могильным холодом, так сумрачны и темны были их лица. Рита взглянула на мужа и на миг

сосредоточила свое внимание на нем. Синие губы, щетина на запавших посиневших щеках. Глаза несчастные и больные. Потухшие, и не светятся радостью встречи, как раньше.

— Надо же было так напороться! — сказала она зло.

Зрочки Вити даже не дернулись удивленно на такую незнакомую речь милой жены.

«Что-то тут не то, — подумала Рита, — но это его дело».

Пришел муж, и даже мысли стали вялыми и апатичными. Да еще и «другана» привел, по виду наркоман или уголовник, а скорее всего и то и другое.

«Друган» вступал в квартиру как хозяин. Даже не сделал вид, что ноги потер о коврик, перешагнул через него и прошел в прихожую. Заглянул в кухню, в большую комнату, вернулся на кухню, взял стакан с сушилки над раковиной, и налил абрикосовый компот из трехлитровой банки. Выпил, ягоды стяхнул в рот и сожрал.

Ни спасибо, ни...

— Вкусно? — спросила Рита.

— Кислый, — ответил мужик, но налил еще.

— Ну, хватит, поехали, — сказала мужу Рита, — не знаю, как ты, а я опаздываю.

Мужик с похмелья торопливо допивал компот. Рита дождалась, когда он сполоснет стакан и вернет его на место. Как только мужик отошел от раковины, она подошла к ней и тщательно почистила стакан дезинфицирующим порошком, которым раковину моет. Закрыв окно и проверив краны, последовала за мужчинами на улицу.

В машине сидело только двое. Муж за рулем и ненавистный мужик с ним. Что за нежная дружба такая? Раньше этого мужика Рита не видела.

Она села на заднее кресло и сразу уткнулась в окно, чтобы отрешиться от всего этого, не видеть, не чувствовать, не слышать и не говорить. Но ехали, слава богу, молча, новый знакомый наладить отношения не стремился. При въезде в Пятигорск Витя остановил машину, ненавистный мужик вышел и пересел в бежевые «жигули», что стояли на обочине.

Рита подождала, когда их «хонда» вырулит на развязку, вольется в городской автомобильный поток, и сказала:

— Что, теперь этот будет у нас столоваться?

Витя смолчал. Раньше в моменты жениного раздражения он лебезил и скакал, как щенок, зализывая вину.

— Я предупреждала: не люблю жить всем общаком.

Молчание.

Уже подъезжали к дому Рубенчика, казначея Малика, чтобы забрать доллары, когда Витя вдруг сказал:

— Риточка, не говори ребятам про эту ночь.

— А ты разве не с ними был? — удивилась она.

Витя взглянул на нее как-то дико. И совсем странно сказал:

— Ты знаешь, недавно я видел перестрелку в городе, там только шофер остался в живых и только потому, что сразу лег на пол. А потом, когда его трясли, он сказал, что ничего не видел.

— Кто тряс?

Тут они подъехали к дому Рубенчика.

Ворота распахнулись, и «хонда» необыкновенного золотого цвета въехала на дорожку. Красиво. Низкие, пышные, темно-зеленые кусты с белыми цветами. Над всем этим голубое небо, как на картинке в детской книжке. Рита, выставив острый локоток наружу, равнодушно смотрела на знакомый дом.

Наконец, подошли трое парней с холщовым мешочком и сумкой. Очнувшись, Рита пересела вперед, к мужу, а на заднее сиденье сели сопровождающие, устроив мешочек и сумку меж собой.

Касса в «Звезде Кавказа» открывается в восемь. Надо быть заблаговременно, принять валюту и деньги, привезти, пересчитать, рассортировать купюры, отделить старые от новых. Старые доллары еще в ходу, но их продвинутое население не берет, приходится подсовывать, и надо знать, кому и как.

Сегодня усиленная охрана. В мешочке денег больше, чем обычно. Как же, выходной! Людям, отдыхающим в ближних городах: Эссентуках, Железноводске, Минводах,

Георгиевске, захочется съездить в Пятигорск, осмотреть достопримечательности, посетить рынок, знаменитое казино, осмотреть гору Машук, поесть шашлыков, запить их водой из фонтана. Для этого надо поменять заветные доллары на деньги.

И вот, без пятнадцати восемь, золотая «хонда» появляется на улице Зырянской, на которой стоит задним двором гостиница «Звезда Кавказа».

Улица Зырянская короткая, тихая, на нее выходят задними дворами и служебными входами гостиницы и магазины, что фасадом выставляются на проспект. Сумрачную, узкую улицу еще больше сужают переполненные мусорные контейнеры и металлические сетчатые ограждения, за которыми гниют стопки и груды ящиков.

К служебному входу одного из гастрономов подкатил фургон с продуктами. Сетчатые ворота отомкнули, и машина подъехала задом, плотно заткнув фургоном вход на служебную территорию. Разгрузка еще не началась, шофер ушел к бухгалтеру с документами. Машина же перегородила всю узкую улицу.

Но никого это не беспокоило. Случайных прохожих на улице не бывает. Свои же все прибыли и суетятся в подвалах да складах.

Золотистая «хонда» сбросила скорость на повороте с проспекта на улицу Зырянская. Осторожно прогромыхала колесами по решеткам канавки ливневой системы.

С поворота на проспект, вслед за «хондой» показались бежевые «жигули». Старая тройка не рассчитала и стукнула в зад тормозящую иномарку. Передняя машина скакнула и остановилась. Строго следуя сценарию анекдота, из «хонды», с заднего сиденья, и выпрыгнул паренек с широкими, покатыми плечами и подбежал к «жигулям» разбираться.

Из «жигулей» навстречу ему выскочили двое возмущенных парней, игнорируя общакового, подбежали к «хонде» и выстрелили из «газовиков» внутрь.

Измученный общаковый инстинктивно схватился за ствол, но тут показывается из «жигулей» третий пассажир и успевает метнуть нож. Это был хороший, десантный нож, и он вошел в грудную клетку бедного парня по рукоятку.

Рита лежала на полу, щека прижата к резиновому коврику, рядом с носом — окурок.

Передняя дверца машины распахнулась.

— Быстро! — сказал тот мужик, что нынче хозяйничал у нее на кухне.

Рита не пошевелилась. Начиналось что-то страшное, и она не могла оторваться от безопасного пола. Вжалась в него, как испуганная кошка, когтями вцепилась.

Ненавистный мужик протянул свою лапу и за шкуру выволок испуганную женщину на свет. Рита тут же споткнулась о кучу, сочащуюся красным. Но ее проволокли дальше и усадили на заднее сиденье «жигулей». Там уже был Витя. Рита бросилась к мужу, голову вжала ему в колени, чтобы ничего не видеть и не слышать, руками обвила туловище. Витя накрыл своей ладонью затылок жены.

На улице что-то зазвенело, как разбитая рюмка. В «жигулях» захлопали дверцы, качнулись сиденья под тяжестью еще трех тел, и с визгом тормозов, крутыми разворотами машина помчалась прочь.

Вспышка опередила на миг треск и грохот. Ухнуло, клубок пламени заглянул в заднее окошко отъезжающей машины. Но не успел лизнуть его: машина набрала скорость.

— Жалко «хонду», — сказал кто-то.

— Паша, что это было? — спросил другой.

— Ампула с зажигательной смесью.

— Где ты все это берешь? С Егор Егорычем по-прежнему связь держишь?

Паша промолчал.

— Куда теперь?

— В Прохладный, только сейчас у рынка родные номера поставим.

У рынка, за забором, и бампер сменили, и номера поставили.

В пыли купались куры, в траве шныряли воробьи. Бежала черная собака, потряхивая, как аксельбантами, засыпанной в грязи длинной шерстью и хвостом в репьях. Ветерок шевелил длинную пыльную траву и кончики веток драного куста при дороге.

Все это было погружено в странную тишину. Рита выпрямилась и вытянулась в струну, впитывая незнакомый, тревожный, безмолвный мир.

Паша сходил в киоск за водой. Принес две бутылки минералки. Из одной полил закопченное заднее стекло и протер его тряпочкой. Другую отдал Рите. Она хотела умыться, не получилось. Руки тряслись, из бутылки струя лилась, булькая и пульсируя.

Помог Паша. Взял бутылку и накренил ее. Двумя ладонями, сложенными ковшиком, Рита ловила воду и умывалась.

— Все, — сказал Паша, — дорога длинная. Поехали.

Один, с продолговатым, узким лицом, подтолкнул слегка Риту, чтобы она садилась в машину. Но бедная женщина замерла, глядя на забор, за которым был рынок, а за рынком автостанция. До дома полчаса езды.

— Оставьте ее здесь, — попросил Витя.

— Пока не могу, — ответил Паша. — Поговорим об этом в Прохладном.

Все расселись по местам, и компания покатила дальше. В город Прохладный, что примерно в ста пятидесяти километрах от Пятигорска, ехать туда часа два. Витя подумал, что за эти два часа их точно вычислят и перехватят люди Малика. Вите пощады не будет. Просчитывать не станут, кто на кассу вывел. Кто в живых остался, тот и предатель. Расчет прост. А у Риты был бы шанс, если бы ее оставили у рынка. Но в машине похитителей она обречена. Даже если в перестрелке ее не заденут, Малик не пощадит.

Но в зеркало заднего вида погоня пока не просматривалась.

«Жигули» шустро, но не особо превышая скорость, пылили напрямик к Прохладному. Утро сменялось напряженным днем, мужчины вглядывались в переднее стекло, как в судьбу. А странная женщина с каждой минутой становилась все страннее, дергалась и озиралась, искала что-то в карманах.

Город Прохладный, пыльный и раскаленный, чей горизонт вставлен в рамку зеленых гор, кончился быстро. Проехав мост и железную дорогу, свернули по проселоч-

ной к горам. У развалины каменной будки Паша остановил машину. Друзья его тут же выскочили на волю. А Витя с Ритой остались сидеть, прижавшись друг к другу.

— Выходите, — приказал им Паша.

Рита осторожно вылезла. Тихо. В длинной траве звенят цикады. И небо со зрачком-солнцем. Привычный запах сухой перегретой травы и цветущей кавказской мяты.

Немного впереди стоит еще одна машина. Красная «девятка». Ненавистный мужик Паша пошел туда, за ним потянулся его друг, что сидел на переднем сиденье в бежевых «жигулях». Похож на калмыка. Другой, тоже азиат, только с узким лицом и длинным носом, остался сторожить Витю с Ритой.

Паша поговорил с кем-то у красной машины, обернулся и крикнул:

— Давай сюда!

Витя вздрогнул и, как медведь, переваливаясь и косолапя, потрусил к красной машине. Рита испугалась остаться одна, зацепилась за вылезшую из джинсов, грязную рубашу мужа и засемила рядом, как пехотинец у танка.

Павел разговаривал с шофером «девятки». Рита остановилась и недоуменно принялась рассматривать мужа. Она не помнила, что произошло утром. Организм зашкалило от перегрузки, психика не справилась и память отключилась на время.

Рита осматривала мужа, удивляясь переменам в нем. Постарел лет на десять. Весь какой-то дребезжащий, будто в нем что-то сломано. Сытый монолитный подбородок вдруг пересекла глубокая борозда, разделяя его на две части. Второй подбородок отвис, словно у старого мужика. Рубаха, как у Льва Толстого, вылезла из штанов до колен. На спине мокрая, на груди грязная.

Рита ходила вокруг мужа, осматривая его, и вдруг заметила девушку, лежащую на траве поверх детского байкового одеяла. Одеяло было для девушки маловато, и на нем умещалась только ее средняя часть. Руки, ноги раздвинуты. Глаза закрыты. Наркоманка. Или с перепоя мается. Но больше похожа на наркоманку. Молодежь в предгорьях, да и в горах, водке все чаще предпочитает опиум. «Водку

петь» — сейчас стало лучшей рекомендацией для юношества.

Под глазами девушки синева, губы тоже подсинены, как у утопленника. Ноги в шортах обнажены до неприличия. Над ней стоят трое мужиков, а ей хоть бы что. Развалилась прямо у дороги.

Витя включился в разговор, а Рита отстранилась от компании. Она отступилась от мужа и теперь рассматривала лежащую девушку. Рита почувствовала страшное давление внутри, его нельзя было сдерживать, она шагнула вперед — наступить на девку, раздавить ее...

Но Паша дернул за руку.

— Эй! — сказал он. — Уйди от нее.

Лежащая девушка что-то почувствовала и открыла глаза. Она не повернулась, не пошевелила рукой, просто открыла глаза, как кукла.

Паша за руку втянул Риту в круг разговаривающих мужчин. А разговор был интересный.

Витя сказал:

— Ты же меня на десять лет старше. И мы не похожи.

— Не имеет значения, — ответил ему Паша, — главное, тебе сказаться Вороновым, тогда пропустят. Как приедешь в поселок, разыщешь капитана, скажешь: от Егорыча, и вперед. Тебя до границы проводят, а там, через перевал, своим ходом. Через Трехкрестовый летом на мотоцикле можно переехать. Небо чистое. Ночью будет луна. Наличные тебе не дам, самому мало, а вот книжку на предъявителя возьми. Тут чуть-чуть, но больше дать не могу. Деньги возьмешь в Тбилиси. Затаишься. Все же шанс.

— А дальше что? — спросил Витя тихо.

— Не знаю. У меня вариантов больше нет. Но этот все же лучше, чем здесь оставаться. Здесь ты доживешь только до утра. И денег у тебя нет. Твои деньги в Тбилиси, парень. Так что спешి туда. Недалеко: Владикавказ, Трехкрестовый и вперед, там спросишь. Бери «жигули», номера сменили, на один день маскировки хватит. Да намекни капитану, чтобы прибрал машину. Тот ее спрячет, а через полгода выкатит, с родными номерами она нигде не засвечена. И капитану приятно, хоть старенькая, а машина. Вполне на

ходу. Еще лучше тебе поможет. Вся застава будет по вершинам стоять и следить, чтобы ты спокойненько границу перешел. А там у них свои привязки. Грузины тоже глаза закроют и отвернутся на время.

Витя молчит. Сереет и стареет на глазах, как увядает сорванный цветок в руке. Голову так же склонил и в землю смотрит.

Спросил:

— В чем фишка? Зачем тебе это?

— Делай как знаешь. Оставайся. И мне так легче. И еще. Тебя пропустят только в паре с девушкой. Там ждут Воронова с его девушкой. Если вы с женой пойдете, то все будет согласно уговору. Пойдешь один, начнутся расспросы, на фото взглянут. И потянется.

Витя взглянул на разметавшуюся в траве девицу, которая, как кукла, веками хлопала, приходя в себя от передозировки.

— Ну что? — поинтересовался Паша.

Витя кивнул. Паша полез за паспортом.

— Настоящий, мой, — сказал он, — цени.

— А Рите?

— Так пройдет. Одного на двоих хватит.

Витя раскрыл паспорт. Павел Андреевич Воронов. Виктор стал Павлом. Что-то с Павлом неладно там, в Библии. Душа застонала. Паспорт жег руки, как путевка в ад. Хотя, и то сказать, есть, с чего душе болеть.

— Быстрее, — сказал Воронов новообращенному тезке. — Яша с вами поедет до Владикавказа. Давайте, грузитесь и пилите отсюда.

Рита, в мозгу которой застряла какая-то навязчивая идея, опять пошла смотреть на девицу. Та оживала на глазах. Теперь она смогла повернуться со стоном и лечь на бок.

Вверху на высокой ноте что-то заклекотало. Обе женщины подняли голову и посмотрели в небо. Оно наливалось зноем и пылало, аж пульсировало жаром. Парочка хищных птиц кружила в небе, рассматривая людей. Жертву приглядывала.

Посмотрев в небо, лежащая девушка осторожно опустила голову в сухую, шелестящую, как бумага, траву и снова закрыла глаза. Стоящая над ней — обернулась на голос мужа и пошла за ним в бежевые «жигули», за руль которых сел мужчина, похожий на калмыка.

Воскресенье подходило к концу. Егорыч вышел во двор, лампочку ввинтить, под живым потолком из виноградной лозы в беседке. У самодельной проводки освещения во дворе нет выключателя, Егорыч просто на вечер в патрон лампочку вкручивает. Вечера темные, ночи черные. Как солнце сядет за гору, тень падет от гор, так без света туалет собственный не найдешь. А теперь дочь с зятем и внуком приехали. Жизнь во дворе кипит до полуночи.

Жена под кастрюлей с пловом уже газ выключила и кастрюлю кофтой укутывает, чтобы рис распарился, а Егорыч из темноты сарая выкатил бутыль, ведра на три, плотно закупоренную пробкой и сургучом. Бутыль в паутине и пыли, но даже в темноте просматривалась через стекло темно-красная жидкость.

Зять, ликуя, помогал катить бутыль, оберегая ее от мелких камушков. Докатили до стола под лампой. Егорыч ножом порушил сургуч.

Разложили по тарелкам салат, разлили по стаканам вино. Зять сказал тост. Тут зазвонил телефон. Никто не обратил внимания, дочь с зятем здесь, Егорыч вышел на пенсию, подождут. Семья, сплоченная ужином, выпила по стаканчику. Егорыч не спеша поднялся и пошел в дом.

Теща торопливо разматывала кофту на кастрюле, над которой навис с ложкой голодный зять.

Телефон старенький, звонок оглушающий, не нежная трель, как у теперешних, новомодных. Егорыч поспешно, чтобы не слышать резких гудков, поднял трубку. Треск и шум и голос вдалеке.

— Кто? — крикнул.

Кричали:

— Пришел твой посланец.

Егорыч удивился. Посланец у него теперь остался только один. И тот сгинул. Не думал Егорыч, что Паша объявится и через границу поперет как раз там, где ему указали.

— Ну и что? — крикнул Егорыч сердито. — Пропустите, как договаривались. Чего трезвонить-то?

— Да он не один. А с бабой. И бабу хочет провести с собой. А у нее ни документов, ни чего. Тут что, магистраль?

У Егорыча внутри тикнуло. Хотел спросить. Но рот испуганно сжал и глаза прикрыл. Тихо, тихо, Егорыч. На пенсию ушел, еще ничего не значит. Достанут и построгают, как баранину. Недаром, выходит, что труп той девки, что заказали, так и не нашли. Похоже, что она всплыла у Трехкрестового. С чего это вдруг у Паши милосердие проснулось? Ударился, что ли, головой?

— А точно он? — спросил в трубку тихо.

— Что?! — кричали далеко, как в лесу.

— А у него документы глядели? — заорал Егорыч зычно.

— А то как же! Он!

Девку оставил! И с собой взял! Маму его... Что же это? Что там произошло? Знакомую встретил? Рехнулся? С собой тащить! Ему границу открыли, а он в вестерн ударился! Какой вестерн. Мюзикл!

— Что делать-то с ними? — выла трубка.

«Убрать», — подумал Егорыч. И тут же что-то сжалось в нем, какой-то внутренний орган. Сердце, что ли? Легкие, селезенка? Но так сильно, что даже движение почувствовалось.

Егорыч прикрыл глаза, подул в кулак.

— Пропустить, — сказал он.

— А бабу?

— Обоих.

В трубке неожиданно легко согласились.

— Хорошо, — сказали. И зачастили гудки.

Егорыч повесил трубку. С улицы кричала жена. Разливали по второму стакану. Зять за столом сидит распаренный и довольный. Ремень на джинсах расстегнут, по белой груди стекает пот.

Егорыча вдруг внезапно взяла тоска: вот так торчать на пенсии, вино тянуть, а там жизнь, отголоски еще доходят по инерции до Егорыча, но скоро и они заглохнут.

Но Паша! Отколол!

Егорыч выпил свой стакан и задумался, как у Родена мыслитель. Обхватил подбородок пальцами и локтем в колено уперся.

Морга в поселке не было. Но звонили из Тбилиси и просили трупы никуда не возить, никаким родственникам не показывать и не отдавать. У всех, кто заинтересуется и захочет посмотреть, спрашивать документы. Ни на какие вопросы не отвечать и ждать прибытия...

Звонили во вторник. К этому времени двое русских уже побывали в местной больнице, в подвале которой лежали секретные трупы. Осмотрели труп девушки и парня. Имен не спрашивали. Только сказали, что эти двое — грабители. Взяли чью-то кассу. Очень были те двое огорчены, что трупы не умеют говорить и не скажут, где теперь касса.

После звонка из Тбилиси главврач приказал к трупам больше никого не допускать. Обложить их льдом, а документы спрятал в сейф.

И то сказать, рядом русская граница. Перевалы. Через поселок часто проходят незнакомые люди. Что у них в мешках, кто знает! Нельзя, чтобы война перелилась через границу и русская мафия в грузинских горах сводила свои счета.

В среду, днем, в поселок въехал крепкого вида темно-синий «форд». Поселок славился на весь район больницей, это было новое двухэтажное здание, и «форд» уверенно подкатил к главному входу.

Вышли двое. Грузин и русский. Главврач сидел на скамейке под деревом и отдыхал в пестрой тени, подошел узнать. Приветствовал было своего по-грузински, но тот попросил говорить по-русски.

Главврач взглянул на русского парня, интеллигентного, в очках. Спросил грузина:

— Вы из Тбилиси?

— Да, — ответил тот, вынул и показал документы.

— Где трупы? — спросил русский. — Вы их сохранили?

— Да, — удивился главврач недоверию русского. — Все, как просили, так и сделали.

— А документы? — проговорил русский, а грузин из Тбилиси промолчал.

— Документы в сейфе.

Главврач по-русски говорил правильно, но невнятно.

— Можно взглянуть?

— Конечно, гляди. Почему нет.

Вошли в пустынный холл. За первой дверью направо сидела полная женщина с большим пучком черных волос на голове. Она в окно видела, как подъехал «форд» и главврач разговаривал с двумя мужчинами из Тбилиси, что приехали за трупами русских.

Все трое вошли в кабинет. Поздоровались. Представился только грузин, русский своего имени не назвал. Но у секретных служб свои правила. Молчаливость и торопливость русского подхлестывала, хотелось так же молча, быстро и четко делать простое дело и облегчить русскому его непонятную секретную задачу.

Парень в очках очень торопился. Он не улыбался, не прислушивался к акценту, как это делают русские. Спросил про документы. Женщина подошла к большому сейфу, открыла его и подала целлофановый мешочек, в котором лежал российский паспорт.

Парень быстро вынул его и открыл. Воронов Павел Андреевич. Посмотрел на фотографию. Хищное, четкое лицо. Такие лица часто встречаются у смешанных, обрусевших представителей северокавказских народов.

— Можно забрать? — спросил парень грузина из Тбилиси и паспортом потряс.

— Конечно, Любомир, — ответил грузин. — Бери.

Любомир засунул паспорт в карман пиджака.

— Пошли трупы смотреть, — сказал он и вздохнул. Скорбное дело, все на секунду склонили головы в знак уважения к двум несчастным молодым людям из России и грусти их соотечественника.

Пошли в подвал. Главврач проводил. Когда спускались по лестнице, к ним присоединился молодой человек в белом халате. Он быстро шел впереди, показывал дорогу, главврач держался с гостями.

Спустились запасным ходом в подвал. Стены наполовину обложены белым кафелем, пол тоже кафельный. Медбрат отпер железную дверь, включил свет. Вошли в неболь-

шое помещение без окон. На кафельном полу, на простыне лежат два трупа, прикрытые больничной простыней. На груди, животе по куску сухого льда. Медбрат верхнюю простыню не сдернул, а только отогнул, чтобы показать лица.

Любомир подошел поближе. Присел на корточки. Сладковатый запах чувствуется. Он взял за угол простыню и сдернул ее совсем.

Парень с девушкой. Парень грузный, с коротким носом, массивным двойным подбородком. Девушка чуть выше и полнее, среднего роста и веса. Обоим лет под тридцать. Выстрелы произведены в грудь и голову.

— Они? — спросил грузин из Тбилиси.

— Да, — ответил Любомир.

— Заберешь?

— Нет, — ответил русский. — Но мне надо сфотографировать их. Переносная лампа найдется?

— Организуй, пожалуйста, — сказал медбратау грузин из Тбилиси.

Парень сбегал и вернулся с лампой на штативе, от нее тянулся длинный кабель. Штатив поставили, отрегулировали высоту лампы. Любомир сделал несколько снимков парня и девушки.

Фотоаппарат убрал. Выпрямился. На минуту все застыли, прощаясь с молодыми людьми.

— Еще будешь смотреть? — спросил грузин из Тбилиси.

— Нет, надо ехать, — ответил Любомир, — скоро самолет взлетает. Кто-нибудь интересовался трупами?

Главврач переглянулся с медбратом. Медбрат схватился за штатив и поволок его назад. Главврач взялся за лацкан пиджака Любомира.

— До вашего звонка, вернее звонка из Тбилиси, приходили двое мужчин, и им показали трупы.

— Они узнали их?

— Да.

— Что сказали?

— Сказали, что эти двое взяли чью-то кассу.

Глаза Любомира удивленно дрогнули:

— Чью кассу?

— Не знаю.

— А где?

— Не знаю. Но эти люди приехали из Пятигорска.

— Что за люди? Документы показывали?

— Документы показали, но я не посмотрел внимательно. Глянул только. Фамилии не запомнил. Но сказали, что кассу взяли в воскресенье. Приехали эти мужчины на «тойоте», джипе. Сказали, что родственники.

Любомир подумал. Спросил.

— А спрашивали они документы погибших?

— Нет. Только поглядели на трупы и сразу узнали их.

— Фамилии не называли?

— Нет.

Любомир опять подумал. Серьезный парень в очках, хорошо одетый, внушал уважение. Его вдумчивость нравилась главврачу и человеку из Тбилиси.

— Может, мы поднимемся в кабинет и все обсудим там? — предложил главврач.

Любомир кивнул, и трое мужчин вышли из маленькой комнатки, обложенной кафелем, последнего приюта Риты и Вити Криницыных.

В кабинете было солнечно, но не жарко. После мрачной комнатки, здесь дышалось особенно легко и свободно.

Вздохнув, человек из Тбилиси спросил Любомира:

— Что будешь делать с трупами?

— Я бы их хотел оставить здесь, похоронить на местном кладбище. Можно хоронить русских на вашем кладбище?

— Что ты! Что ты! — обиделся грузин. — Все мы под одним богом ходим. Конечно, можно. Только как? Когда? И как без родственников?

— Родственников у них нет.

— А те двое?

— Они ошиблись. И вот что, к трупам больше никого не подпускать. Это запутанная история, я не буду рассказывать.

— Ну-ну, — успокаивающе сказал человек из Тбилиси. И руки поднял: дело твое.

Любомир продолжил:

— Похоронить. Крест или плиту, как у вас принято. И фамилии указать.

Любомир вынул из кармана свою ручку, главврач протянул ему листок.

Любомир написал:

«Воронов Павел Андреевич, Пузанова Юлия Аркадьевна».

— Больше ничего не надо, — сказал. — Счет за расходы пришлите по адресу, — Любомир хотел написать, но главврач его остановил.

— Не спеши, дорогой, — сказал, — все сделаем. Похороним и цветы положим.

— Я оставлю телефон, — продолжил Любомир, — если кто-то будет интересоваться, что-то произойдет, кто-то будет настаивать на эксгумации трупов, найдутся родственники, или еще что, звоните по телефону. — И Любомир написал на том же листке номер.

— Когда хоронить? — спросил главврач.

— Лучше бы сегодня. Три дня прошло.

— А завтра утром?

— Можно и завтра.

— Вот и хорошо. Успеем место подготовить. У нас тут земли почти нет. Одни камни.

Помолчали. Главврач предложил чай или кофе. Любомир отказался. Он торопился на самолет. Мужчины встали, главврач проводил их до выхода.

В машине грузин сказал русскому:

— Снайперы стреляли.

— Я понял, — отозвался Любомир.

— Что, большую сумму они взяли?

Любомир промолчал. Странный молодой человек. Или стишком молод, чтобы чувствовать себя свободно при исполнении. Весь чрезмерно сжат и собран, лишнего слова не вытянешь. Ему бы, в таких очках и штанах, за компьютером сидеть в офисе, а не по пыльным горным дорогам трястись.

Новое поколение...

Любомир отвернулся в окошко, чтобы не разговаривать. Грузин тоже молчал. Он старше по званию, не след ему развлекать беседой надменного мальчишку.

Очередной гордиев узел начал завязываться в замечательном, веселом городе Лермонтове, а Паша, слепой и нечувствительный к тонкостям хитросплетений человеческих судеб, взял и разрубил этот узел.

Так еще две души сгинули бесследно. Могилы и то под чужими именами. А тот, кто знал тайну, ушел. Куда, зачем?

Вечером в среду Сеницын позвонил на спецквартиру.

— Не они, — сказал оператор. — Любомир будет в Минводах сегодня вечером, в одиннадцать. Сказал, чтобы вы пока собирали информацию о взятии кассы в Пятигорске в воскресенье.

— Фотографии «тех»?

— Есть.

— Пусть сегодня же, как приедет, фотографии передаст по факсу. Завтра утром к нему направится Степанов, а сам пусть утром же едет в Пятигорск и собирает информацию. Я позвоню в местное отделение уже из Москвы в Сочи. Его примут.

— Хорошо.

— Пока.

Сеницын повесил трубку. Задумался. Нина Семеновна стучала по клавишам компьютера. Сеницын, поразмыслив, достал новый атлас, что сегодня купил, и стал по мелованной бумаге ездить кончиком карандаша, подсчитывая километры.

Потом у Нины Семеновны в ящике стола взял книжечку с расписаниями всех электричек и поездов, что курсируют по Северному Кавказу, и расписание местных авиарейсов.

Они сидели в кабинете администратора, и каждый занимался своим делом. Полдвенадцатого. Вдруг проснулся и застучал факс. Нина Семеновна головы от экрана компьютера не отвела, только ушки насторожила. Сеницын подскочил к факсу. Голову склонил, рассматривая изображение на выползающей бумаге.

Когда факс смолк, оторвал кусок. Принялся разглядывать свиток.

— Не они, — заключил с восторгом. — Ну, дает парень! Я еще в нем сомневался! Егорыч недаром его ценит. И

девку гениально подставил. Где он эту пару откопал? Все сходится. Гениально!

Синицын, когда работал, видел схемы и стрелки, а не людей. Его не тронула судьба несчастных девушки и парня, которых подставили, он к ним относился абстрактно, как к предмету, которым гениально распорядился Паша.

Новые, покрашенные ступеньки сохли. Тут же лежали порезанные куски оцинкованного железа, которые завтра утром зять обещался прибить.

Теперь же четверг, день. Зять с дочкой отправились на озеро. Ребенка взяли с собой..

Жена Егорыча ушла на огород, а он сам оставшейся в банке краской мазал сарай.

Скрипнула калитка. Егорыч занятия не бросил.

Вошедший потоптался у калитки, крикнул:

— Эй!

Егорыч не отозвался: ну их. Но вдруг вспомнил про звонок в воскресенье и аж сжался. Осторожно выглянул из-за сарая. Посреди двора стоял мужчина городского типа. И не майкопского. Совсем не местный. Хоть кожа загорела, а виден северянин.

Егорыч весь подобрался. Оглядел одежду гостя. Легкая рубашка и брюки. Сумки тоже нет.

Хозяин осторожно вышел из-за сарая.

— Егор Егорович? — спросил его Стас.

— Да.

— Станислав Николаевич Синицын, — Стас вынул знакомую книжицу, протянул Егорычу, но тот не взял. Стас книжицу сунул обратно в карман рубашки. — Хотелось бы с вами поговорить.

— Говорите, — сказал Егорыч.

Пошел к большому столу, что посреди двора под крышей из виноградных лоз, и сел за него.

Стас быстро оглядел Егорыча. Похож на лесничего, крестьянина, но никак не на офицера секретных служб. Тем лучше. Меньше помпы, больше крестьянского рационализма. Такие люди нравились Стасу. В Управлении часто встречались работники, у которых мозги, по мнению Стаса,

разжижены кабинетным маразмом. Ни логикой, ни фактами, никакими выкладками на эти мозги воздействовать невозможно.

Стас сел на скамейку по другую сторону от стола. Сказал:

— Я начальник двести двадцатого подразделения, отдела «В» Управления по борьбе с контрабандой и незаконным оборотом наркотиков. Бывшее подразделение А-20 полковника Беликова. Слышали?

Егорыч наклонил голову, то ли соглашаясь, то ли не понимая, о чем речь.

— Вы как начальник бывшего подразделения А-22 должны были знать его.

— Я знаком был с Леонидом Петровичем.

— Отлично! — сочно сказал Стас. — Надеюсь, и мы сделаемся друзьями и будем сотрудничать.

— Я на пенсии, все дела сдал.

— Да-да, конечно, я знаю. Все понимаю, отдыхайте... Но должен же быть какой-то переход? А? — Стас подмигнул, — тоска не взяла: раз и выпасть из течения жизни?

— Я никуда не выпал. Я тут.

— Ну да, да... Егор Егорыч! Мне нужен Ворон! — фальцетом, по-мальчишески сказал Стас.

Он следил за Егорычем. Егорыч не удивился. И не сделал вид, что удивился. Сидит спокойно. Крестьянские ладони сложил на столе.

— Если так долго будете молчать, разговор затянется, — предупредил Стас. — А если сомневаетесь во мне, моей личности, то позвоните в ваш бывший отдел, я только что оттуда.

Зря он так. Егорыч было пошевелился, чтобы уйти. Но остался сидеть. Стас успел испугаться. Это тебе не с администраторшами разговаривать.

— Я на пенсии, — повторил Егорыч, — все, что могу, это только чаю предложить.

— Егор Егорыч! Убиты Беликов и Макс. А мне в руки попала последняя записка Беликова к Максусу. Вот она. Почитайте.

Егорыч взял конверт. В углу напечатано: «П. Ю.». Открыл конверт, вытащил листок. На нем написано от руки: «В случае чего, обращайся только к Ворону».

Тут Егорыча проняло. Зрачок дернулся. Он вернулся к конверту, посмотрел на инициалы. Мысленно ахнул и прикрыл глаза. Стас аж засветился от торжества. Он был сейчас велик в собственных глазах, как пирамида Хеопса в двух шагах от обзора.

Егорыч молчал. Но губы сложил трубочкой, что-то соображая.

— Так-так, — сказал Стас. — И получается, что кто-то все никак не может уняться и заказывает Пузанову Юлию. Но ведь каков сюжет! А? Этот некто никак не предполагал, что полтора года назад девку угораздило закрутить роман с вашим агентом! Этот некто, вероятно, вылупился и вырос, как специалист, я имею в виду, в кабинете под искусственным освещением. Не знал он, что уголовные элементы частенько страдают слезливым романтизмом и следуют кодексам своей уголовной романтики. Скорее же всего, про Ворона он совсем не знал, этот ваш тайный агент. Он просит вас убрать вредную девку, и вот вы вызвали Воронова из тубдиспансера. Кстати, как он? Говорят, курс лечения пройти не успел. Как его здоровье?

Егорыч мобилизовался. Губы сжаты.

— Как вам рекомендовали бедную Пузанову? Супербарыгой? Убийцей Беликова? Но что-то сказали такое, что вы внезапно забыли, что пенсионер, и включились в дело. Никак Беликова ей припаяли? Не меньше.

Вышла жена Егорыча из огорода. Постояла у забора, посмотрела на городского в белой рубашке и хотела уйти. Стас заметил это и попросил:

— Воды нельзя принести, хозяйка?

Женщина скрылась. Через минуту пришла с графином и стаканами. Стас поблагодарил. Взглянув на лицо мужа, женщина встревожилась и быстро ушла в дом, оглядываясь на Стаса.

Стас попил воды.

— С утра по электричкам, — пояснил он.

Егорыч упер взгляд в стол, но чувствовалось, что он заинтересован и ждет продолжения. Поэтому Стас не торопился. Теперь-то его слушают внимательно.

— А дальше все так закрутилось, что дух захватывает. Шекспир! Невероятно, но факт: Ворону, садисту и убийце, заказали его девушку. Кстати, вы знаете, как развивался их роман полтора года назад? Девочке едва девятнадцать исполнилось, как она наскочила на вашего Ворона. Не знаю, чем он ее взял, но началась любовь. Кстати, хорошая девочка, если будут уверять в обратном, не верьте. Хорошая девочка, сиротка, отличная спортсменка, теннисистка, была в Сочи на сборах. В ресторане при гостинице познакомилась с вашим Вороном. Зимой он к ней в гости ездил, вот такая любовь была. Потом, конечно, все свернулось и забылось. И вдруг: хоп! Такая встреча! Трогательно до слез. Похоже, с поезда они прыгали вместе. А что еще за татарин там с ними был?

Глаза Егорыча встрепенулись. Он почти был готов ответить.

Стас опять попил. Он говорил эмоционально, аж задохнулся, как при беге.

— Можете мне не верить, но факты — упрямая вещь, — добавил Стас любимую притказку Ждановича. — Так вот, не зря хотели убить Пузанову. Какие силы задействованы! Риск-то какой! И, главное, Беликов предвидел все это! Как в воду глядел. И выходит такая цепочка — кто убил Беликова, тот заказал и Пузанову. И наоборот. Так что, Егор Егорыч? Кто заказал Пузанову?

Егорыч молчал долго. Ухо почесал. Потом сказал:

— Не знаю, что вы тут говорите.

— Смотрите, Егор Егорыч, вы единственный держатель этой тайны. Рискуете. На вас все сходится. Последнее звено, так сказать.

У Егорыча рот на замке. Хорошо. Идем дальше.

— Вы не бойтесь. Вы верите заказчику. В его благородство. Может, он ошибся, а может, я засланный казачок и фальсифицирую факты. А пока эта крыса, я буду его называть так — конторская крыса, разворачивается дальше. Беликов и Макс, предвидя свою гибель, спасали агенту-

ру. Почти все подчистили. Уходя на пенсию, вы поступали так же. Времена опять меняются, как там будет дальше — неизвестно, а агентов надо спасать. И вы предоставили смертнику Ворону зеленый коридор в одной из погранзастав. Пусть летит журавлик.

Егорыч опять насторожился. Хорошо.

— Пограничники молодцы. Слово сдержали. Даже девушку пропустили, так велик ваш авторитет. Грузины пропустили! А крыса нет. В трех километрах от границы нашли их тела. Стреляли снайперы. Две пули в грудь и голову. В голову стреляли с близкого расстояния.

Егорыч не дрогнул. Только показалось Стасу, что вся его фигура как бы потемнела, словно горестью наливается. Руки как-то тяжело на стол легли, взгляд опустил.

Стас дождался:

— Откуда утечка информации? За вами что, следят? Подслушивают? Вы телефон давно проверяли? Сходим в дом, замерим напряжение на клеммах? Или «закладка» где торчит? Беликов, Макс, Пузанова, Воронов... Следующий, выходит, вы. И вот тогда будет все. Так кто заказывал Пузанову?

Егорыч вдруг отозвался, легко и быстро:

— Кто заказывал Пузанову, тот не убивал Беликова.

— А почему вы знаете?

— Знаю.

— Тогда мне надо разыскать девушку. Она что-то знает, раз за ней пошла охота.

Егорыч насторожился:

— Так ее же убили.

— Ха! Ваш Ворон не такой дурак... извините, как вы. Сам не пошел, других послал. Мой человек ездил в морг смотреть на трупы. У парня нашли паспорт Воронова, девушка без документов. Кто они, пока не выяснили, но это не Воронов с Пузановой. Ну надо же! Паспорт свой всучил! Те снайперы подошли, в документы посмотрели, все сходится. Успокоились и ушли. Задание выполнили. Кстати, у меня есть фото трупов, сегодня вечером буду знать имена. Вот, пожалуйста.

Стас протянул фото.

Егорыч цепко посмотрел. Глаза повеселели.

— Меня Воронов всегда удивлял своей везучестью, — сказал.

— Это не везучесть, — ответил Стас, — профессионализм. И девку прикрыл. Можете позвонить в погранзаставу, если мне не верите, вам подтвердят: ухлопали Ворона. Все.

Помолчали.

— Мало времени, мало, — сказал вдруг Стас. — И вы, Егор Егорыч, не ходите теперь по темным улицам. Дома пока посидите. Так куда они могли рвануть? Вы уж, наверное, знаете привычки своего любимого агента?

Егорыч подумал и решил кое-что открыть:

— Паша всегда тяготел к Средней Азии. Все его друзья там. Остатки подразделений «А». Они всегда старались держаться вместе. Многие из них так и остались в подвешенном состоянии. Некоторые устроились в органы и помогают своим. Другие по привычке отслеживают наркобарыг и получают за это вознаграждение. Кроме того, до сих пор Паша считается общаковым. Кстати, не называйте его Вороном, он этого очень не любит.

— А как же?

— Павлуша, это его общаковая кличка.

— Павлуша! Надо же! Ласково как!

— Да, по контрасту с нравом. Юмористы.

— Значит, бывшие республики Средней Азии?

— Да. Особенно Киргизия. Там у Паши был свой дом, общак подарил на свадьбу. Паша считает климат Киргизии очень полезным для своего здоровья. И всегда тяготел к тем краям. Обычно, если Паша был нужен, его искали там.

— Киргизия?

— Да.

— А фамилию заказчика назовете?

— Нет.

— Тогда не будем терять время?

— Желаю удачи.

— А вам доброго здоровья, Егор Егорыч. Что-то мне подсказывает, что мы еще будем дружить!

Глава 5. «Сопий Иссык-Куль»

В небе на высокой ноте закричала птица. Голова уже не так сильно болит, как утром, и я рискнула посмотреть в небо. Оно наливалось жаром и светило всей поверхностью, слепило глаза, так что солнца не видеть. В пылающей золотом синеве, черными штришками кружат две птицы.

Девушка, что стоит рядом, на минуту отвлеклась на кричащих птиц и вновь воззрилась на меня. Я еле удержалась, чтобы ей язык не показать. Паша говорит, что они с мужем наркобарыги. У парня рубаха вылезла, висит до колен, как у Льва Толстого. Длинная челка упала на лоб. Девушка, вроде как, не в себе. Пылающие рыжие волосы сбиты химией в мочалку. Лицо круглое, не толстое, но какое-то чересчур большое. И черты лица, соответственно, тяжеловаты, довольно правильны, но не очень приятны. Въедливая девка. Глаза, правда, красивые, большие, светло-карие. Ими-то она и воззрилась на меня. А поскольку я лежу на земле, а она стоит надо мной, то у меня такое чувство, что сейчас мне наступят на живот.

Как полуденное небо наливается солнцем, так она наливалась ненавистью.

Паша тоже почувствовал настроение девушки. Окликнул ее. Та ничего не видит и не слышит, кроме меня. Глаз не открывает.

Паша взял ее за руку и отвел подальше. К мужчинам, что ведут переговоры.

Мужчины за нас решают все. Ведут переговоры, за руку отводят и ставят на место, место это определяют тоже сами.

Последствия всех этих действий несут на себе женщины. Паша вот, например, слегка ошибся, неправильно мне место определил, промахнулся, и я лежу с разбитой башкой, в дикой местности, положение мое неопределенно... Где я... Что я... Ау!

В одну сторону посмотришь: бескрайние, сухие, как пустыня, ногайские степи. В другую — горы, Кавказ, причем та его часть, что ближе к Каспию и, следовательно, для русского заказана.

Зато затылок показывает на дом. Но, как я поняла, мы поедем в ту сторону, куда смотрят мои грязные пятки. То есть въезжать в новый мир я буду вперед ногами.

Глаза слепит через прозрачные веки. Я отвернулась в траву. Длиннолистная трава высохла, пахнет сеном, острыми краями тонко, пронзительно режет кожу...

Подошел Яша. Положил свою руку на мою. Как раз на большой сустав. От смуглой, твердой, как панцирь черепахи, ладони пошли иррадирующие волны тепла.

— Юля, уезжаю. До свидания.

— Куда? С барыгами?

— Надо отвезти их к границе. Паша проявил необыкновенное великодушие, отправляет сладкую парочку в Грузию. Это ведь муж с женой. Тут им оставаться нельзя, до утра не доживут. Паспорт свой дарит, деньги.

Я посмотрела на супругов. Расхристанный парень и озирающаяся, ищущая кого-то девица.

— Тоже люди, — сказала я, — жалко. На наркоманов очень похожи. Своя жизнь была у них, а мы взяли и вторглись. Хотя, будет им урок на всю жизнь. Поживут в Грузии, придут в себя. Что-то в этой девице не так. Ты не заметил?

— Тут, пожалуй, с непривычки рехнешься, — ответил Яша.

— Вот-вот. И с моей головой не то. Тенденция, однако. У всех ваших историй одинаковый конец.

— Наоборот, у двух последних историй конец очень необычен. Старее, что ли, наш Павлуша? Мелодрама какая-то. Меня и то проняло, — сказал Яша и посмотрел на свою ладонь, что грела мою.

Тут Паша крикнул:

— Эй! Давай, быстрее!

Яша поднялся.

— Почему бы Идрису их не проводить? — спросила я.

— Ему нельзя особо светиться. Он здешний. Узнают. Ну, пока. Свидимся. Я найду вас.

— Счастливо, Яша!

Я легла неудачно. Из-за длинной травы обзор минимален. Слышно, как завелся мотор, захлопали дверцы маши-

ны и удаляющееся шуршание колес по мелким камням дороги.

Солнце давит на голову сверху, жесткая, как жезл земля снизу. Пора вставать.

Я села. Тут и Паша подошел. Опустился рядом на шуршащую под ветром траву. Устал. Я его не видела полтора дня, и за это время он похудел еще больше, лицо лоснится от грязи и пота.

Чтобы привлечь его внимание, надо сказатья слабой и больной. Тогда в Паше проснется фельдшер и совесть. Они начнут ухаживать за мной.

Я со стоном откинулась на землю.

Паша очнулся.

— Как ты, — спросил он, — не лучше?

Я не подала ему надежду. Глаза прикрыты, юная мордочка заострилась. На щеке красные полосы от травы. Они-то и вызвали какие-то медицинские подозрения в Паше.

— Сейчас сделаем укольчик, и будет лучше.

Не нравятся мне эти укольчики. От них и правда лучше, но меня настораживает слишком легкое Пашино отношение ко всяким психотропным средствам. Как бы он и меня по доброте душевной к ним не приучил.

— А таблеток нет никаких? — спросила.

— Колеса предпочитаешь стекляшкам? А зря.

— Колеса! Стекляшки! Ты же знаешь, я слышать это не могу. Уж лучше так подохну или вон мяты пожую.

Я забылась и села. Удивительно, но дело и, правда, на поправку пошло. Земля и небо незыблемо остались на своих местах.

— Зря боишься, — ответил Паша, — там только витамины да димедрол. Пришла бы в себя. Поела и подремала бы до Минвод.

— Как! Почему до Минвод? Мы же хотели махнуть через ногайские степи, еще чего-то там, через Каспий на пароходе...

Паша вытер рот ладонью, обтер пробивающиеся усы. Колются, наверное. Сказал:

— Все изменилось, киса. Нет надобности проделывать такой путь, тем более всей толпой. Вернетесь с Идрисом в

Минводы, и самолетом — в Бишкек. А я двину туда своим ходом. Разделимся. Так будет надежнее.

— Пустыни, верблюды, жаренная в песке каспийская селедка...

— Пустыни и верблюды начнутся быстрее, если лететь самолетом. Идрис...

— Я его первый раз в жизни увидела только вчера. Что за человек? Лучше бы уж я с Яшей поехала!

— Да езжай, кто же держит. Как раз тебя там ждут.

Подтянулся Идрис. Имя свое услышал, вот и подошел. Я постоянно путаюсь и называю его Ирбисом. Одинаково откликается на то и на другое. Идрис, как и Яша, мужчина восточного вида. Только другого типа. Я из деликатности не спросила про его национальность. Можно это как-то обойти и спросить, например, о происхождении необычного имени.

Телосложением похож на Пашу: худ, невысок, гибок. Лицо узкое, черты лица почти правильные, очень обаятельные, нос тонкий, удлинённый, а вот глаза совершенно узкие, прикрыты припухшими веками, сверкают меж ними, как лезвие ножа. Стрижен коротко, с утра был тщательно выбрит. Но солнце проняло и его. Гладкая, как шелк, смуглая кожа на щеках лоснится и чуть потемнела из-за пробивающейся щетины. Хотя, может, это и грязь. Говорят, у мужчин монголоидной расы растительность на лице и теле слабая.

— Паспорт для нее достанешь? — спросил Паша.

— Все готово. Может, парик купить?

Паша поморщился:

— Не надо. Лишнее. Постарайтесь сегодня быть в Минводах и достать билет в Бишкек.

Идрису не нравились наставления. Вроде бы, он внимательно слушал, чуть склонив голову, но в черных узких глазах отсвет мыслей, которыми он делиться не намерен.

Идриса я побаивалась.

Он спросил:

— А сам?

— Через Каспий на пароходе. Через ногайские степи, — ответил Паша моим тоном.

Мужчины демонстрировали друг другу зрелость своих забот и мои наивные хлопоты, которые их чуть трогают и занимают, но только на короткое время. Как игрушка.

Но меня беспокоила Пашина осторожность. Он как-то уходил от всех расспросов Идриса. Меня это настораживало, я боялась остаться с Идрисом и чутко ловила флюиды, летающие вокруг разговаривающих мужчин. Сидела на корточках, как сурок, и внимательно следила за разговором.

Идрис уточнил (чего, правда, привязался?):

— Через Лагань?

Я настороженно повернулась к Паше, ловя интонации голоса и изменения в лице. Паша на нас не смотрел, глаза прищурил на солнце.

— Да... — ответил, как мне показалось, уклончиво.

Тут я трусливо и беспокойно спросила:

— Паша, можно мне с тобой?

— Вот как раз со мной тебе и нельзя.

Мои глаза тревожно заблестели слезами. Паша в них не смотрел, но руку положил мне на плечо:

— Время быстро пролетит, незаметно. Дня через три встретимся. Твой паспорт у меня.

— Меня укачает в самолете. — уговаривала я, жалуясь, — голова болит и до сих пор тошнит...

— Все пройдет, все будет хорошо, киса. — И поцеловал меня в лоб, холодно, как пластмассовую куклу.

Назвал еще раз «кисой», что мне не нравится, особенно при Идрисе, поднялся и пошел к машине.

Я думала, что мы с Идрисом на машине поедem, но ошиблась. Паша осмотрел машину, побил колеса ногой, заглянул в мотор.

— Хорошая машинешка, — сказал он Идрису, — может, продам в Лагани, а нет, придется так оставить.

Вынул из багажника свой красный рюкзак, положил туда пакет с моими вещами, бросил его на траву рядом со мной. Вынул пачку денег. Отщипнул часть от нее и подал мне. Давая, улыбался, в глаза мои, полные обиженных слез, глядел. Оставшуюся часть подал Идрису.

— За машину, — сказал, — хватит?

Идрис взглянул быстро на достоинство купюр и кивнул.

Потом вдвоем они сняли заднее кресло и там пристроили два мешочка денег, что отобрали у барыг. Странно, что Паша все забрал себе. Может, товарищи договорились меж собой? Не знаю. Но и Идрис и Яша не возражали. Значит, вопрос решен.

— Ну, что, — спросил напоследок Паша, — укол будем делать?

Я кивнула. Только для того, чтобы Паша хоть немного со мной повозился.

Мы отошли за машину, я обнажила, как положено, ягодицу, руками в капот уперлась, и Паша, с легким шлепком и поглаживанием, всадил в мои крепкие мускулы иглу.

— Ничего? — спросил. — Болеть будет. Иглы только толстые остались.

— Что ж ты молчал?.. — забеспокоилась я. Хотя укол даже не почувствовала.

— Для того и молчал... Ну ладно. Надевай штаны, мне все равно некогда любоваться. — Меня вновь обдало горячей волной.

— Паша! — я схватила друга за грудки и притянула к себе. — Возьми меня с собой! Так хочется с тобой, на пароходе... Ночью на костре будем жарить селедку. Пить воду из чайника!

— Чего?! — со смехом спросил Паша. — Ты каких-то фильмов обсмотрелась и все неправильно себе представляешь...

А грудь мою все жгло и жгло нестерпимо.

— Возьми! — Выла я. И зарыдала.

Это ускорило Пашино отбытие.

Вернее, он подбросил нас с Идрисом до шоссе, метров пятьсот, а сам попылил к Каспию, зрять без меня селедку.

Киргизия!

Паша бы добавил: любовь моя!

Край исполинских гор и озер. Безоблачного неба и желтых степей.

В межгорных котловинах и орошаемых долинах белые пятна хлопка и зеленые — табака. Там, где есть прохлада и вода, зреют сады и бахчи.

Самое большое богатство страны, как я прочитала в буклете на русском языке, конечно, народ, и Тянь-Шанские горные пастбища. Они кормят миллионы голов овец.

А есть еще одно богатство. И я открыла его для себя.

Иссык-Куль. Удивительное, лечебное озеро. Лучшая рыбалка в мире. Лечебные грязи, минеральные воды, климат, лечащий многие болезни.

Озеро горное и прохладное. Глубина до 700 метров, и вода не успевает прогреваться. Волна темно-синяя, соленая. Жестокие штормы не уступают морским. Озеро лежит, как в чаше, окружено высокими горами. В долину озера можно въехать только через город Рыбачий. Добраться можно и через перевалы. Перевалы через горные хребты лежат на высоте трех, четырех километров, многие из них и летом покрыты снегом и труднодоступны. Почти все перевалы закрываются уже в октябре. Через южные хребты, окаймляющие озеро, можно пройти в Китай.

Климат в Иссык-Кульской долине формируется прохладным озером и жарким южным солнцем. Такое сочетание делает день ярким и длинным, солнечным, но для этих широт — прохладным.

И есть одно растение, произрастающее только в таких редких климатических условиях. У него высокий, сочный стебель, покрытый острыми волосками, и нежный красивый, огромный цветок. Шелковые лепестки красные или оранжевые, большие и уязвимые.

Нежное растение называется опиумный мак. А Иссык-Куль входит в «великий среднеазиатский опиумный пояс».

Тут мак растет повсюду. Это у нас охают при слове «опиум». Не дай бог зацветет одно растение вблизи садового домика. Изведут враз.

А здесь каждый клочок земли, пригодный для этого дела разработан и засеян.

Мы с Идрисом приехали в поселок Тюк, что находится в восточном углу Иссык-Кульской долины. Тут все поселки в той или иной степени курортные, как на Черноморском побережье Кавказа. Но курорты опустели, ветшают и разворовываются. В поселке Тюк остался работать только

туберкулезный диспансер и санаторий. Нас с Идрисом поселили в самом отдаленном домике, подальше от диспансера, поближе к огромным разлапистым елям. Я даже не представляла, что могут существовать подобные ели. Только в новогодних снах.

С тех еще времен у обслуживающего персонала остались хорошие познания на русском языке, и одна медсестра, рассказывала, как здорово здесь зимой. И как раньше приезжали сюда со всей России покататься среди этих еловых сказочных лесов. Снег белый, спуск пологий... А тишина! А воздух!

Я смотрела на снежные вершины Терской-Алатау и охотно ей верила. Вечером, когда ветер с гор, здесь пахнет снегом. Это такой яркий запах! Мы зимой к нему привыкаем и не замечаем. А летом, искупавшись в теплой соленой воде, провалявшись на солнечном пляже до ожогов, так необычно, сидя на скамеечке на возвышенном берегу, вдруг почувствовать запах снега. Такое чудо!

А вокруг озера, как женщины подводят глаза черным карандашом, проходит парная нить железной и шоссейной дороги.

Четыре дня прошло, как расстались с Пашей. Вчера, в среду, ездили в Рыбачий встречать его. Правда, это была такая абстрактная поездка. Когда приедет Паша и на чем, известно не было.

На поездку потратили весь день. Было солнечно. Вообще, здесь яркость и контраст красок необыкновенные, до рези в глазах.

Побродили по Рыбачьему. Небольшой городок, совершенно не курортный, весь подход к воде забран причалами, дощатыми тротуарами, какими-то элеваторами, загроможден лесом, сложенным в штабеля. Пахнет солью, деревом, рыбой. Вся прибрежная поверхность воды усеяна покачивающимися на волне рыболовецкими баркасами и лодками.

Над всем этим шевелящимся смятением красок, контрастов, запахов, звуков, ныряют, как челноки, белые чайки.

Пошатавшись по городу, закупив продуктов, главным образом рыбы и хлеба, двинули назад. Идрис у кого-то из санатория арендовал для поездки старую, проржавленную

машинешку. Хоть и иномарка, но очень жалкая на вид машина. Казалось, что она от руки закрашена тусклой бежевой краской. Одна дверца у нее не захлопывалась, и Идрис ее привязывал за резинку к креслу.

К вечеру приехали в «Синий Иссык-Куль». Я надеялась, что, может, мы Пашу прохлопали по дороге, и он нас ждет в санатории. Но нет. Сестра, хорошая его знакомая, что лечила его не далее как несколько месяцев назад, сказала:

— Нет, Паша не приезжал.

— Не случилось ли что? — встревожился Идрис.

У меня тоже зашевелилась нехорошая мысль, что Паша пропал с деньгами. Когда мы прощались в воскресенье у Прохладного, друг мой не мог скрыть великой радости и облегчения, что спихивает меня.

Вечером погода изменилась. Вдруг появились кучевые облака, за которыми потянулась темно-фиолетовая туча. Сестра вышла посидеть со мной на скамейке, сказала, посмотрев на посиневшее небо, что в горах идет снег, а в предгорьях — дождь.

С заходом солнца резко похолодало. Опять запахло снегом. Я нюхала жадно, как собака, вытянув шею. Домом пахнет. Шепот пронесся по верхушкам елей. Сестра убежала к себе в домик. Я осталась, мне хотелось посмотреть, как начинается буря.

Посыпал дождь. Ель за скамейкой ограждала меня от ливня, только нечаянные брызги доставали сбоку. Но тут ливень разошелся, кураж пропал, и я, трусливо натянув куртку на голову, побежала в уютно горящий желтым окном дом.

Забегала к Идрису. Не могла я в такой вечер одна в сырой комнате сидеть.

Идрис интеллигентно лежал поверх аккуратно расстеленного одеяла и просматривал газеты, что купили в городе. Заострил внимание на своей промокшей куртке, что накинута на мои на плечи. Я осторожно вернула ее на спинку стула. Разговаривать Идрис был не расположен. Я посидела с молчаливым Идрисом, как в изголовье у покойника. Обиженная молчаливым отторжением, сказала «Спокойной ночи» и отправилась спать.

Теплых вещей у меня не было. Носков и вовсе. А то бы я их надела. Долго не могла заснуть из-за холода, да и погода будоражила душу. Природа и душа моя стонали и ломались из своих естественных границ. Ледяные ноги не давали заснуть. Я додумалась до того, что положила на них подушку.

Я стыла от грустных, холодных мыслей, но вдруг в наш домик постучались. Я лежала, не шевелясь, только ухо, как собака, насторожила. Человеку дверь открыл Идрис.

Шаги в его комнатке, голоса. Пашин голос.

Я так и лежала, замерев. Простынь ледяная, не хотелось шевелиться и с нагретого места слезать. Только один мой глаз и ухо сторожили неподвижную дверь.

Она открылась через минуту, и Паша вошел в комнату. Я будто бы сплю, в темноте он не видел мой открытый блестящий глаз.

Не спеша разделся, аккуратный, черт. Мылом от него пахнет. Не иначе та радетьельная медсестра ему душ, запираемый на ночь, отомкнула. То-то она любой разговор неумелыми маневрами пыталась свести к Паше. Я это сразу засекала. Только сделала вид, что, по своему простодушию, не понимала, куда она клонит, и про Пашу и наши с ним непонятные для сестры отношения не распространялась.

В окошечко заглянул, куцую занавесочку аккуратно задернул. В комнате стало совсем темно.

Я все боялась пошевелиться и сойти с нагретого места. Но Пашины руки меня успокоили на этот счет: они были горячими. Сколько в нем все-таки энергии! Поэтому он и худой. Привалился ко мне раскаленным боком, и в одно мгновение стало жарко. Сразу расхотелось играть спектакль, как я замерзла и обижена. Развернулась к нему и за шею обняла. И первые мои чувства: страх и удивление. Как я могла прожить без него полтора года! И страх: как я смогу жить дальше, если все кончится?

— Убить мало! Придушила бы! — сказала я, все крепче стискивая нежную юношескую Пашину шею.

Паша молчит, прижимается все сильнее. От него пахнет дождем и долгой дорогой. Горячие руки мнут мою холодную попу. Жарко! Я высунула голову из-под одеяла, хотела

освободиться от Паши, уж больно он меня сильно сдавливал. Но... поздно. Паша напирал, теснил, от него никуда не деться. Я хотела задержать немного первые чудесные мгновения, но не смогла противостоять себе. Так и получилось: руки мои уперлись в него и отталкивали, а тело льнуло. Паша опытен, ловок и хитер; пользовался всеми возможностями, что урывал, и катастрофически быстро подводил меня к финалу.

Утро. Яркое солнце на неправдоподобно синем небе. Над санаторской пристанью полощутся на веревке разноцветные флажки. Чайки кричат и пикируют на отдыхающих, выходящих из столовой после завтрака. Выпрашивают куски. Я кинула, с вращением, печенье. Очень ловкая чайка, подстроила свою скорость под летящую подачку и подвела клюв с боку его траектории так, что печенье само влетело ей в клюв. Опытная птица не сжала его, а только осторожно попрिдержала клювом, полетела плавно, но быстро: с боков поджимали подруги.

Я расстреляла всю пачку, что выдали на нас с Вороном в столовой. Паша с удовольствием, золотистым отрешенным взглядом отдыхающего после передряг человека, наблюдал за птицами.

Солнце вставало и катилось по небу, собираясь как следует поработать сегодня. И лишь побелевшие от выпавшего снега далекие вершины гор напоминают про ночную бурю.

Мы были единственной любовной парой в смену. Отдыхающие в столовой с любопытством смотрели на Пашу и гадали, куда же я подевала первого своего приятеля.

Идрис, получив деньги, повеселел и, не дождавись завтрака, укатил на утренней электричке. С Идрисом мы не успели подружиться, и я не горевала о его скором отъезде.

Мы с Пашей сидели на скамейке на берегу, напротив нашего домика. Вокруг нас кружили чайки и та медсестра, Пашина знакомая — тучная киргизка с лоснящимся смуглым лицом. Глаза без белков, как две черные рыбки, сужены припухшими веками, губы сложены бутончиком. Тетке лет под пятьдесят, даже для Ворона старовата, но она

охотится за ним, как индеец за оленем, по всем правилам: с засадой и тактическими маневрами. Паша не мог этого не заметить, но даже бровью не вел на беспокойное движение в еловых зарослях.

Я же светила глазами на Пашу, а боковым зрением следила за маневрами сестры.

Она мелькала меж черных стволов елей нестерпимо белым халатом. Ни одна ель своим стволом ее прикрыть не могла, высывалась то белая грудь, то задница, такая же по форме и объемам, только чуть ниже и с противоположной стороны. Медсестра льстила себе, думая, что если она, как страус, голову в ветках спрятала, то ее не видно.

Ее, как и других, сбита с толку моя первоначальная дружба с Идрисом. Как же, на машине катались, ели из одной миски, спали вместе (в одном домике, но в разных комнатах, но не будешь же это разъяснять). Здесь Восток. Новые понятия, конечно, и сюда проникли, но их хватило только на Идриса. Пашино появление вызвало удивление, пересуды и догадки.

Вот и бедная медсестра, сбита с толку, залегла в кустах, пыталась определить нашу с Пашей степень близости.

— Я все продумал, — сказал Паша, — пока по Каспию плыл.

— Кстати, как Каспий? — спросила я. Мне не давал покоя каждый день, что Паша провел без меня. Пять дней!

Но Паша не отвлекся, не запнулся, тем же тоном продолжал:

— Нужны деньги.

— Как? Опять? Сколько же их надо!

— Много. Я, правда, скопил кое-что. Но эти деньги — в Грузии, а я туда пока не сунусь. Наши органы сотрудничают с грузинскими, особенно ладно у них получается, когда надо у кого-то отобрать деньги.

— И что? Опять: грабь награбленное, разделяй и властвуй?

У меня испортилось настроение. Голова заболела. На благословенном Иссык-Куле она пока не давала знать о себе. И вдруг опять: тупая, ноющая боль. Я продолжала, вторя ей:

— Разорьй, убивай, грабь... Без родины и флага... Без родных и близких... Без чести и совести. А что, иначе никак нельзя существовать?

Паша обиделся. Замолчал. У него был какой-то план, он все обдумал в баркасе, а тут я встряла. У прячущейся сестры показались одновременно и передняя, и задняя части. Надо как-то убедить ее в ее смутных подозрениях.

Я обвила Пашину руку и положила голову ему на плечо. Паша не стал играть в отстраненность перед бывшей подругой, мелькающей на заднем плане. Погладил меня по спине, помассировал седьмой шейный позвонок. Я замерла. И то сказать: фельдшер! Так сладко!

Полтора года назад Паша совсем другим мне представлялся. Может, потому он передо мной не раскрылся, что я не видела его в самом выгодном для него свете: в действии. Как водит машину, как поворачивается, как говорит. Как устал, как думает, как ест.

Теперь я сдалась. Моя критичность и осторожность не проявили себя.

И могу громко объявить: великолепен, сексуален, умен и обаятелен. Само совершенство.

Я вижу Пашу внутренним взором. Штрих-код у него совпал с моим. В нем есть какая-то скрытая нежность, ум, мелодия сладкая-пресладкая и такая похожая на мою. Наши души без нас перекликаются и поют. Странная похожесть, постоянно кого-то напоминает, кого, не могу вспомнить. Замру и слежу: вот он повернулся, и где-то я это видела. Что-то сказал. Так кто-то говорил, но очень давно. Постоянный шок узнавания. Я хожу за ним по пятам и ловлю каждое движение и слово, и все никак не могу вспомнить: все это уже лежит во мне, я это все видела, но что это, откуда? Мы, наверное, в прошлой жизни, были очень-очень близки.

Каждый жест, взгляд, затрагивает струны души моей. Которые почему-то все время молчали, а Паша пощипывает так сладко, и душа стонет, поет и трепещет от неудовлетворения этим наслаждением.

Одурманена, отуманена, положила я голову на плечо другу и, чтобы не раздражать его и иметь возможность в

перспективе двух ближайших минут затащить в домик, сказала в тяжелой, сладкой дреме:

— Делай, как знаешь.

— Ты готова откликнуться? — оживился Паша. — Пойдешь за мной?

Я уже готовила почву:

— В домик? — спросила и так лукаво глазки скосила, чтобы Паша и намек уловил, и мое принципиальное согласие.

Продолговатые глаза с прищуром сначала были вдумчивыми и настороженными, потом, поглядев в себя и еще раз серьезным взглядом окинув перспективу, сфокусировались на мне, повеселели и заискрились юмором.

Я чуть не мурлыкала и все терлась о Пашино плечо, его наконец проняло, и мы зашагали в дом.

Перед обедом, когда мы опять высадились на скамейку, все-таки подошла сестра. Она сказала Паше, что ему звонили по телефону.

— Кто?! — крикнул Паша.

— Яков Михайлович.

Паша рванул было к административному домику, но сестра, не поспевая, крикнула вдогонку:

— Я трубку положила. Он позвонит через десять минут.

Тут до меня дошло, кто звонил, я ринулась было вслед, но тут же остановилась. Подумала, что, может, Паше с медсестрой объясниться надо. Нельзя собой забивать весь эфир.

Пересела ближе к административному домику. Паши не было долго. Наконец вышел. Один. Я представила, как медсестра сидит в одиночестве у телефона, после объяснений с Пашей, и вытирает уголком халата глаза.

— Ну что? — спросила я. — Как он там?

— Кто? Яша? Ничего. Отошел. Тебе привет передает.

— А от чего отошел? И где он?

— Как где? В Бишкеке. Мы с ним почти вместе приехали. Вчера в кафе встречу отметили. Яша перебрал. Разошелся. На нас два качка буром поперли. Яша руками машет, а без толку. Его срезали. Подошли ко мне, а ко мне подходить нельзя. Я только-только себя от этой привычки отучил.

— От какой? — вникала в разговор я.

— А... Ты же не знаешь. Если на меня руки направлены, движение какое-нибудь быстрое рядом, то у меня рефлекс срабатывает, я сразу бью или удар отражаю. Например, кассирша метнет сдачу на блюдечко перед моим носом, а у меня руки складываются для удара. Я сам себя бояться стал. Своей реакции и привычек. И вот, парень этот, вчера в кафе, сказал что-то и рукой взмахнул, и я, не помня себя, ногой ему в живот дал.

Молчание.

— И что? — спросила я. — Парень-то жив?

— Жив.

— Так вы что же, вчера в кафе праздновали? — напирала я по-хозяйски, как жена.

Мне стало обидно. Я вспомнила, как ждала его вчера, как кричала от тоски, как мы с Идрисом за двести километров на гнилой развалюхе ездили его встречать, как я трепетно с причала всматривалась в синюю даль, не покажутся ли алые паруса.

А Паша катался по Каспию. В кафе с друзьями сидел, там сказались его старые привычки, о которых я знать не знала и ведать не ведала.

— И как же ты успел доехать!

— Так всего пять часов от Бишкека.

У Паши была своя жизнь, о которой я ничего не знаю, в которой не участвую. Меня задвинули на Иссык-Куль, как в дальний ящик, чтобы я не мешала свободе Пашиного передвижения.

Я вскочила и взмахнула рукой перед Пашей. Он вздрогнул, но рефлекс не сработал. Тогда я стала его бить по груди, махать руками перед лицом, грозя вот-вот вцепиться. При этом, задыхаясь, обзывала гадом и сволочью.

Паша выставил руки, но я сильная и ловкая. Удары профессиональные, слева и справа, а тактика во всех спортивных играх, в том числе и драках, одинаковая. Паша вскочил и отступил к домику. Его лица я не видела, только мелькающие свои и его руки.

Но тут, наконец, сработал рефлекс, и я получила долгожданный удар в живот.

Паша не бил, просто развернулся боком, накренил туловище в обратную сторону, согнул ногу и разогнул ее мне поддых, оттолкнул. Дыхание мое прервалось, будто в глотку пробку сунули, и я с изумленными глазами пролетела метра два спиной вперед и рухнула обратно на скамью. Села очень удачно. Могла бы перелететь через нее и расшибиться.

Паша испугался, застыл и смотрел: цела ли я?

Паша не бил, но я сразу представила перспективу силы его удара.

Я задрала свою футболку, прижала ладонями ее к лицу и разрыдалась.

Меня душила зависть. Я не могла этого вытерпеть, мне казалось, что весь Паша — это тот, что со мной, и с ним происходит только то, что происходит, когда я рядом. Никак не могла согласиться на то, что Паша существует и без меня, дышит, любит, страдает, когда я этого не могу видеть.

Он существует независимо от меня. И существует неплохо. Яша был свидетелем той драки, а я — нет. Я плакала от зависти к Яше.

Паша подошел и стал гладить меня по голове и шее сзади, приговаривая:

— Бедненькая, маленькая...

Вышла медсестра.

— Что это с ней? — спросила тихо.

— Истерика, — так же тихо ответил Паша, — соскучилась по дому.

Я свезла с глаз футболку и посмотрела на медсестру. Она тоже только что плакала.

Тут заиграла музыка по санаторному радио, призывая легкой киргизской мелодией к обеду. Я вытерла краем футболки лицо и зашагала к столовой. Паша и две собаки плелись в хвосте.

За обедом мы продолжили разговор.

Поедая густой суп, предчувствуя плохие новости, спросила:

— Чего звонил Яша?

Паша был осторожен. Но он не знал, в чем виноват, и поэтому сразу же наступил мне на больную мозоль.

— Я приехал только на день, — успокаивал он меня, — надо опять в Бишкек съездить.

Я трагически глотала горячий, жирный бульон. Киргизский народ голодал столетиями, поэтому в большом почете у него жирная, мясная пища. Туберкулезников здесь откармливали сметаной и мясом. Овощи надо было покупать самим, у бабок в поселках. Поскольку мне было не до того, то на завтрак, обед и ужин я ела жирную баранину со специями.

Паша чувствовал напряжение и с опаской ждал моей реакции.

Я наелась супа, а плов с печенкой отодвинула. Взямась за компот с абрикосами. Выпила компот, червячка откинула в сторону вилкой и доела ягоды.

— А я? — спросила.

Паша скрипнул стулом.

— Я должна быть с тобой все время, раз мы решили быть вместе. Я должна о тебе знать все. И я хочу о тебе все знать.

— Нас не должны видеть вместе, — поправил мои доводы Ворон.

— Почему? Я недостаточно хороша? Или наоборот?

Ворон заулыбался притворно.

— Ты хороша в самый раз, — говорит он, — но дело не в этом. А в том...

Ворон подумал, чтобы сформулировать свою мысль:

— Не хочу тебя подставлять.

Я не поняла.

— Как это?

Ворон помялся, ему надоел разговор. Но урок не прошел даром. Он терпеливо пояснил:

— Теперь каждый, кто захочет найти меня, а таких очень много, будет разыскивать тебя, что гораздо проще. И воздействовать на меня будут через тебя. Моя жена погибла из-за этого.

Я ахнула. Про жену я знала, а что она погибла — нет. Все хотела спросить, что с ней и где она. Да не выбрала момент. Мы тряслись по дорогам, меня тошнило, было не до разговоров.

— Давно?

Паша подумал.

— В ту же зиму, что я к тебе приезжал.

Значит, полтора года назад. Так вот почему Паша пропал. А я думала, из-за того, что я с Максом начала сотрудничать.

Помолчали траурную минуту. Паша ничего не ел. Он очень мало ест, раза в два меньше меня. Я все думала: дорога, заботы, тревоги. Но вот мы в любимом его санатории. Почему же он не ест?

— Где это случилось? — спросила сдавленным голосом.

— Не очень далеко отсюда. В Оше. У нас там был свой дом. Киргизы, одурев от анаши и водки, устроили в городе погром, меня тогда не было в Киргизии. Яша защищал мою жену. Он до сих пор считает себя виноватым, что не смог эвакуировать ее из взбаламученного погромами Оша. На три дня я опоздал. Хотел «выколотить бабки» и увезти жену в спокойный город, к хорошим врачам...

— Она болела?

— Да.

— Я отдал все деньги, но за них получил только остывший труп. Яша помог мне схоронить ее. И не дал сойти с катушек. Так и получилось: он и я. Ни семьи, ни родных. Ни родины, ни флага. Ни стыда, ни совести.

Столовая опустела. Две киргизки с тряпками принялись мыть столы с того конца зала. Обычно они начинают с нашей стороны. Но к «урусам» здесь особое отношение, вне зависимости любят их или нет. Как бы ни ругали, а все равно: высшая каста. Тем более что русские здесь редки, а те, кто попадают сюда, — люди совсем не простые.

— Паша, покушай, — сказала я жалобно.

Паша опрокинул стакан компота в рот, взял кусок хлеба, макнул его в соль, откусил и пошел к выходу. Я засемила за ним.

Тихий час у нас был до обеда, поэтому решили идти на пляж. Загорать на солнце в горах в полдень рискованно, мы залегли на полотенцах в полутени облепихового куста.

Мне надо было дожать Пашу до конца и самой себе четко представить картину нашего совместного или раздельного существования. Вопрос серьезный — судьба ре-

шается. Паша, кажется, это понимает, и хотя я чувствовала спешку и напряжение в нем, он выделил для меня время и место, пошел на берег, в кусты, загорать.

Тело белое, аж синюшное. Надо, надо ему полежать на солнце. Я было потянулась, но отпрянула. Пока Паша готов к выяснению отношений, надо этим воспользоваться. Такой чудесной минуты может больше не повториться.

Подумала, прокашлялась и начала. Паша внимательно слушал. Хотя ему было не очень интересно. Какие-то другие, беспокойные, мысли кипели в нем. Губы сжаты, глаза темны. Кстати, я наконец определила их цвет: темно-серо-зеленые. Бурые, как старая зелень. Но глаза глубоко посажены, а ресницы — темные, длинные.

Я сказала:

— Для меня самое большое несчастье — неподвижность. Я ни разу в жизни не спала и не лежала днем. Даже когда болела. Впрочем, я никогда и не болела. Таких случаев, как сейчас, чтобы позагорать, у меня было несколько в жизни. —

Тут я не выдержала и села. Сразу почувствовала себя легче. Паша взглянул на меня насмешливо. Я знаю, что своей активностью извожу людей, но на это мне давно наплевать. Неподвижность для меня — стресс, и я больше не скрываю это в угоду чьей-то симпатии.

— Я с пяти лет скакала и билась. Меня так учили: идти вперед и впереди всех. Когда прыгаю, бегаю, голодаю, страдаю, боюсь, преодолеваю себя в который раз, — я счастлива, я живу. Я не могу быть пассивной. Долго с собой боролась, чтобы быть мягкой, нерешительной, отсвечивать, а не светить самой. Я могу быть такой, но недолго. Ты хочешь, чтобы я пережила здесь трудное время, пока ты денег надыбаешь, все сделаешь, как надо, и меня на готовенькое посадишь, как на диванную подушку. Но если ты уедешь без меня сейчас, я сбегу домой. Не буду, как Ярославна, ждать. Ты парень легкокрылый, подвижный, не привык себя обременять обязанностями, ответственностью, бытом. Рюкзачок за спину, и вперед. А где-то там, на заднем плане, как фон для портрета, женщины в позах ожидания застыли, дым отечества. А я «есм»!

Тут я кулак распрямила к небу.

— Может, разойдемся миром? Двум соловьям на одной ветке не петь. Огромное спасибо, что спас, неясно, правда, до сих пор, от чего. Но я тебе верю. Спасибо. Дай мне денег на билет. Я знаю, у тебя деньги есть. И все. И то сказать: загулялись.

Паша не ожидал такого напора. Взгляд заострил, прищурился. Я с него постоянно сбиваю притворную смиренность. Только он настроится ко мне, как к растению относиться, а тут — бах!

— Ты рассуждаешь, как мужик, а не как баба, — услышала я.

Молчу. Жду.

— Хочешь познакомиться с Павлушей Вороновым поближе? А может, это не то, что ты себе напридумывала?

— Тем быстрее я должна об этом узнать.

— Хорошо. У меня желудок больной, часто плохое настроение, я быстро раздражаюсь и устаю от всяких сюсюканий и разговоров. Не терплю долго около себя одних и тех же лиц, не люблю женщин и их общества. Ненавижу вечерами сидеть дома. И вообще, не хочу иметь дома и привязанностей. У меня все есть, и мне хорошо так. Ничего не надо добавлять и устраивать. Стар я меняться.

Тут я вспомнила, что в столовой хотела заставить Павлушу есть.

— Ты сегодня ничего не ел за обедом, — засюсюкала я заботливо, — а говоришь, что желудок больной. Кстати, я это заметила. Пойдем к твоей медсестре. У нее явно что-нибудь припрятано от обеда. На завтрак сметану давали. Знаю я этих медработников. Заодно подскажет, что тебе надо есть.

Паша приподнялся и внимательно посмотрел в мои глаза. Искра не пробежала, но что-то такое было.

Он взял меня за плечи и попытался положить на землю. Мускулишки мои напряглись, не поддавались. Я хотела Паше продемонстрировать свою физическую подготовку.

Но Паша уже терял свой недолгий ко мне интерес. Огонек в глазах потух.

— Тебя обухом не перешибешь, — сказал, завершая сцену.

Хорошо это или плохо, выяснить уже было нельзя. Паша переключился, на часы посмотрел.

— Тогда купаемся и едем, — скомандовал.

Это была победа!

Вечером мы были в Бишкеке. Правда, в центр города не заезжали. Остановились в самом обычном сером блочном микрорайоне, где трех-четырёхэтажные дома похожи на казармы. Только в наших микрорайонах торчат жухлые березки, а тут их нет. И вообще ничего нет. Будто карточные дома построены на письменном столе, с которого постоянно сдувают пыль. На краю микрорайона материальный мир, загроможденный предметами, кончается, и горизонт выравнивается в линию между двумя плоскостями: пустыни и неба.

Вековую пыль пустыни с города сдувал ветер, сухой и жесткий, с хрустом песка на зубах.

Но такова Киргизия, я сама хотела с ней познакомиться, как она есть, без прикрас.

Берез нет, травы нет. Не скрепленная корнями почва гуляет и стелется, куда подует ветер.

В однокомнатной квартире нас ждал Яша. На мое появление он округлил узкие глаза. Мы обнялись. Друзья снова вместе.

Ужин у нас был скудный. Я теперь внимательно следила, как Паша ест, и с удовольствием отметила, что он бойко съел тарелку макарон с сыром. Успокоившись, я тоже плотно поела.

Горячей воды нет. Вместо холодной течет теплая, бурая, соленая.

Мне этого было достаточно, а Паше нет. Они с Яковом ухитрились все-таки сбежать от меня в сауну, пользуясь тем, что уж в мужское отделение мыться даже я не сунусь.

Но бог с ними, вздохнув устало, я махнула рукой в форточку с первого этажа и прекрасно помылась дома.

Телевизор на ножках не работал. Хотелось спать, да и время позднее. Я пошарила в шкафу. Постели не нашла. Лежало чье-то барахлишко аккуратной стопочкой.

В единственной комнате стояли диван и кровать. Кровать явно занял Яша. Его рюкзачок я узнала, он валялся на полу в изголовье.

Тогда я разложила диван. Вещи мои остались в домике «Синего Иссык-Куля», Паша сказал, что дня через два мы туда вернемся. Постелить было нечего. Я покрутилась по комнате и все-таки стянула простыню с Яшиной постели, постелив изнанкой вверх. И подушку взяла.

Легла в шортах и футболке. Но сон не шел.

Зазвонил телефон. Сначала не хотела брать трубку, потом испугалась, что грабители или еще кто влезут. По звонку я нашла телефон на подоконнике за занавесками.

Подняла трубку и сказала: «Да».

Измученное молчание с шорохами и потрескиванием. Потом гудки. Невежливо, телефонное хамство, хоть бы по-киргизски, что-нибудь сказали. Я ведь с постели встала.

Постояла еще немного. Нет, молчок. С разбега прыгнула на диван, так что он охнул, и опять свернулась на простыне. Тревожно одной в чужой квартире, городе, стране.

Только стала забываться, и темный потолок с бликами принялся разжижаться в синюю воду благословенного Иссык-Куля, как звонок в дверь.

Сердце стукнуло и забилося.

Я вскочила и подбежала к двери.

— Кто? — сказала тонко.

Молчание. Глазка в двери нет. Я нагнулась и посмотрела в замочную скважину. Ничего не видать, даже просвета. Тогда ухо к двери приложила. Чье-то присутствие чувствовалось явственно. Там тоже притаились и прислушивались.

Я тогда взялась за ручку замка и защелкнула его еще на один оборот.

Ничего. Тишина. Посмотрела на часы на руке. Почти двенадцать. Я еще послушала, посидела на корточках под дверью и пошла спать.

На Иссык-Куле, конечно, лучше, чего говорить. Разве я спорю? Но Паша собрался уехать, а что мне там делать одной?

Запахло снегом, вздохнула и наклонилась роскошная ель...

Вдруг послышался скрежет, будто крыса что-то грызет. Паша прибыл, ключ в замок ставит и не открывает никак, ведь я изнутри заперла на два оборота.

Я вскочила и тут же села.

В комнате стояли двое. Они никак не походили темными силуэтами на Пашу с Яшей. Эти были круглые и объемные.

Они смотрели на меня. Один отделился и пошел на кухню. Вернулся. Вторым махнул рукой и что-то сказал, просто промывчал по-киргизски. И первый ушел. Я слышала, как хлопнула входная дверь. Вот так, никакие замки не помогают. Как проходной двор. Хотя, если это Пашины друзья, или еще хлеще, враги, то удивляться нечему.

Я сидела испуганная, маленькая и совершенно безоружная. Хотя киргизы, по моему мнению, должны быть малорослы, этот был очень крупный, тут мне не повезло. Но он отослал товарища, и то хорошо. Да плюс Паша должен вот-вот появиться.

— Я включу свет? — спросил мужчина. Говорит хорошо, но акцент слышится явственно.

— Да, — согласилась я.

Свет зажегся, и я зажмурилась. Слишком таращилась в темноте. А тут люстра вполне приличная, на пять лампочек. Три из них врубилась. Помещение небольшое, и меня ослепило.

— Здравствуйте, — тщательно, по буквам выговаривая трудное слово мужчина, — а где Яков?

— Не знаю, — поспешила ответить я, и тут же поправились: — Он сейчас придет. Они с Павлом Андреевичем вышли ненадолго.

— Кого? — спросил мужчина.

Я уже могла его рассмотреть. Одно лицо с нашей медсестрой. Переносицы нет, глаза навывкате, но стиснуты веками. Щеки надуты, сочные, масляные губы сложены бутончиком, будто он приготовился подуть на горячее. Кожа очень смуглая и лоснится.

— Павлуша здесь?! — изумился киргиз.

Мне понравилось его удивление. И то, что он Пашу назвал Павлушей. Да еще и разволновался. Насиловать и убивать вряд ли настроен.

Мужик разглядывал меня в новом свете. Я потупилась, позируя.

Вернулся второй. Киргиз принялся ему быстро по-киргизски прояснять ситуацию, и я уловила «Павлушу» несколько раз.

Вспомните, как в «Семейке Адамсов» объявляют танец: «Мамушка!».

Так и здесь: «Павлюшша!». И это было произнесено с большим пафосом, как объявление на танец. Я порадовалась, что нахожусь под эгидой такого уважаемого человека.

Я сидела, благо была одетая. Мужчины вроде бы растерялись, ситуация изменилась, и они не знали, что делать.

— Скажи, девушкэ, Павлюшшэ, — сказал главный киргиз, — что приходил Кадыр и хочет поговорить с ним.

— Ладно, — пообещала я.

Чего-то еще надо сказать, просто так уходить неловко.

— И дверь можешь не запирать, — добавил Кадыр.

— Я уже поняла, — ответила.

Кадыру, с его гипертрофированным «я» восточного человека и неполными знаниями тонкостей русского языка, очень понравился мой ответ. Он взглянул на меня с большой симпатией. Я еще больше склонила голову в знак почтения и осознания.

Мужчины постояли мгновение, посмотрели на мой острый седьмой шейный позвонок, что Павлюша заботливо массирует по какой-то своей оставшейся от прошлого привычке, и подались к выходу. Грации у восточных, даже очень полных людей, куда больше, чем у нас. Они, как тени, вернее, как два объемных воздушных шара, проскользнули к дверям. Дверь захлопнулась.

Я сидела на подоконнике в кухне, откуда хорошо было видно крыльцо подъезда.

Когда ушли Кадыр с приятелем, я дверь все же заперла. Но спать не ложилась, а выключила свет и села на подоконнике на кухне, чтобы хорошо было видно входную дверь в подъезд. Она не была освещена, но кое-где в окнах дома горел свет и немного освещал темный двор.

Я следила за крыльцом и обдумывала свою стратегию в предстоящем разговоре.

В третьем часу ночи к подъезду бесшумно подъехала потрепанная красная «девятка», и из нее вышли Паша с Яшей. Никаких сюрпризов. Мои друзья любят передвигаться быстро, я только успела соскочить с подоконника, а они уже тут. Проскрежетал ключ, придерживаемая заботливыми руками дверь тихо прикрылась, и оба друга, на цыпочках намерились проследовать в комнату. Но я их перехватила у кухни.

— Ты что делала? — удивился Паша.

— Пиво пила, — ответила, как в рекламе.

— Ты что, в магазин ходила? — теперь удивился Яша.

Вот дураки, телевизор, что ли, совсем не смотрят?

Я засмеялась.

— Кадыр принес! — прыснула.

— Что-о-о! — в один голос пропели друзья басом.

Минута удивления.

— Кадыр был здесь? — спросил Паша и глаза сузил.

Я испугалась и подобралась внутренне.

— Да, — ответила.

— Один?

— С другом.

— Каким?

— С таким же, как он сам.

Друзья переглянулись.

— А ты что, плакала? — спросил Паша.

— Нет. — С чего он взял?

— Что сказали?

— Просили привет передать.

Друзья так ничего и не прояснили для себя. Мы постояли молча в темной прихожей.

— Что еще сказал? — спросил Паша.

Я подумала, вспоминая.

— Сказал, что я могу не запирать дверь.

Паша неприязненно посмотрел на меня:

— Ты что, так в одних трусах перед ним и стояла?

Я удивилась. Оглядела себя спереди и сзади. Вполне приличные шорты. Я в них с самого Сочи путешествую, и

ничего, никаких нареканий до сих пор не вызывали. Выцвели немного на заднице, а так — больно еще хороши для их пыльных дорог и машин.

Напряжение немного отпустило. Застывшая группа из трех человек перевела дух, зашевелилась, распалась. Яша прошел на кухню. Включил электрический чайник.

Мы с Пашей прошагали в комнату.

— Хороша ли была сауна? — спросила я, глядя на темное пятно на шее друга, что как было, так и осталось.

Вошел в комнату Яша.

— Что теперь делать? — спросил он Ворона.

Ворон цокнул зубом, как делает человек, когда раздражен и озадачен.

— Возьмем с собой, что же теперь делать. Одну оставлять нельзя. Вдруг Кадыр перехватит до выяснения обстановки. Вот с бабами всегда так! — прикрикнул он на меня.

Добавил тихо и вдумчиво:

— Может, это и к лучшему. В Бишкек не надо будет возвращаться. Сразу рванем в санаторий.

— Кадыр и в санаторий может припереться. У него теперь такая радость: ты вернулся.

— Пусть. Санаторий не его, Энвера. Так что, получится, что он в гостях у Энвера, и будет тих и почтителен.

Яша посмотрел на меня, сидящую на диване и вслушивающуюся в разговор, улыбнулся по-приятельски и спросил:

— Чай пить будешь?

Мы с ним большие чаевники. Но я уловила тень на Пашином лице и сказала, будто недовольно:

— Спать хочу.

Мужчины вышли.

Я улеглась в тех же шортах, которых Паша стыдится.

Паша пришел минут через десять, лег, обнял, прижался сзади, губы в волосы воткнул. Пощупал тугой ремень на моих шортах, расстегнул и его, и пуговицу на ширинке. Чтобы мне свободнее дышать было. Вот какой заботливый.

Я руку закинула и погладила его по голове. Паша расслаблялся и засыпал.

Яша пережидал на кухне. Но все было тихо, и тогда он осторожно вошел в комнату. Мы спим.

В темноте долго шарил на своей кровати. Простыню искал. Так и лег, бедненький, поверх одеяла. Захрапел по-корейски.

Глава 6. Дороги Киргизии

Картинка:

Рыжая лошадь. На ней сидит киргиз, не с круглым лицом, а с продолговатым, есть здесь и такой тип. Продолговатое лицо и вполне нормальный нос, а вот глаза непривычно сужены и раскосы. Зато черны. И смуглому, обветренному, со здешней точки зрения, крестьянскому, а с моей — экзотическому лицу, придают обаяние и живость. Дитя пустыни. Или степи.

На нем серый пиджак в тонкую полоску. Под пиджаком полосатая красно-зеленая тенниска. Под всадником седло или попона, не знаю, как назвать, но сделано это из старого ватного красного одеяла.

В правой руке у киргиза плетка, под мышкой левой — живой беленький ягненок.

На голове киргиза, спортивная вязаная шапочка с помпончиком. Шапка, видимо, надета на голову от перегрева.

За всадником блекло-голубое небо в перистых и просвечивающих золотистый утренний свет облачках. Узкая, далекая полоса голубых гор и ровное, как футбольное, поле зеленой, очень короткой травы.

До гор по этому полю можно проехать, как угодно, по любой траектории.

Но все же ездят по чуть заметной колее. Она обозначена на поле двумя лысыми полосками в обрамлении пожелтевшей травы.

Через пересохшее русло реки, что сзади меня, перекинут мост. Под мост можно съехать на машине. Там, в густых зарослях кустов, стоит Пашина «девятка». Всаднику ее не видать, он видит только меня, вот и остановился. Спросил что-то. Я оглушена солнцем и звенящей кузнечиками травой. Махнула всаднику, чтобы отвязался. Но всадник не понял, затараторил по-своему.

Из кустов вылез Паша, своим молчаливым появлением прояснил обстановку, и всадник с ягненокком потряслись дальше, через мост.

Мы с утра стоим здесь и ждем Урмата.

С нами Яков. У Паши сотовый на руках. Кто-то третий координирует действие из города. Он сообщил, что Урмат, со своими двумя «братишками» выехал из кафе, где хорошо позавтракал (в отличие от нас), и направляется в другой город. Дорога пролегает через то место, где мы засели.

По сценарию, я должна сидеть на мосту и брыкать ножками. Из переговоров выяснилось, что Урмат слаб на русачек. Он остановит машину, Паша с Яшей обезоружат охрану и возьмут в клещи Урмата.

Урмат, за утро я узнала, гад и барыга, он отвечает за канал транспортировки наркотиков по трассе: Афган — Хорог — Ош — Бишкек. Женат на таджичке. Родственники в Хороге. Сам в «общаке» восемь лет. Ездит он на белой «тойоте».

— Ты хочешь добыть у него денег? — спросила я Пашу.

— Нет, — сказал Паша, — так денег мы не добудем, он с собой их не возит.

— А тогда что?

— Мне нужна вся раскладка по трассе. Фамилии, адреса, купленные менты.

— Зачем?

— Я это отвезу в Мургабский погранотряд.

— Зачем? — терпеливо повторяю я. Время было. Паша сказал, что Урмат появится не раньше чем через час. — Чтобы продать пограничникам?

Вся плоская местность хорошо и далеко видна. Вон удаляется всадник с ягненокком, за ним облачко пыли, вон корона далеких синих гор. Больше никого и ничего.

Вылез из кустов Яша, решив, что объявили «перекур».

Звенят кузнечики.

— Слышь, Яш, Юлька хочет сдать Урмата пограничникам.

— На ... он им нужен.

— Вот и я говорю, даром не нужен.

Я надулась. Могли бы пояснить. Все-таки участвую в опасной операции. Может случиться перестрелка. У Паши

под локтем на земле лежит огнестрельное оружие. АКМ. И у Яши такое есть.

После некоторого молчания, во время которого мы обзревали пустынную местность, Паша все-таки собрался с духом и продолжил разговор. Видимо, у него появилась какая-то новая установка насчет меня, он более откровенен и открыт. Готовится (и меня готовит) к общему сосуществованию.

— Я работаю против барыг не за деньги, а за совесть, — сказал Паша и стрельнул в меня глазом. В нем была какая-то детская гордость. — А во-вторых, без взаимодействия с пограничниками нам не обойтись. Бывшие сотрудники Таджикского КГБ, наши «коллеги» по Управлению «А» перешли в погранвойска, в частности в Мургабский погранотряд. Их прикрытие нам один раз уже пригодилось, когда мы с Яшей зимовали в горах. К нам они даже на вертолете прилетали, продукты сбрасывали. Теперь опять пришло время напомнить о себе. Обновить связи. Вдруг срочно понадобится границу переходить? Или в горах скрываться. Хоть начальник у них прежний, но остальные командиры почти все сменились. Надо заслужить их симпатию. В горах пограничники — цари. Объявят врагом — в горах жизни не будет. Подружишься — от отца родного спрячут. Сдадим трассу и продажных ментов. Начальник благодарность, а может, и звездочки получит. И нам должен будет. Есть понятия, что дороже денег. Вот так.

Паша живописно полулежал, облокотясь на новое оружие. Где только берет? У него этих «стволов» целый арсенал. И чувствовалось, что Паше очень комфортно облокачиваться на свое оружие, как на диванную подушку. Он в своей среде, стихии. Он занимается своим делом, играет в партизанскую войну.

— Мне кажется, — сказала я, — что «во-вторых» ни при чем, только «во-первых». Тебе просто нравится гоняться за барыгами, и ты сам выдумываешь предлог для этого.

Паша дернулся. Потом лицо его сделалось скучным. Я вспомнила, что разговоры с женщинами не приносят ему удовольствия.

Тут у синей кромки гор показалось пыльное облачко величиной с гречишное зернышко. Паша прищурил глаза и спокойно, не меняя позы, следил за ним. Гречишное зернышко пылило и превращалось в гороховое.

— Когда поведешь их к кустам, — повторил утренний инструктаж Паша, — держись позади Урмата, сразу определишь, кто главный. Если начнется перестрелка, падай в траву.

Вдруг схватил меня за локоть.

— На мост, быстро!

Я бросилась наверх. Забежала на мост и стала ждать приближения машины. Заглянула через перила: ни Паши, ни Яши не видать. Облако пыли приближалось, и на его фоне вдруг проклюнулась белая машина. Она ехала прямо на меня. От растерянности я даже руку не подняла. Стояла, вжавшись спиной в ограждение моста и вцепившись в него руками. Мне стало страшно. Так страшно было только один раз в жизни. Когда незнакомый мужик в темном подъезде вдруг пошел на меня. В руках у него была бутылка водки, он ее хряпнул об стенку и, держа за горлышко оставшийся в руках осколок и тыча им в мое горло, стал теснить меня в угол за мусоропровод.

И сейчас меня прошиб холодный пот, и крупно затряслись руки. Невинный киргизский пейзаж наводил ужас. Машина безмолвно надвигалась, меня трясло, будто через тело пропускают ток. Я не могла пошевелиться, оторваться от перил. По сценарию, должна была сыграть легкомысленную дамочку, искательницу на свою голову приключений, бойко путешествующую по опасной местности.

Меня же колотило, бледное лицо покрылось испариной, челка прилипла ко лбу. Я не могла контролировать свое трусливое тело. И это еще больше испугало меня. Машина, не тормозя, мчалась мимо. Я не могла выполнить Пашино задание. Я не предполагала, что будет так страшно. Шутки и игры кончились.

Хорошие тормоза «тойоты» позволили ей остановиться около меня без долгого тормозного пути. Машина застыла в ожидании. Я должна была к ней подойти и объясниться. Но вместо этого пятилась и вжималась в перила моста.

В машине сидели трое. Стекла слегка затемнены, и просматривались только силуэты пассажиров.

Тут передняя дверца машины распахнулась, из нее вылез молодой улыбающийся киргиз. На нем был хороший, с отливом, темный костюм, а на голове шляпа из белого войлока, точно такая у меня осталась в «Синем Иссык-Куле». Киргиз приветствовал меня на своем языке. Я безмолвствовала.

Тут вылезли остальные. Всего их было трое. Они кричали, махали руками, как перед кинокамерой, и один даже показал язык.

Потом им это надоело, двое подошли сбоку, дружно взялись за мои локотки и потащили к машинё.

Я выворачивалась, выкручивалась и пыталась поглядеть назад и позвать Пашу. Наконец голос прорезался, и я крикнула:

— Там!

Урмат, тот, что в шляпе, и меня не волок, а стоял в стороне, спросил:

— Что?

Я выдернула свои локти из крепких рук. Меня все еще трясло, но говорить я уже могла.

— У меня там машина.

— Ну и что, — ответил Урмат, — плюнь на нее.

Он говорил, не разжимая рта. Губы под тонкими усиками не шевелились. А голос сочный и низкий, тембр дикторский. Будто в пиджаке Урмата радио спрятано.

Говорит без малейшего акцента. Что так же соответствовало его физиономии, как киргизская шапка европейскому пиджаку.

Смотрит спокойно и нагло, уже точно зная, что мне никуда не деться. Со мной вопрос решен, а управятся ли они здесь или отвезут меня в другое место, это уже мелочь. Такая же, как и моя машина.

Видя, что меня никто выслушивать не намерен, я заторопилась:

— Это хорошая машина. Красная «девятка». Недавно ее купила. Но она заглохла. Я не могу оставить машину. Только посмотрите, что с ней.

Я потеряла больной локоть.

Урмат скучно посмотрел в сторону кустов.

Одна ветка колыхнулась. Я вспомнила, что там сидит Паша. Я должна отвести в кусты Урмата, да еще так, чтобы он шел впереди меня. А те двое стояли отдельно или шли чуть в стороне.

Никто из мужчин не собирался смотреть на мою машину.

Но тут Урмат что-то сказал невнятно и не по-нашему, и один парень полез с моста.

— Пошли тоже, — сказала я и потянула Урмата за руку.

— Так бы и сказала, что мужика хочешь, — спокойно, по-дикторски произнес Урмат, — а то машина...

Я тянула его за рукав, как упрямую козу за веревку, Урмату осталось только перебирать ногами. Парень опередил нас и пропал в кустах.

Урмат о чем-то спросил его.

— Жок*, — ответили кусты Пашиным голосом. Урмат не успел насторожиться. Из кустов вылетели двое, короткая автоматная очередь, и парень, стоящий на мосту, повалился. Урмата выдернули из моих рук и прижали к земле.

Я отпрянула от него. Меня опять затрясло. Урмат лежал на животе, верхом на нем сидел Паша и, вывернув руки бедного киргиза назад, защелкивал на запястьях наручники. Меня колотила какая-то незнакомая истеричная радость, и унять ее я никак не могла.

Паша встал на ноги и потянул за шкуру киргиза. Тот тоже поднялся. Я думала, он испугался. Ничуть. Все то же спокойное, бесстрастное лицо.

Урмат повернул голову к Паше и начал дикторским голосом ему что-то выговаривать.

— Заткнись, — сказал Паша.

У Урмата дрогнули презрительно уголки губ, но его радио не смолкло, все продолжало вещать по-киргизски.

— Хватит лаяться, — сказал Паша и дернул его за наручники. Они перезащелкнулись на зажим.

Урмат смолк.

На мосту стоял Яша. Он склонился над парнем, распрямился и ногой столкнул его под мост. Я успела закрыть

*Жок - на многих тюрских языках - нет.

глаза, но видала начало падения тела, что в воздухе было, как мешок с картошкой. Сердце, замерев, ухнулось вниз, вместе с телом несчастного парня.

Я зажмурилась до звона в ушах и слышала только гулкий, редкий стук собственного сердца.

Постепенно звуки, один за другим, стали возвращаться. Звон в ушах перешел в звон кузнечиков, Яша что-то кричит с моста, заскрипела щебенка под ногами.

То Паша тащил наверх улыбающегося Урмата. Затащил на мост, дал пинка и привалил к перилам.

Затем с Яшей они уперлись в зад «тойоты» и принялись ее раскачивать. Машина тяжелая и скользить не желала. Тогда Яша забрался в нее, завел мотор, и машина тронулась с места. Яша выскочил и, держась за руль, повернул ее к перилам моста. Машина покатила по наклонной, Яша бросил руль, и она уже по инерции вышибла перила и вылетела с моста.

Глухой стук, треск...

Я прижала руки к груди. Ждала взрыва, но его не было.

Паша крикнул мне с моста и рукой махнул.

Я постояла, и тут неожиданно мои ноги сделали шаг назад, и я начала пятиться.

— Быстрее, — крикнул Паша.

Я развернулась и побежала от него. На земле, среди кустов, разбросаны ветвистые мертвые сучья, что трещали и ломались под ногами. Они давно лежали на земле, не один год. Кора истлела и слезла с них. А сама древесина высохла, побелела и напоминала человеческие кости. Одна ветка лежала суком кверху, я споткнулась и полетела через нее. И треснулась об землю своею бедной головой.

Паша спустился ко мне, поднял с земли и, стойчески неся свое терпение, потащил меня к своей машине. Ее мотор уже урчал, а на заднем кресле сидел Урмат в наручниках и без шляпы. Паша толкнул меня, может, без злого умысла, но я пролетела на свое место и плюхнулась рядом с Урматом. Почти прижалась к нему и страшными глазами смотрела на своего друга. Но он этого не замечал. Сел за руль, и «девятка», натужно ревя мотором, выползла из кустов и полезла на пологий берег.

У моста в машину на переднее сиденье вскочил Яша, только мы снова тронулись с места, как раздался долгожданный взрыв.

Паша вопросительно посмотрел на товарища.

— РГД на растяжке, — пояснил Яша весело.

Паша нажал на газ, и с ветерком мы покатали к горам.

Действие продолжало неудержимо развиваться и набирать скорость.

Немного очухавшись, повертевшись и обретя удобную позу, Урмат возобновил ругань.

Тут он заметил меня. Речь его споткнулась, и Урмат переключился на чистейший русский язык. Из него бы вышел неплохой филолог. Одаренный человек. Это я говорю без тени юмора. Жить в другой стране, в диких степях, в горах, где радио не работает, и так прекрасно освоить чужой язык, со всеми положенными оттенками и интонациями...

Урмат привалился спиной к дверце и, глядя мне в глаза, на чистейшем великом русском языке, стал дикторским голосом мне объяснять, что бы он со мной сделал на могиле Пашиной мамы.

Паша на это не обращал ни малейшего внимания, гнал «девятку» к горам. Яша улыбнулся, с юмором посмотрел на меня, как замороженно слушаю речь Урмата. Успокоился и отвернулся.

Так что мы беседовали вдвоем. Я отпрянула к своей дверце, уставившись на Урмата, как кролик на удава.

У гор ровное поле испортилось и пошло камнями, оврагами, ямами. Трава стала выше, появились кусты.

Мы свернули с дороги к бугру, поросшему кустами. Проехали к расщелине между горами. Поле пропало за возрастающей стеной горы. Паша, не доверяя зеркалу, обернулся посмотреть, видно ли нас с дороги.

Остановились, мотор и Урмат смолкли одновременно. Тишина. Все устали, пару минут посидели в тишине и неподвижности.

— Сейчас будем делать «таян бар», — сказал Паша Урмату.

— Жок, — ответил Урмат быстро.

— Ага, — согласился Паша и полез вон.

Яша из бардачка достал аптечку и пару целлофановых пакетов.

Паша открыл дверцу машины и вытащил за воротник пиджака Урмата, а мне сказал:

— Посиди пока в машине.

Меня снова затрясло в неудержимом ознобе. Будто внутри язычок звонка будильника затрепетал, во мне все звенело и тряслось. Сидеть было невмочь, и я вышла.

Сухой горячий воздух дул в расщелину в горах сильно, как в аэродинамической трубе, но меня не согревал. Клацая зубами от озноба, я подошла к мужчинам.

Паша говорил Урмату:

— ...и только тогда в Хорог пошли машины с продовольствием. А оттуда они повезли опиум. Мы получили информацию, что готовится перевозка 300 килограммов опиума. Машину будут сопровождать от перевала Кызыл-Арт киргизские менты. В Оше уже ждут покупатели. А ты должен обеспечить «зеленый свет» до Бишкека. Первая машина уже готова. С нею два «камазиста» и четыре мента.

— Ты кто? — спросил Урмат, — мент или сука?

— Тут я прокурор, — ответил Паша, — и только я задаю вопросы. — Он наматывал машинально на костяшки левой кисти обрывок какой-то толстой веревки или троса.

Яша сел в траву и вытащил из дорожной аптечки нашатырный спирт.

Я подумала, что нашатырь достают, чтобы укрепить мое сознание, и мне сразу сделалось дурно. Но я не могла уйти. Меня, словно магнитом, тянуло к месту разворачивающегося действия. Мужчины так были поглощены разговором, что про меня забыли, я шагнула назад и села в центр пышного пучка травы, похожей на наш люпин.

«Люпин» оказался колючим, но скрыл меня. Я выглядывала из травы и следила за завораживающим действием.

Яша протянул нашатырь Паше.

Паша отрицательно покачал головой.

— Так мы долго провозимся. На Урмата физически воздействовать бесполезно. Он из «бродяг».

Потом кивнул на свою машину, где, по его предположению, сидела я:

— Отойдем подальше.

Они схватились за бедного Урмата и поволокли его за куст.

Я ползком на коленях тоже поменяла место дислокации.

Они усадили Урмата на землю. Сняли с него наручники, пиджак, Паша засучил рукав рубашки на левой руке киргиза.

Урмат непонимающе вертел головой, следя то за Пашей, то за его другом. А Пашин друг снова взялся за аптечку, вынул оттуда и распаковал шприц, вставил иглу.

— Что? — спросил Яша.

— Калипсол, — ответил Паша.

— Сколько?

— Пять кубиков.

Яша набрал, сколько надо, калипсола и протянул заправленный шприц Паше. Наш фельдшер аккуратно мнет венку на сгибе смуглой руки и делает укол. Почти мгновенно Урмат молча откидывается назад.

Паша вскидывает к глазам руку с часами и, пикнув ими, засекает время. Я припала к земле. Какое-то сладостно-омерзительное чувство разлилось внутри, аж конечности онемели. Я вперила взор в Урмата, в его распластанное тело.

В белесом небе звенит жаворонок.

Проходит минут пять.

Паша встрепенулся.

— Хватит, — говорит, — теперь давай «винт».

Яша тем же шприцем опять набрал какой-то жидкости.

Паша взял протягиваемый шприц, спросил:

— Диктофон у тебя? Тащи.

Яша бросился к своему мешку доставать диктофон, а Паша тем временем делает укол.

— «Качели» видел? — спрашивает друга.

— Что это?

— Шоковое выведение из наркоза. Если с первого раза не поможет, сделаем еще раз. Этой «сыворотке правды» противостоять невозможно.

Яша приподнимает плечи Урмата и подпирает его, загроживая от меня.

Паша включает диктофон и задает вопросы.

Урмат пробубнил всю раскладку по трассе.

Потом они бросили Урмата на землю и снова сделали укол калипсола с опиумом. Из мешка достали свой АКМ и прижали пальчики Урмата и к стволу, и к ручке. Бросили рядом флакон из-под калипсола, шприц.

— Мешанина какая-то получается, — сказал Яша. — И ствол, и шприц. Лучше, как в тот раз, бросить одного. Скажут, что на машину напали боевики-таджики. За эту версию говорит применение автоматического оружия и гранаты.

— И так сойдет. Наширлся до остекленения и своих кончил...

— А как здесь очутился?

— А этого он уже никому не скажет.

Паша посмотрел в сторону своей машины.

— Что-то тихо. Спит, что ли?

Я вжалась в землю. Они направились к «девятке».

Я подумала, что у меня есть шанс сбежать. Если они пойдут искать меня в другую сторону, кинусь в расщелину и там в зарослях затаюсь.

Но они вернулись.

Паша ласково похлопал меня по спине.

— Вставайте, граф, — сказал он, — рассвет уже пощется.

Я вскочила слишком резко. Омерзение, до той поры тихо разлитое по всему телу, вдруг поднялось во мне, меня бросило на колени и вывернуло наизнанку.

Паша спокойно подождал окончания и сказал:

— Ей тоже нужен укол.

Но я с таким ужасом шарахнулась в сторону и так на него посмотрела, что он бросил аптечку назад, в мешок, а мне пояснил:

— Урмату крупно повезло. Он «отъехал» во сне.

Мы собрали вещи и вернулись к машине. За руль сел молчаливый и серьезный Яша. Мы с Пашей разместились позади. Он полуобнял меня за плечи и целовал в шею сбоку, около уха.

Спросил Яшу:

— Какое сегодня число?

Яша подумал и ответил:

— Суббота, восьмое июля.

— А с поезда прыгали в среду. Двадцать восьмого. Смотри-ка Юлька, только десять дней прошло, как вместе, а столько дел успели сделать. Сдадим пограничникам трассу. Прикроют они эту дорогу жизни. Хотя...

Паша задумался.

— Ты понял, Яков? Да? Все, конец. И нам, и нашим барыгам. Пора менять профориентацию. Эпоха самостоятельности в наркоторговле закончилась. Схемы и методы транспортировки разработаны высокими профессионалами. И то сказать, — добавил он, льстиво заглядывая мне в глаза, — пора сниматься с места. Пусть пограничники разбираются. А мы перезимуем в горах и с весной, с перелетными птицами тронем в Новосибирск. А? — опять заглянул в мое серое лицо.

Паша явно успокаивал и обрабатывал меня, но мне не льстили его старания. Я думала, что те деньги, что Паша мне дал под Прохладным, целы, я не смотрела, сколько их там, возможно, не хватит на дорогу до дома. Надо те деньжата попридержать и попросить еще. И одеться. Шорты и футболку я уделала сегодня так, что уже не отстираю. Да и нечем, и негде.

— Куда мы едем? — спросила я чуть слышно.

Паша это понял как то, что я отхожу от шока, и оживился.

— Подброшу вас до электрички, и пилите с Яшей до «Синего Иссык-Куля». Отдохнете от жары, покупаетесь, тут и я подъеду. А дальше вместе решим, что делать.

Паша тоже отходил от шока или от «винта», или просто от напряжения, не знаю. Но в нем появилась незнакомая потребность прижиматься и ластиться. Он заглядывал мне в лицо, улыбался и прижимался щека к щеке. При этом у него было такое умильное выражение лица! Как женщина целует свою любимую кошечку или собачку. Аж зажмурился, будто не верит своему счастью. Воздух целовал около моих волос!

Я не верила. Я все еще видела Урмата, распластавшегося в траве, и Пашу, отряхивающего над ним свои коленки. Урмат был мне симпатичен. В нем была спокойная злость и

мужественность. И лаялся он не с испуга и не от агрессии, а спокойно, красиво, художественно, почти как Лимонов. Мы Урмата бросили гнить в кустах, а сами продолжим свой жизненный бег. У Урмата двое детей осталось, а мы бесплодны, потому что не хотим обременять себя...

Тут я вспомнила про Даньку и судорожно вздохнула.

Паша испуганно посмотрел на меня. Я вернулась мыслями к своему плану побега.

— Я привыкла белье менять каждый день, — сказала, — а тут даже постираться нет возможности. И еще: в этих шортах и майке, в которых я упала с паровоза, я больше не могу ходить. Их надо просто выбросить.

— Что же ты новые не купишь? — удивился Паша. — Я же дал тебе денег.

— Они остались в санатории.

— Деньги в санатории? В домике? Ну, можно быть спокойными, их уже там нет.

Конечно, я их не оставила в санатории. Они припрятаны среди моих личных вещей в пакетике, который лежит у Яши в рюкзачке.

Я молчу скорбно.

— Ну дам я тебе денег. Только немного, — добавил поспешно Паша. — Деньги сейчас нам пригодятся. Можно, конечно, еще попробовать... Но рискованно. И так шум подняли. Так что расходууй экономно.

Паша полез в сумку и достал мне тоненькую пачку сомов. Лучше бы дал валюты. Рубль в Киргизии тоже ценится. В сомах я не разбираюсь и сумму не могу определить. Но деньги взяла. Сказала скромно «спасибо».

Часа два мы ехали параллельно гряде синих гор. Переехали настоящую, не высохшую реку с коричневой водой. Дальше грунтовая дорога шла вдоль железнодорожной насыпи. Мы доехали до ближайшей станции. Пыльный, пустынный поселок. Жара в самом разгаре и убила жизнь до вечера. Куры спрятались в тени забора и зарылись в пыль.

Яша доехал до здания станции. Здание маленькое, чистенькое, светится на солнце белизной только что покрашенных колонн и желтыми оштукатуренными стенами.

Все вышли подышать и размяться.

— Ну, — сказал Паша, — длинные проводы, длинные слезы.

У меня, только что строившей хитроумный план побега, от тоски вдруг болезненно сжалось сердце. Даже побег в отсутствие Паши терял смысл.

— Ты куда собрался? — спросила я, будто равнодушно.

— В комендатуру Мургабского погранотряда.

Я сглотнула:

— Далеко?

Терпение Паши кончилось. Он уже маялся при разговоре и тяготился объяснениями.

— День туда, день оттуда. Может быть, день там.

Три дня! Все бесполезно, мне их без Ворона не прожить.

Меня развезло. Сказались бессонные ночи и день, залитый кровью Урмата и его товарищей. Я деградировала на глазах. Гордая осанка опадала, тело осело, черты лица расплывались. Краски мира вдруг заструились потоками вниз. Я подняла голову, чтобы слезы, переполнившие глазницы, не стекли по щекам.

Тут вспомнила, как Паша боится женских разговоров, объяснений и слез. Меня дернуло, как током. Глаза высохли, и я испуганно уставилась на Ворона.

Он терпеливо ждал. Наверное, терпение в нем самое сильное чувство. Он это осознавал и гордился этим. Глаза его были скучны, но в них была установка: терпеть и спокойно дожидаться окончания сцены.

— Поцелуй меня, — сказала я.

Паша чуть дотронулся губами до моей щеки, как до лба покойника.

— Не так, сильнее! — закапризничала я.

Паша нажал сильнее.

— Да не так же! По-настоящему!

Паша вдруг взревел, как раненый бык, больно ткнулся мне в щеку губами, развернулся и зашагал к машине.

— Я с тобой поеду! — закричала ему вслед.

— Ну нет! — ответил мне Паша уже из машины. — Хватит пока приключений. Мне в комендатуру надо, а не путешествовать. Я не Пржевальский.

Я так и знала, что его хватит ненадолго.

Мы с Яшей сходили на станцию и узнали расписание электричек. К русским здесь относились неприязненно, отворачивались и предпочитали не отвечать. Но мы расшифровали надписи на табличке и определили, что наша электричка идет в пять вечера.

У нас было почти три часа времени.

Сходили в вымерший сельмаг и отобрали пару синтетических, ярких турецких маек и взяли с витрины единственные, слегка выгоревшие и пыльные шорты. Я их тут же, в магазине, и напялила. А старыми вытерла ободранные и в зелени коленки. Лицо ими обтереть побрезговала.

Купили большой черный пакет и туда сложили: сланцы, десяток трусов, купальник из какого-то сине-зеленого дерматина, две зубные щетки, пасту, мыло, шампунь самый дешевый и в самой большой бутылке; халат из такого же материала, что и майки, с вытянутыми швами.

Продавщица воодушевилась нашим размахом, порылась палкой в вешалках с одеждой, подвешенных под потолком, и извлекла что-то трикотажное, но летнее, как бы пиджак с короткими рукавами. Я подумала, а вдруг придется лететь в самолете? Эта вещь пригодилась бы. Пиджак висел давно, ждал своего покупателя и вот нашел. Он был фисташкового цвета, сзади вытачки на шнуровке. У нас носили такие давно. Он был очень дорогой, но я взяла.

Паша поскупился, и денег не хватило. Пришлось Яше добавить.

Продавщица, подобрев, пустила меня за прилавок, благо в магазине кроме нас никого не было, я переделалась во все новое, а старое свалила в кучу.

— Давно было пора, — сказала, — а то уже смердит, как от трупа. Еще бы колонку водопроводную, как в рекламе, — голову вымыть.

— Ну, тыхватила! — сказал Яша.

Затем пошли покупать продукты. После сегодняшнего марафона очень хотелось пить и есть. И производить какие-то простые каждодневные действия. Как бы очиститься и

отречься от той фантазмагии, что была сегодня. У Паши напряженный день продолжался, а мы предвкушали отдых. Я вспомнила «Синий Иссык-Куль». Как мы сидели и кидали печенье ослепительно белым на густо-синем чайкам. Хлопанье крыльев, запах снега. Мне хотелось спрятаться скорее туда. Паша был прав, он доказал это. Надо было его послушаться.

Но какая в нем сила разрушения! Какая энергия, собранность, напряжение!

Яша вон уже устал и осел с пакетом помидоров и яблок. А Паша пилит обратно, на другой конец своей благословенной Киргизии, в какую-то комендатуру. Переговоры, дорога назад. Приедет и ведь не успокоится. Теперь-то я вижу: напряжение не отпускает его никогда. Как он это выдерживает? И хватит ли его надолго? Он мало спит, мало ест...

Нет! Так нельзя! Он разрушит себя.

Мне стало страшно остаться без Паши. От такой мысли рука моя застыла с куском помидора у рта.

— Ешь, — говорит Яша. — Хватит убиваться. Нашла о ком жалеть. Это, знаешь, какие живодеры? Они ни свою, ни чужую жизнь ни во что не ставят. Видела? Как они наострились тебя у моста разложить? Если бы мы эту трассу не сдали пограничникам, знаешь, какой бы гадюшник они тут развели? А честные менты ничего сделать не могут. Тут все, вплоть до министерства, куплено. С мигалками опиум сопровождают.

Я очнулась, застывшая рука дрогнула и поднесла надкушенный помидор ко рту.

Сделаем. Я это или не я? Переждать три дня? Всего-то? Махом!

Тут я вспомнила, что всего-то десять дней назад мы с Пашей вновь обрели друг друга. И только начали... А тут... Три дня! Мне не выдержать.

Нижняя челюсть отвисла и мелко затряслась. Я сказала тихо и протяжно:

— А-а-а-а...

И слезы неудержимым ручьем хлынули из глаз. Только только я успела от Яши ладонями со стыда загордиться.

Мы поели, искали место полежать, но не нашли. Тут вам не дома, не Россия. Травы и бревнышек нет, а на сухой пыли в новых шортах сидеть не хочется. Дожидались поезда на скамеечке, от которой осталась только одна свежеекрашенная желтым реечка.

Совсем обычные воробьи собрались на пыльной акации рядом. Они уже осмотрели место, где мы ели, все, что можно, подобрали и чистились на акации.

Ближе к поезду начал собираться народ. Все тут друг друга знали, мы же были чужими. Особенное удивление вызвали мои голые ноги.

Мы с Яшей отошли за акацию, вытащили тот синтетический халат из пакета, и я его надела поверх шорт. Но мнение о себе успела испортить. На меня поглядывали недобро.

Подошел поезд. Некогда было разбираться, народ полез по вагонам, и мы с Яшей тоже.

Народу было много, освободившиеся свободные места сразу же занимали мужчины, женщины жались к своим мешкам и корзинам. Душно и жарко было настолько, что я два раза чуть не теряла сознание, и так позеленела, что даже какой-то надменный, толстый, молодой, лоснящийся киргиз немного подвинулся, и я могла сесть одною своей половиною на кусочек сиденья рядом с ним. Яша подпер меня коленом с другой стороны, чтобы не упала. Часа через три мы прибыли на нужную станцию.

Будто домой приехали. Другой климат. Пахнет снегом, солнечно и тепло, но не жарко. Ели, сосны, лиственницы. В огородах при домиках на станции свешиваются через забор ветки яблони, отягощенные плодами. Дальше, в глубине огорода, сквозь яблони просвечивает обязательное здесь оранжевое поле мака.

— Ну, вот и приехали, — сказал Яша и вздохнул глубоко.

Мои глаза, умытые слезами, улыбнулись. Тяготы мои во время дорожной тряски улеглись и приплюснуты сверху терпением, ровно распределенным на три дня.

Ну что же. Пришлось обратиться к моим старым друзьям: выдержке и спокойствию. Недаром Зудин их во мне воспитывал. Они пригодны даже в жизненных ситуациях.

Раньше у меня был только теннис. Теперь он пропал, и проявилась жизнь. Но те навыки и приемы, что я приобрела в игре, пригодились и в жизни.

Так я себя настраивала во время недолгого пути к санаторию. Пару километров мы прошли, глубоко вдыхая полной грудью чудесный горный воздух, который при приближении к санаторию еще стал отдавать и соленой морской водой.

Жизнь! Я остановилась и воздела руки к небу. Возьми меня!

Побежала догонять шагавшего впереди Яшу. Он немного ревнует. Но я не стала раздавать авансы. Нельзя мутить чистоту дружбы смутными надеждами.

Я погналась за Яшей, толкнула его в спину и побежала дальше.

Он поперхнулся куском огромного зеленого яблока, которое стырил с ветки принадлежащего станции дерева.

Я бежала галопом, Яша припустил за мной. Он мужчина, а я мастер спорта. Профи победили и на этот раз. Дорога шла вниз, и мы влетели в сетчатые ворота ограды нашего родного санатория, которые, к счастью, были заперты.

Ворота мягко спружинили и загрохотали. Из будки вылетела охрана в камуфляжных штанах. Я пнула еще раз ворота, чтобы они погрохотали, ногой в кроссовке, и крикнула:

— Рано-рано два барана застучали в ворота: тра-та-та!

Тут заметила около ворот калитку, что была открыта.

Яша трусливо прятался за моей спиной. Мы последовательно просочились сквозь калитку и хотели тихо пройти мимо, но у нас спросили документы. Яша показал и российские паспорта, и путевку, что выписана на две недели.

Документы отдали, а мы, пихаясь и сдавленно хихикая, покатали дальше.

На ужин опоздали. Публика высыпала на набережную и фланировала вдоль берега. Яхты и лодки, разноцветные с флажками и парусами, покачивались на ярко-синей волне в обрамлении кромки белой пены. Не устаю я поражаться иссык-кульским краскам.

Радио разрывалось от киргизских мелодий.

Я ахнула, оглядываясь.

Мы с Яшей будто вылезли с того света. Внутри меня до сих пор еще могильный холод не растаял. А тут жизнь. Светская жизнь в санатории в наше отсутствие не замерла и продолжалась, понаехало много незнакомого народа, какие-то все нарядные, праздничные.

Мы же с Яшей пыльные, усталые. Как бы мы ни пыжились, а под глазами мерцают голубоватые тени от утренних переживаний.

— Сегодня суббота, — сказал Яша, — на выходные понаехали. Как бы наш домик не заняли. Ну-ка, пошли быстрее.

Но все оказалось в порядке. Наш домик на отшибе тихо стоял под мощной елкой, что мне снилась в Бишкеке. Открыли дверь, чуть пахнуло сыростью, а так ничего.

Я принялась было знакомить Яшу с домиком и рассказывать, что есть в санатории интересного, но Яша сказал, что был в «Синем Иссык-Куле», и не раз.

Я удивилась:

— Да? Тогда, должно быть, ты знаешь про ту медсестру?

— Какую сестру? — хитро переспросил Яша, сузив глаза в щелочки.

Я тут же поняла, что знает. У меня испортилось настроение, и тихо, как больной зуб, заныло сердце.

— Пойду в душ, — сказала тускло и принялась собирать пакет. Яша устыдился того, что не уберег тайну и меня огорчил. Он присмирел, сел на стул и думал, как бы развеять мою тихую грусть и ревность.

— Тебе быстро надоест эта жизнь, — начал он, — ты молодая девушка, тебя, наверное, тянет к сверстникам, на дискотеку, в ресторане погулять, себя показать...

Тут я поняла, что действительно этого хочу. Яша — единственный, кто прислушивался ко мне, и сейчас попал в самую точку.

— Я ни разу в жизни не была на дискотеке, — пожаловалась ему детским тоном, — в рестораны ходила только обедать, и то во время выездов. А танцевала тоже только один раз. И это кончилось плачевно, — я вспомнила, что в

тот вечер убили Козырева. Но и в тот же вечер я познакомилась с Вороном.

Тут меня как прострелило. Я со скрипом села на кровать. Глаза мои расширились.

Я повторила вслух:

— В тот вечер убили Козырева. И в этот же вечер я познакомилась с Вороном.

— С кем? — не понял Яша.

— С Пашей.

— Не зови его так, — посоветовал Яша, — он этого очень не любит.

— Я его так сотню раз уже назвала. И ничего.

— Одно время его звали «Черный Ворон». Знаешь, что это означает? Паше не нравилось. И он быстро отучил друганов от этого прозвища.

— И теперь как зовут?

Яша произнес с заминкой:

— Павел Андреевич.

— Ха! — сказала я. Что-то я себя не узнаю, во мне настроения переливались и сменяли друг друга, как в калейдоскопе. Какая-то психическая неустойчивость появилась. Но и в этом Паша виноват. Я подумала о нем зло: «Знаю, как его зовут: Павлюша!» — передразнила я Кадыра.

Яша посмотрел на меня неприязненно. Но я не давала сбить себя.

Быстро пробормотала, чтобы не забыть:

— Козырева убили. Двумя выстрелами. Его нашли утром в парке при гостинице, где остановилась наша команда. Весь вечер мы прогуляли и протанцевали с Танькой в ресторане. Козырев, это наш тренер, хотел нас увести, но мы его отшили. Я в первый раз в жизни, кстати, и до сего момента — в последний, пила водку. Да мы ее еще усугубили шампанским и красным. Кавалеры разодрали на мне кофту. Мне стало плохо, и я вышла в парк. Было уже очень поздно и темно. Я повалилась в траву и заснула. Конец октября. Трава холодная и сырая. Весь день шел ливень. Бр-р. — Я содрогнулась. — Меня нашел и поднял на ноги Ворон. Мы поехали к нему домой, там все и случилось.

Утром он привез меня в гостиницу, часа в четыре, а в семь меня уже разбудила милиция и сказала, что Юрку убили.

Я подняла палец, заостряя свое внимание.

— Надо узнать, из какого оружия стреляли.

Яша тоже заострил свое внимание на мне.

Я продолжала разговор с собой:

— Потом выяснилось, что Юрка Козырев отказался возить какой-то клей. Который мне вместо него всучить сумели! — каркнула я зло в лицо Яше.

Опять сосредоточилась и продолжила:

— Козырев отказался возить клей! Вот оно! — я застонала и закачалась, прикрыв глаза. — И тем не менее мог сойти за барыгу. Он не мог возить какие-то там наркотики или сильнодействующие вещества. Просто не мог! Это не обсуждается!

— Перестань кричать, — спокойно сказал Яша.

Меня опять всю колотило. Ворон все-таки сделал из меня неврастеника. Опыт удался. Ну, ладно. Я продолжила тише:

— Но ведь вы с Пашей долго разбираться не будете. Нет человека — нет проблемы.

Яша сказал спокойно:

— А ты сама спрашивала у Паши про Козырева?

— Да.

— Ну и...

— Паша поклялся, что это не он. И не знает, кто. Но и выяснять не будет.

— Если Паша сказал, значит, не он, — спокойно убедил меня Яша.

Я тянула за ниточку дальше. Глаза мои расширились и светились в полутьме.

— Меня запутали и завербовали. Сами же у меня украли бутылку с клеем и сами же ее требовали с меня. Весело? Да? Я из-за этого поехала в Роттердам по контракту и присылала оттуда посылочки. Так что вы с Пашей вполне могли завалить и меня. Были на то причины.

— Не могли, — отозвался Яша, — мы же уже объясняли. Простых барыг не валим, только центровых.

В его голосе зазвучал такой пафос, что мне стало смешно.

— Ну как не могли? Яков Михайлович! Не далее как десять дней назад, кстати, юбилей, кто-то пытался мне меж ребер засунуть нож. Каково же было мое удивление... — начала я патетически...

Но Яша прервал:

— Тише!

Мы замерли...

Чу! Или мне послышалось? Гудела ель по своему обыкновению, больше, кажется, ничего. Яша сказал шепотом:

— Повторяю: твое барыжничество ни при чем. Поняла?

Кажется, мы пришли к тому, с чего начали.

Но во мне родилась надежда:

— Значит, это не Паша Козырева тогда в парке...

Яша отрицательно энергично покачал головой и рукой, со свистом, слева направо провел:

— Нет!

— Хорошо, — произнесла я раздумчиво, — а то бы я сама Павлюше нож в спину по самую рукоятку...

Яша сипло захихикал.

Устали. Сидим в темноте, каждый о своем думает. Началась дискотека. Киргизские мелодии сменились Мадонной и еще этим, из Латинской Америки...

Послушали музыку.

— Ну как, в душ идешь? Или строишь планы, как Пашу лучше порезать?

Яша издевательски заулыбался. Мне не понравился такой юмор. Тем более сегодня. Я взяла пакет и направилась к двери.

— Подожди, — сказал Яша, — сейчас уже все душевые заперты. Попробую договориться.

Бьюсь об заклад, пошел к той сестре. Я посидела на лавочке у домика. Целлофановый кулечек, что собрала в душ, держала на коленях.

Яша скоро пришел, сказал, что один душ удалось раздобыть. Еще он сказал, что помоемся после меня и чтобы я оставила ему мыло и шампунь, а сам направился в домик за полотенцем.

Точно, сговорились. Ну что же, неплохая замена. И направляясь к душе, я с горечью отметила, что все они

такие: нет и не надо. Долго ждать не будет, другую найдет. А я все боялась замутить хрустальной чистоты дружбу... Все не так страшно, как казалось...

Нет, ну ты подумай! А медсестра какова!

Глава 7. «Доживем до понедельника»

В субботу мы с Яшей мечтали провести воскресенье в лени и неге. Покачиваясь на волнах и загорая на полотенцах.

Но после завтрака на нас дохнуло таким зноем и солнцем, что мы сбежали в горы.

Мы нашли жимолость, шиповник, смородину и барбарис. У ручья, как олени, пили воду, стоя на коленях. Там я нашла родную рябинку. Обняла ее за тонкий ствол и к гладкой коре щекой прижалась.

Яша не мешал, стоял рядом молча.

На обед опоздали. Еле дожили до ужина, съели по две порции лапши с вареным мясом.

На дискотеку сил не хватило. Устроились под обрывистым берегом напротив своего домика, в стороне от светской жизни санатория. Опять оттуда звучала музыка, напротив пристани сбилось в кучу много лодок.

Мы же читали газеты, что Идрис оставил, и купались.

Первый день прошел быстро и гладко, и я радовалась этому.

На ночь, как я и предполагала, Яша пропал из домика. Стало очень тоскливо и тревожно. Лезли мысли то о Вороне, то о доме, то вспоминала разметавшегося в траве Урмата с обнаженной рукой.

«Но ведь Ворон же не такой!» — успокаивала я себя. — Ведь не пожалел он ни денег, ни паспорта своего той сладкой парочке из Пятигорска. Машину дал, до границы их Яша проводил. Выходит, Урмат заслужил свое, и иначе с ним нельзя».

Нет. Так нельзя. Что-то тут не то. Нельзя убивать людей, ни по каким причинам. Не нами дана эта жизнь, не нам судить.

— Не судите, да не судимы будете, — вспомнила я вслух.

Тяжело, со скрипом кровати, повернулась на другой бок.

И в то же время отвернуться, сохраняя свое чистоплюйство, тоже нельзя. Эти урматы, они, как болезнь, будут множиться и расти. Надо им противостоять.

Нельзя то, нельзя это. Но это не мои проблемы. Мои проблемы: воспитывать детей, расти самой.

Вот я и вернулась к тому, с чего начинала. Значит, Паша прав. Каждому свое. Он сильный духом, и по-своему взялся решать эту проблему. А так оставлять, на самотек, ее нельзя. Нельзя замалчивать, нельзя отворачиваться. Мургабский погранотряд сдаст трассу с продажными ментами. Очистят от скверны участок дороги.

Чу! Что это? Может, душа Урмата нашла нас? Тело-то его в кустах брошено, с исколотой рукой. А душа мается, нашла злодеев, в дверь стучится. А может, Паша?

Я подбежала к двери и распахнула ее.

Там, далеко, музыка звучит. Радио, что на весь санаторий вещает, выключили, а с танцплощадки слышно. Не пойти ли туда? Там свет, жизнь. Там простые, веселые люди.

Что-то меня толкнуло, и я вдруг принялась лихорадочно одеваться. Новую футболку и шорты напялила. Порылась в тумбочке и отыскала свой красивый кожаный ремень, что на вернисаже купила, ручной работы. Застегнула. Ого! Кажется, новую дырочку придется делать.

Десять дней, которые потрясли мир. Если верить людям, мир этот в нас самих, а вокруг пустота, но меня трясли почему-то внешние силы.

Я снова припала к двери. Непосредственно за дверью тишина, а там, далеко, — чарующая и зовущая музыка. Там люди. Мне двадцать лет, и я ни разу не танцевала с мужчиной, если исключить тот пьяный бред, в завершении которого был убит Козырев.

Почему не попробовать? (Я имею в виду танцы.) Я открыла дверь и шагнула в звездную, дышащую черноту.

Танцплощадка была сделана с выдумкой. На воде. Круглым бетонным полуостровом она вдавалась в озеро. Ограждена двойными перилами. Несколько мальчишек удили

рыбу, свесив удочки через перила. Иные, просто облокотясь о перила, смотрели в волну. Озеро нынче спокойное.

Сама танцплощадка под полукруглой крышей. Она наминает выгнутую амебу с растянутыми ножками. Или морскую звезду, делающую мостик. Звезда выгнулась, а ножками опирается о пол. Потолок бежит разноцветными огнями. Модные киргизские девушки немного низковаты и плосковаты, но если привыкнуть, то очень симпатичные, одеты почти во все белое и в темноте очень контрастны. Вспыхивающий свет выхватывает их фигуры в модных изгибах.

В своей цветастой футболке с многочисленными эмблемами, утверждающими, что ее изготавливали все крупнейшие производители спортивной одежды мира, я почувствовала себя не очень уютно и спряталась за пределами света.

Но мой рост и стать выявили меня и в темноте.

Молодой киргиз пылко подбежал ко мне, и мы с ним, чуть не сшибая отдыхающих, понеслись в каком-то галопе. Но я сумела его остановить, и мы примкнули к спокойной группе танцующих, мягко и одинаково переминающихся в круге.

Мы танцевали, молодой киргиз делал мне авансы, хватал за талию, что-то непонятное говорил и, скалясь по сторонам, упреждал на этот счет остальных.

Тут наш круг пополнился еще одной парой. Она — бойкая киргизка, с блестящими глазками, похожа на комсомолку из фильма. Белый воротничок подпирает сковородообразную мордочку с чуть выступающими на плоскости лица формами носа и губ.

А он... Русский или там англичанин, не знаю, короче, европеоидной расы, высок и строен. Девушки нашего круга насторожились.

Но мудрая киргизка усилила свое оживание, парня не отпускала, а потом и вовсе увела со света от греха подальше. Я их потом заметила на обзорной площадке. Девушка увлеченно показывала на озеро и с жаром рассказывала про Иссык-Куль.

Мы все топтались. Мой кавалер меня совсем донял. Он постоянно меня дергал, что-то говорил, я улавливала толь-

ко названия марок машин, которыми он сыпал, как из рога изобилия. Пытался уволочь за собой. Я поняла, что он не отвяжется, и сбежала с площадки. Чтобы он меня не выследил, спряталась за кустом. Парень обеспокоенно обегал несколько раз пространство перед танцплощадкой, все что-то спрашивал у фланирующих пар, но за темный куст заглянуть не догадался.

Я постояла немного и побрела дальше, в домик идти не хотелось.

А дальше светили огни в области спортивных площадок. Я там ни разу не была и направилась на свет, как бабочка.

На спортплощадках обитал свой контингент. У бильярда столпились мальчики и мужчины. Они все курили, и под навесом застряло облако дыма.

Теннисные столы, а их я насчитала пять, стояли на высокой дощатой площадке. Лампочки дохлые, света мало. Все столы покорежились от влаги свежего озерного воздуха, сетки провисли. Но играли увлеченно, на вылет. Только крайний стол никто не занимал, он совсем покосился, и один угол загнулся вниз. Ракетками играли своими, в чужие руки не давали. Один киргизский мальчик ныл и упрашивал, но без толку.

Я подтянулась и села на перила, на которых, как куры на насесте, расселась детвора.

Один парень — местная звезда; лупил всех подряд. Потом к нему подошел его друг, и они обособились, и играли только вдвоем, игнорируя местные правила. Толпа возмущалась, но парни взрослые, против особо не попрешь.

Я качала ногой и наблюдала за игрой. Тут в круге света показалась пара с танцплощадки: русский парень с киргизской девушкой. Девушка вела парня в безопасное место, где только дети и спорт. Меня она не сразу заметила, а когда я обернулась посмотреть, вздрогнула и резко за руку притормозила парня.

Но и он меня заметил. До тех пор шел вяло и безразлично. А тут встрепенулся. Встал было, а потом ускорил шаг, и уже он тащил свою девушку, а не наоборот.

Я предательство не приемлю в любых формах, и поэтому сразу отвернулась, чтобы наблюдать за игрой. Но процесс пошел. На площадку, по двум ступенькам взошел парень с девушкой. Они мешали, место было только у ограждения и перил. Постояли сначала с краю, потом передвигались, по мере освобождения мест все ближе, и минут через десять были рядом.

Нехорошо. Не след мне портить вечер девушке, я соскочила и хотела было идти, но парень успел зацепить меня.

— А вы не играете? — спросил он поспешно.

— Ракеток нет, — сказала я.

— У меня есть. — Он говорил, как дети, когда знакомятся.

— Так у вас есть не только ракетки, — я имела в виду девушку, но парень наивно, или хитро и жестоко, не понимал.

— У меня и шарики есть. Разноцветные.

Во дает! Шарики!

— Мячики! — поправила я и морду ему скорчила, чтобы отстал.

И тут увидела его глаза за очками. Они были умными и чересчур внимательными. Но тут сморгнули и сделались опять глупыми и детскими.

«Паша!» — закричала я мысленно.

Парень намеренно преграждал дорогу. Девушка стояла позади него, сжав кулачки и губы. Ей хотелось убить его, мне тоже. Играющий мальчишка размахнулся и чуть не двинул мне ракеткой по лицу, но я увернулась. Разбираться с красавчиком не хотелось, влезать опять в какие-то неправильные отношения, осложнения. Я повернулась к перилам, оперлась рукой и перескочила через них. Земля была низковато, я чуть не села на задницу, но, боясь испортить новые шорты, удержалась, схватившись за пучок полыни.

А парень тоже соскочил. И даже руку протянул, предлагая помочь подняться с карачек. Такого прыжка от очкарика я не ожидала. Оглянулась: широкая короткая спина девушки мелькнула и пропала в темноте.

— Нехорошо, — сказала я, — по трупам шагаете.

Очкарик так улыбался, что озадачил меня. Я, конечно, девушка молодая и симпатичная, но у парня был вид, как у

Грея из «Алых парусов», будто он меня искал всю жизнь и вот нашел. Внимательные глаза смеялись и искрились, широкая улыбка обнажала все зубы, он так широко подал мне руку ладонью кверху, будто идти нам по жизни отныне вместе.

Я наклонила голову и поднялась самостоятельно.

Парень стал рядом, продолжая улыбаться. В нем было столько бесстрашной открытости, что никак не вязалась с некрасивым обращением с предыдущей девушкой. Меня слегка ошарашил такой напор. Я опять уклончиво отвернулась.

Парень зашагал рядом.

— Почему бы нам и правда не поиграть? — спросил он.

— А почему вы не играли с той девушкой? Обидели человека. Мне, конечно, все равно, но мешает чувство, что потенциально так же легко вы можете обидеть и меня.

Тут я поняла, что, не успев познакомиться, выясняю отношения, и заткнулась.

Но парень был настолько открыт, что пустился в долгие объяснения. Он сказал, что вчера вечером приехал, а с девушкой познакомился только сегодня и уже, разумеется, забыл, как ее зовут, потому что имя у нее непривычное и длинное.

Болтая, он повернул меня к трехэтажному корпусу, и мы пошли за ракетками. Он боялся оставить меня у входа, я же в корпус не шла. Он так подпрыгивал и переминался от страха, что я сбегу, что я поклялась дожидаться во что бы то ни стало, даже если начнется землетрясение. Парень кинулся в освещенный подъезд. Он быстро вернулся с аккуратным пакетиком, подхватил меня под руку и возобновил рассказ о себе.

Его зовут Любомир, ему двадцать семь лет, он не силен в теннисе, ему больше нравится волейбол. Сегодня играл после ужина, а завтра, не пойти ли нам вместе?

— Завтра что, понедельник? — прикинула я.

Как раз два дня прошло. Может прилететь Ворон.

Любомир внимательно наблюдал за мной.

— Не знаю, может, и смогу, — ответила. — А ты сам надолго здесь?

— Как получится, — ответил Любомир.

— Один отдыхаешь?

— С дядей, но он пока уехал к родственникам, они живут в Киргизии.

Ему хотелось спросить, надолго ли я в санатории обосновалась, но удержался. Решил, что выяснит в процессе наших отношений.

— На завтра какие планы? Может, после завтрака и встретимся? — просительно заглянул в глаза.

Меня опять взяла оторопь от настороженного, внимательного взгляда. Я высвободила руку, которой уже было больно, и ответила:

— Я ведь тоже не одна отдыхаю, а с другом.

Парень не удивился. Но еще больше заинтересовался.

— С каким? — спросил.

Что значит, с каким? С хорошим. Я подумала и усилила охрану.

— Даже с двумя.

Парень воззрился оторопело.

Но я поспешно исправилась:

— Ну, один просто товарищ друга. А мой друг тоже уехал по делам и не сегодня-завтра вернется.

— А вы надолго здесь? — спросил Любомир.

— Не знаю. Как скажут.

Любомир расстроился, губы закусил, взгляд заострил. А на что надеялся? Пока не поздно, пусть возвращается к девушке с трудным именем.

Но он шагал рядом.

Когда бегал за ракетками, переоделся в толстовку, в карман сотовый сунул для понта. На кой сотовый в санатории? Ан нет. Девушку подходящую отыскал, сразу и сотовый понадобился. Я, ехидно ухмыляясь, отвернулась.

Мы дошли до теннисной площадки. Толпа страждущих слегка поредела. Малышня сонно терла глаза, но таранилась всюю. Парни сплевывали, вытирали носы рукавами и стояли насмерть.

Мы скромно заняли пустующий стол. Он весь в выщербинах, которые обессмыслили игру. Я держала ракетку прямо и деревянной рукой тихо накидывала мяч партнеру.

Так обычно играют с новичками, уча их перекидывать мячик через сетку.

Любомир сначала играл робко, потом начал фанонить, подпрыгивать, поворачивать ракетку и резать. Мяч резво отлетал к погнутым углам и непредсказуемо отражался в ближайšie темные кусты. Любомир топал и потел, я беспрестанно бегала в кусты, малышня воровала наши мячи, игра была в самом разгаре, когда на сцене появился Яша.

Ему не понравилась наша азартная игра. Он постоял недолго в тени и вдруг зычно и протяжно крикнул, как в трубу:

— Домой!

Так зовут своих детей с улицы мамыши, высунувшись из кухонного окна. Я остановила игру, схватила мяч. Любомир недоуменно и презрительно спросил:

— И это твой друг?

— Товарищ друга.

— Он что, киргиз?

— Кореец. Так я пошла?

Любомир обиделся. Я пустила мячик к нему. Он его подобрал и положил в карман. Я прыгнула с лестницы и крикнула:

— Пока!

У меня наладилось настроение, и я, как кенгуру, попрыгала навстречу Яше. А Любомир вдогонку крикнул:

— Юля! Завтра придешь?

Он срезал мой полет. Будто пулю в спину получила. Я споткнулась и чуть не сшибла Яшу. Схватила его за рукав и потащила за собой. Он упирался и выворачивался. Наконец дернул руку, и мои отросшие в мытарствах по свету ногти оставили на смуглой коже три полосы.

— Ты что, взбесилась? — спросил Яша, оглядывая ранение.

Я подвывала и тряслась от страха, цеплялась за него и тащила дальше. Яша дернул меня за футболку.

— Сдурела? — спросил.

— Они нашли меня!

— Кто?

— Эти... кто меня заказывал.

— Кому?

— Ворону! Ворону, что же ты не понимаешь!

— Чего-о-о? — опять протяжно-недоверчиво начал Яша. Меня всю колотило. Я позеленела. Яша, наконец, озабочился.

— С чего это ты взяла? — спросил более внимательно.

Я зататорила:

— Он назвал меня по имени. А имени не мог знать. Я еще удивилась, чего это не спрашивает. Думаю, ладно, созреет, спросит. А он и не спрашивал потому, что знал.

— Здорово! — сказал Яша.

Мы стояли в пугающей темноте. Музыка смолкла еще полчаса назад. Огни культурного центра санатория горели позади. В нашем медвежьем углу только ели, метущие нижними, отягощенными густой хвоей ветками. Мы повернулись и направились к домику.

— То-то, я смотрю, рожа у него протокольная. Точно, чекист, — сказал Яша.

Я сжала его руку. Мы дошли до дома, быстро вошли и закрыли дверь на цепочку.

— Не поможет, — сказала я, — домик картонный какой-то.

Яша порылся под кроватью, вытащил из мешка револьвер и нож. Отщелкнул барабан и крутанул его. Все гнезда были заняты пулями. Я никогда не видела. И мне стало страшно. Это не игрушки, пули длинные, остроконечные, страшная сила разрушения скрыта в них.

Проверив револьвер, Яша хотел его засунуть под подушку, но передумал и бросил обратно в мешок.

Нажал на кнопку финки или как там этот нож называется. Острое, светлое, блестящее лезвие выскочило мгновенно. Меня охватило сомнение, что таким можно зарезать человека. Что-то лезвие коротковато. Я протянула руку, но Яша сказал: осторожно, порежешься.

Я осторожно взяла нож в руки. Провела лезвием против роста волос на руке. Полутьма не дала мне рассмотреть, срезала я волосок или нет.

Яша наблюдал за мной. Он сидел на карачках перед мешком и смотрел снизу вверх. И тут я уловила в его

зрачках свет ехидного юмора. Так, мелькнуло, как привидение в черном коридоре, и пропало.

Вот оно что! Яша просто напугал меня, чтобы я сидела дома и не особо светила по санаторию. Яше стало стыдно под моим взглядом, он опустил глаза, чтобы погасить в них свой юмор, сказал:

— А может, ты все-таки ненароком назвала свое имя? Не на спине же он его прочитал!

Я горестно покачала головой и отдала опасный нож.

Яша его сложил, но в мешок не бросил, а положил под подушку. Я хотела спросить, крепко ли Яша спит, но передумала.

Была чудесная теплая ночь с запахом снега, но я закрыла окно и защелкнула щеколду. Тщательно задвинула занавески, благо темные, и вряд ли мой силуэт просвечивает.

Как он за меня взялся! Это не просто так. Я сразу почувствовала. Какой радостью полыхали глаза. Как четко они идут по следу! Непонятно вообще, как меня могли вычислить. Надо ждать Пашу. А пока сидеть тихо, в домике, в горы не ходить, только в столовую и на общественный пляж.

Доживем ли до понедельника?

Утро проникло под нашу ель поздно. Мы проспали завтрак. В домике сыро и холодно, я натянула одеяло на голову и не услышала утренние позывные по радио.

Сквозь бордовую цветастую занавеску пробивается сильный солнечный свет. Все то же. Холодное утро, жаркий полдень. Неестественно синее небо и белые чайки. Очередной «День сурка». Сейчас Яша сбегает к сестре и принесет остывшие сосиски, банку холодного, с белесой пленкой какао.

Я встала, подошла к окну, раздвинула куцые занавески, распахнула створки. Все, день начался. Крики чаек и солнце. Заглянула за оконце на озеро. Яша сидит на скамеечке у обрывистого бережка и ножичком точит палочку.

Он увидел мою голову.

— Ну как? Исчезли при свете дня ночные химеры, порожденные большим воображением? — крикнул он.

Голову я убрала. Через пару минут уже стояла в двери. Сонная, помятая, хорошо хоть не со спутанными волосами. Месяц назад они были подстрижены максимально коротко, до сантиметровой длины. За месяц подросли на сантиметр, но до расчески дело еще не дошло.

Я, ослепленная светом яркого утра, потирая кулачком слипшиеся глаза, почти на ощупь шла мимо Яши.

— Объявили уборку территории, — сказал Яша, — хоть бы крыльцо подмела.

По дорожке и вырезанным в земле ступенькам спустилась к озеру, что шло темными балтийскими волнами и с шумом, похожим на мужской хор, обрушивалось на берег.

Ого! Озеро взбухло, увеличилось в объеме и еле помещалось в предназначенной для него чаше.

Я посмотрела на горы. Так и есть. Сияющих вершин не видать, они мокнули в серой бахромчатой туче. Купаться нельзя: вода взбаламучена, засорена старой хвоей и мелкими палочками. Прибой с ног сшибает.

Я плеснула мутной, с песком водичкой в лицо, вспомнила, что она соленая, плюнула с досады. Придется идти в кафельный душ со стоками, засоренными чужими волосами.

Назад карабкалась по ступенькам, помогая руками. Таким образом, голова моя находилась на высоте низкого старта, и поэтому, когда я почти достигла кромки обрыва, меня с него еще не было видно.

Зато я услышала голоса. И замерла с высоко поднятым крупом.

Сначала незнакомый мужской голос. Потом Яша. Любомир. Незнакомец. Меня эта мозаика насторожила. Я круп убрала, подвинулась под куст и замерла на четвереньках.

Слышно плохо. Я закрыла глаза, чтобы острыми ветками их не выколоть, и голову высунула повыше. Вот теперь хорошо.

Видимо, наши гости только подошли, потому что незнакомец сказал:

— Привет от Егор Егорыча.

Тут меня кольнуло, ветка ли, догадка ли, придавленный ли муравей, только я поняла, что была права насчет Любо-

мира. Страх обострил мои чувства, и я его запросто вычислила. Не зря он прохладился на Иссык-Куле. Они шли по следу со своим дядей. По следу Ворона или Яши, и наверняка не только для того, чтобы привет передать.

Яша молчал, растерялся, поди и не знает, что ответить. Зато адреналин быстренько расталкивал мой сонный с утра мозг, и еще одна догадка вспыхнула в нем.

Вспышка. Кадр. Любомир распаковывает совершенно новые ракетки. Не высшего класса, но и не самые простые. Резина чуть припорошена тальком. Эти ракетки до сего момента не брала рука человека. Я еще подумала, что тальк помешает вращению, вернее, форсирует его и изменит траекторию мячика, потом на столы поглядела, на Любомира и успокоилась.

Люди! Боже! Я схватилась руками за голову и чуть не сорвалась в колючую пропасть, но припала к земле и замерла. Куст только чуть колыхнулся.

Они охотились за мной. Ракетки были куплены и припасены заранее, чтобы облегчить подход ко мне. Симпатичный, безжалостный Любомир улыбался от радости, что выполнил задание. Сотовый телефон для связи. Для мобильности. Дядя Любомира среагировал практически мгновенно. Утро встретил со мной на прекрасном Иссык-Куле.

Какие силы задействованы! Самое обидное, что я не стою того. Они ошиблись, может, даже предполагают, что ошиблись, но моя жизнь — маленькая ставка, и они поступились ею во имя спокойствия и успешности дальнейшей игры.

Короче: виновата я в чем или нет, не так уж и важно. Вопрос слишком серьезный, чтобы рисковать, и меня убьют просто так, на всякий случай.

Я постепенно сползала вниз, и меня держал только тоненький, но жилистый ствол редколистного колючего куста. Что же Яша? Что же молчит? Живой ли он там?

Дяденьки ответа не дождались.

Любомир начал опять свое:

— Нам надо поговорить с Юлей. Если не захочет, то не поедет с нами. Но поговорить надо. Просто так мы не отступимся.

Вот как!

— Она в душе, — сказал Яша.

— Подождем, — ответил дядя.

Скрипнул ботинком, сел на скамейку.

Помолчали. Дядя сказал:

— В горах, на перевалах, снег. А здесь солнце. Я в молодости увлекался альпинизмом, по Кавказу лазили, там горы пониже и более обжитые. Перевалы может одолеть ребенок. А здесь нет. Здесь этот номер не пройдет. Я сегодня пограничникам звонил, спросил: как перевалы? Они ответили: на два дня закрылись. Волк не пробежит. Боевики на южные склоны перешли.

Намек поняла. Через перевалы не побегу. Да и где они?

А каким пограничникам звонил? Мы одних знаем. Не Мургабский ли погранотряд его сюда навел? А Паша?

Вдруг очнулся Яков.

— Нет, — сказал он. — В горах сейчас хорошо. Ниже линии альпийских лугов, где сейчас дождь, ручеек течет. Рябинка растет. Ягоды чуть желтые, незрелые еще.

— Рябинка? — переспросил Любомир.

— Да. Хорошая такая, родная.

Тут я вспомнила эту рябинку. Яша подсказал мне место, где будет искать меня, если сбежит от неожиданных гостей. Ту рябинку легко найти. Ручей впадает в озеро недалеко от нашего домика. Подняться вверх по течению, сесть под деревце и ждать Яшу.

Во мне все проснулось, кончики пальцев покалывало от прилива крови, как перед стартом. Сердце стучало в голову, отбивая ритм, ровно сто двадцать ударов в секунду. Этого достаточно, чтобы встряхнуть и питать мышцы, и сохранять энергию, максимально бережно ее расходовать, рассчитывая на долгий марафон. Я поиграла икрами ног и хотела отползать назад, как вдруг злой дядька быстро сказал:

— Посмотри в кустах. Живо!

Любомир ломанулся в кусты и прыгнул чуть ли не на голову мне. Уколотся, сказал: «Ой!», ухватился за меня, и мы с ним полетели вниз.

Но здешние кусты были готовы ко всякого рода передрыгам. Они не ломались, а пружинили, а затормозили наше падение, мы застряли в узких стволах и ветках, причем Любомир больно придавил меня сверху. Он потерял очки и моргал. Я от всей души дала ему по шее, вытащила ногу, которую он чуть не сломал, и отвесила хорошего пинка в зад. На мне были кроссовки, в сланцах по скользкому берегу я не хожу.

Цепляясь за кусты, бежала вниз, но не недооценила спортивную подготовку спецслужб. Внизу меня ждал дядя Любомира. Он был спокоен, но собран. Невысок, худощав. Легкую рубашку колыхал свежий ветерок.

«Я справлюсь», — решила.

Поискала палку вокруг. Нет. Эти чахлые кусты не могли породить ничего увесистого.

— Юля, — позвал мужик ласково, — иди ко мне, — и обе руки протянул, как отец родной.

Я знала, что делать: если мы разминемся, то я убегу, это точно. Я принялась осторожно, по дуге, огибать ласкового мужчину, прижимаясь спиной к кустам. Ласковый мужчина шел навстречу.

На берегу появился Любомир. Очки на носу. Надо же!

Последний шаг... Мужик шагнул, и у носка его ботинка зарылась в гальку пуля. Только я оплошала, подняла голову, тут на меня дядя Любомира и прыгнул. Гибкий и легкий, он схватил меня за плечи, рванул вниз и подмял под себя. Не успела я ничего сказать, как мою нежную грудь вжали в острые камни, а руки завели за спину.

Все.

— Смени позицию, — сказала я дяде. — Мне больно.

Я думала, получу пинок или удар рукояткой по затылку. Но нет. Все тихо. Сошел с меня, как просили, и подняться помог. Но руки придерживал.

Подошел молодой человек, заботливо хотел отряхнуть мне грудь, я приподняла правое колено, но он успел отскочить. Попридержав немного руки, дядя спросил:

— Ну, что? Можно отпускать? Успокоилась?

— Почему я кинокамеру не взяла с собой, — простонала я, — какой сюжет своей жизни увековечила бы!

— Хватит, — сказал дядя, — взрослая девка, а не тинейджер. Выламывается! Твое развитие затормозил спорт и слишком долгое вращение в детском коллективе.

— Да слышали уже... — вяло отозвалась я.

— Сходи наверх, посмотри, — сказал он Любомиру.

— Так убежал!

— Сходи! — нажал дядька.

Любомир вскарабкался на берег, а мы за ним.

— А где Яков Михалыч? — спросила я, вращая головой.

Дядька поморщился. Он подумал про тинейджерский юмор. Но ошибся. Я была серьезна. И поняла, что Якова Михайловича по имени они не знают. Может, и про Ворона не знают. А в таком случае... Если бог даст, я до утра доживу... А вот за дядек не ручаюсь.

Могу похвастаться: своих кавалеров я меняю, как перчатки. Сначала Идрис, затем Паша, Яша, теперь газеты Идриса на его кровати читает Стас, а на общей для двух комнат веранде сидит, по-видимому, запасной — Любомир.

Приходила медсестра забрать банку из-под кофе и поразила такой заменой. Я вся в мужиках, а у нее опять пропал. Но медсестра была мудра. Сказался опыт прошлых лет. Она не поспешила сделать выводы, вспыхнуть и уйти. Мы обменялись затяжными пронизывающими взглядами. Медсестра обежала быстрым взглядом мое лицо и руки в ссадинах, закусила губу озабоченно, отвела взгляд и, взяв банку, поспешила уйти.

Все, время пошло. Его надо было тянуть. Я попросила полчаса: переодеться и полежать. Дверь в мою комнату открыли, окошко закрыли.

Я лежала, смотрела в потолок. Слезы наворачивались на глаза. Обидно. Паша опоздал всего на один день. И, самое обидное, эти двое не оставят меня с ним наедине. Все. Кончилось. Как бы ни повернулось, но не обняться мне больше с Вороном.

Если только не положить этих, не знаю, как назвать. Но так или иначе, считается, что они служат Родине, а я сомнительный элемент. За порядочными людьми спец-

службы не гоняются. За их спинами огромная, многоликая страна, а за мной перевалы да передрыги, долгий путь домой. Убрать этих — объявить войну своей стране. А я так не могу. Пусть лучше убьют, а потом всплывет, что это ошибка.

— А-а-а-а!

Заскрипела кровать в соседней комнате, вскочил Стас и подбежал ко мне. Стула не было. Стас сел на скрипучую кровать и принялся меня гладить по ершику на голове. Я вжимала лицо в подушку. Никто никогда не спрашивал, устала ли я. Не произносили при мне этого слова, потому что я — строевая лошадь, должна быть всегда в хорошей форме и никогда не уставать.

А я устала! Рыдания сотрясали тело и всю кровать.

— Ну хватит плакать, — сказал Стас, — не все потеряно. А то письмо не покажу.

Я наострила уши, приглушила рыдания.

— От бабушки? — спросила глухо в подушку.

— От Красной Шапочки! — сказал Стас. — От Макса письмо. Куратора твоего дорогого.

Я слегка повернулась, одним глазом посмотрела на Стаса. Он вытащил помятую бумажку из своего кармана и протянул мне. Я сразу поняла, что липа. Макса почерк я не знаю, и они мне могут подсунуть все, что угодно. Типа: «Подателю сему верь, как отцу родному».

Я развернула измятый листок. Там было написано: «В случае чего, обращай только к Ворону».

— Вы Ворон? — спросила вежливо.

— Нет, к сожалению, — ответил чекист и странно посмотрел. Я отнесла этот взгляд на счет юмора или подобия комплимента.

— Вы его знаете?

— Лично нет. Только по отзывам.

— И как? Одобряете мой выбор? — Я говорила по-светски, сев на кровать, оправив короткие шорты и ножки свесив.

— Вполне, — ясно и серьезно ответил Стас. — По моему, этот выбор и Макс одобряет.

— А я мучилась сомнениями. Значит, зря.

Стас было дернулся, но не поддался на провокацию.

— Так кто вам нужен? Я или Ворон?

— Юлия Аркадьевна! — Стас взял меня за руку. Хотел машинально поцеловать, руку к губам поднес и застыл. Взглянул исподлобья, глаза искрятся, смеются, губы дрогнули, изогнулись. Я взглянула и покраснела.

Он таки поцеловал руку, вернул аккуратно на мое колено и сверху своей ладонью прихлопнул. Взгляд в себя, будто прислушивается к чему-то.

Станный какой-то. От него веет чекистской холодностью и настороженностью, и в то же время живостью и уязвимостью.

— Юлия Аркадьевна, с этих пор по-настоящему только вы интересуете меня.

Взглянула внимательно на Стаса. Он — на меня. Ничуть его не смущает, что сидим на незаправленной кровати, ножка к ножке, ручка к ручке. Игрив и весел и очень доволен, что меня добыл. А надо думать, путь был непростой и неблизкий, если вспомнить, как мы с Павлушей петляли.

— Разговор такой длинный, что я не знаю, с чего начать, — сказал Стас. — Может, лучше пойдем в корпус, к Любомиру в номер? Там удобнее, есть стулья, диван и даже стол.

— Мне все равно, — сказала я вяло.

— А кроме того, я боюсь, что скоро прибудет Павел Андреич и, упрежденный вашим другом, с ходу примется вас спасать. Появятся осложнения, а дело можно решить миром.

Я вострепелась. Какая-то радостная нотка прозвучала в словах странного чекиста.

— А его можно решить?

— Конечно! Смотрите, какая чудесная компания подобралась: вы, девушка чистая и честная, я — человек порядочный и верный своему долгу, и ваш любимец Любомир, ко всему перечисленному еще и добрый, умный, красивый.

Я подумала, что Стас забалтывает меня нарочно. Уболтает, в номер к Любомиру затащит, там и прикончит. Хотя и здесь им ничто не помешает.

— Есть шанс, хоть один, что вы отпустите меня?

— Ты решила все-таки здесь побеседовать. Тут так неудобно! Мало места!

— Значит, нет?

— Да есть же, есть! — Стас слишком эмоционален для чекиста. Хотя там не по темпераменту людей выбирают. — Алешка! Тьфу! Любомир! Стул подай!

Вбежал Любомир со стулом.

Стас сел напротив меня. Опять взял за руки, в глаза смотрит ласково.

— Все шансы за тебя, — сказал он.

— А кто меня хотел убить?

Молчит. Мои руки выпустил. Соображает, с чего начать.

— Любомир, — крикнул, — ну-ка, сядь сюда, я что-то плохо соображаю, поможешь.

Любомиру пришлось сесть на кровать.

— У меня был готовый рассказ для тебя. Но что-то все слова растерял я на пути. Главное, мы должны вернуться домой, и ты восстановишь свою жизнь за последние полтора года. Каждую мелочь, максимально подробно.

Я сразу угасла. Они меня не отпустят. Нет. Я буду восстанавливать эпизоды своей жизни, все до последней мелочи, они будут в них копаться, но нужного зерна не найдут.

— Дело очень серьезное, — продолжал Стас, — убит Макс. Да-да, не вздрагивай. Ты этого не знала? А эта записка случайно попала ко мне. По ней и вышел на тебя. Что-то ты знаешь, раз тебя хотели убить. Что? Как познакомилась с Максом? Что ему рассказала, почему он заинтересовался «Медеей»? Не знаешь, что это такое? Никогда не слышала? Нет?

Я покачала головой. Коготок увяз — всей птичке пропасть. Не отпустят они меня. Нет. Даже когда узнают, кто убил Макса.

Макса убили! Боже мой! У него же жена и маленький ребенок. Как жалко! Каков мужик, и то завалили. Ну а меня раздавят, как блоху, тут и думать нечего. Сначала Стас потреплет, увидит, что толку мало, и выплюнет, а те, другие, подберут и прикончат на всякий случай, для своего спокойствия.

Глава 8. Дююха

День прошел очень продуктивно.

Мы перешли в корпус. Там вели беседы на диване. Стас все записывал на диктофон. Он сказал, если я постараюсь, выложусь, то дело может разрешиться так, что уже сегодня на все вопросы найдутся ответы и я спокойно продолжу свой отдых на Иссык-Куле. Или полечу домой, как захочу.

Его немного волновал Паша. Он сказал, что этот герой может все испортить, если примется меня спасать. Когда Стас говорил о Паше, в его голосе было пренебрежительное снисхождение. Он даже сказал про Пашу с Яшей: работники ножа и топора. На что я ответила:

— Конечно, в том случае, когда два дюжих мужика неожиданно нападают на одну девушку, можно обойтись без топора.

Стас посмотрел весело, но безразлично, поковырял травинкой в зубах. Ничего не ответил. Ни Паша, ни я, не могли его задеть. У него были свои проблемы и задачи, наша жизнь, наша неумелая и неэффективная борьба за нее вызывали в глазах Стаса только золотистый блеск снисхождения.

Я поняла, что такой пустячок, как отпустить меня или забрать с собой, он решит в свою пользу, если будет хоть тень от причины для этого. Тень, предлог, отзвук интуиции. А может, уже все решено. В любом случае заберут. А мало ли какие вопросы возникнут? Я должна быть под рукой.

Моя жизнь, как шарик навоза в лапках скарабея, имеет ценность только для хозяина. Любомир сказал Стасу, как бы мимоходом:

— Ей надо пройти психологическую обработку.

Гипноз то есть. Тогда я все вспомню. А может, и нет. Но нужно использовать все возможности.

К обеду день разгорелся и стало жарко, как в пустыне. Мужики были очень разочарованы, когда по радио заиграла киргизская мелодия, призывающая к обеду. Жизнь, с ветерком, полуднем, криками чаек, влетела в нашу мрачную комнату. Я сегодня еще не была ни в ванной, ни в туалете, ни чаю не попила, зубы не почистила.

Серой, убогой, почти арестантской фигурой скрючилась на диване. Точно я так и не поняла, в чем виновата. Но печать вины уже была на мне. Если скажут, что Макса я убила, соглашусь.

— Вот что, — сказал Стас. — На сегодня, пожалуй, хватит, может, еще что вспомнишь. А я устал. Отобедаем и на пляж.

Я удивилась.

— Как же... Мы никуда не поедем?

— Чего ехать-то? Самолет только в среду. Рейс два раза в неделю: в среду и пятницу. Сегодня понедельник. У нас есть целый день.

— Пашу ждете? Зачем он вам?

— Вот уж кто даром не нужен, — опять с каким-то презрением сказал Стас.

— А вы что, одни с Любомиром, или у вас свои люди везде понатыканы? — продолжала я беспокоиться за друга.

— Мы в санатории с Любомиром одни. Но на вас с Пашей хватит. Есть у нас еще товарищ, вот почти такой, как Любомир, молодой-красивый, очки золотые. Но он в Бишкеке ждет. Действия наши координирует. Вот и вся команда. Но, повторяю, этого достаточно, чтобы мне беспокоиться за Пашу, а не за себя.

Любомир гордо выгнул грудь. Гонители гордятся перед гонимыми. Чем только? Обстоятельствами. Это все равно, что гордиться национальностью или происхождением. Этим гордятся только тогда, когда больше гордиться нечем.

— Что? — спросил Стас.

Он более чуткий, чем молодой служака.

Я встала по-военному, оправила футболку, как гимнастерку.

— «Юность кончена!» — сказала бодро, — «Приходит трезвой зрелости пора. И рука смелее бродит вдоль прелестного бедра.» — И хлопнула Стаса по-приятельски по плечу. Внутри чекиста что-то задрезжалось. Он вынул ключи из нагрудного кармана и переложил их в брюки.

Стас на мои порывы недоразвитой физкультурницы не обратил внимания. Зато стих ему понравился.

— Прекрасно! — сказал он, — приятно видеть, что такой прекрасной форме вполне соответствует содержание.

И руку мне поцеловал! Он сбил меня. Я хотела спросить: «В туалет можно сходить, гражданин начальник?». А тут я улыбнулась, потому что мне было приятно видеть склоненный затылок Стаса, и я стала канючить:

— Можно мне в душ? Так жарко, я сегодня еще...

— Конечно, конечно, — сказал Стас. — Мы подождем. Побеседуем пока.

— Что-то тихо в ванной, — вдруг встревожился Любомир.

— Дай ей отдохнуть от нас. Юля!

— Эй!

Любомир посмотрели на часы. Восьмой час. Стас явно подводит свою философию под то, чтобы девку отпустить.

— Вот, кстати, от Ждановича весточка факсом пришла. Так, ничего особенного, некоторые штрихи к портрету. Ты знаешь, кто был отец у Пузановой?

— Нет.

— Он был начальником детской воспитательной колонии в Сухобезводном. Слышал о такой?

— Конечно.

— То есть, фактически наш человек. Вон, оказывается, Жданович пишет, всего Есенина знал наизусть.

— «Не жалею, не зову...»

— Да-да, именно. А нашей девушке наверняка помнятся эти строки: «Устал я жить в родном краю, в тоске по гречневому просторам, покину родину свою, уйду с бродягою и вором». А хочешь, я его фотографию покажу? Тоже Жданович прислал.

У Любомира ревностью стиснуло сердце. Жданович сегодня герой дня.

Но он взглянул на распечатку.

— Ну и что?

— Никого не напоминает?

— Вас если только.

— Да? — Стас взглянул с любопытством. — Может быть, хотя не согласен. Тогда посмотри на эту фотографию.

Стас взял кейс, достал конверт с бумагами и оттуда вынул фото.

Любомир взглянул без любопытства. Ему не хотелось сдаваться и выпускать Пузанову. Если все было предпрешено, зачем такие затраты времени и сил?

— Ну и что?

— Похожи эти фотографии?

— Похожи, но люди разные.

— Люди разные. Один — отец Юли, что погиб трагически, семейная драма. Выбросился из окна после того, как жена умерла родами. А сын остался жить. Девочке было в то время четырнадцать лет. Приехала бабка из деревни, мальчика отдали в детский дом...

— Морально, ничего не скажешь! Отцу бросить своих детей.

— А другая фотография — Воронов Павел Андреевич, ему сейчас столько же лет, сколько отцу Юли, когда он погиб.

Любомир в тоске схватился за голову.

— В чем тут мировая мораль, Станислав Николаевич?!

— Нет, ты подожди. Ты представь: девочка нашла то, что искала. Не нам понимать за нее, надо ей это или нет. У нее есть Яша, Паша. Они хотят и, кстати, вполне способны ее защитить, заботятся о ней. У них дружба, любовь, общность. Нам на этот клубок, конечно, наплевать. У нас Макса убили, и девка что-то знает. Мы ее сейчас вырвем из почвы, оборвем корни. Может быть, хотя сильно сомневаюсь, что-то узнаем. И все. А дальше, как она и что она, нам не интересно. А людей, которым она интересна, которых она с таким трудом отыскала, уже рядом нет. — Стас говорил слишком эмоционально, и потому неубедительно.

Любомир знал эту склонность Стаса уходить за своими эмоциями в сторону от сути вопроса.

— Зачем мы сюда поехали? — спросил упрямо.

Стас сменил тон мгновенно.

— Я предполагал, что Пузанова знает что-то конкретное. А она, может, вообще ничего не знает. Ее решили убрать на всякий случай, — ответил быстро, спокойно и по-деловому.

У Любомира взгляд больного и усталого человека. Стас его запутал, но не убедил.

— Что-то неважные защитники у нашей девушки, — сказал он, — сегодня один целился в вас, да не попал.

— О-о-о! Дорогой! Можешь мне поверить, это специалисты высшего класса. Снайперы, не нам чета. Хоть сейчас на Олимпиаду посылай. Не попал потому, что не хотел. С нами свяжешься! Потом пиши пропало. Так, упредил просто, да нашей девушке фору во времени дал.

Помолчали. Прислушались: в ванной тихий плеск.

Стас продолжал, то ли себя уговаривал, то ли Любомира:

— Аркадий Васильевич Пузанов был сотрудником нашей системы. Неужели мы не поможем его дочери-сироте? У меня дочь подрастает. Я хочу думать, что если и со мной что случится, мой ребенок не будет брошен. Наши дети должны находиться под эгидой нашей системы! Рискуя жизнью, мы должны быть в этом уверены! Нет?

Любомир знал, что начальник его добьет. Это было изначально известно. Борьба неравная во всех категориях.

Но Стас не унимался. Дожимал.

Сказал потише:

— Знаешь анекдот? Жена Иванова звонит Сидоровым и говорит: «Вы к нам больше не приходите!» «Почему?». «Вчера вы у нас были, и серебряные ложки пропали». «Мы не брали». «Я знаю. Мы их потом на кухне нашли. Но осадок в душе остался».

Любомир устало смотрел на чудака-начальника, как тот выламывается.

Стас продолжал:

— Не забыл, как вы с Гришкой у батареи месяц простояли в нашем коридоре? Никто вас брать к себе не хотел. Вот так. Вроде бы и понятно, что не вы Макса грохнули, а осадок остался. Вспомни, обнови свои ощущения. Точно такие сейчас у Пузановой. Мы ее притащим в город вместе с осадком, тем самым, что порядочными людьми органы не интересуются. И еще. Паша с Яшей с наганами и ножами ее защитят, через перевал переведут, а там сами как-нибудь со своей жизнью разберутся. Мы ее увезем, а ответственности за ее жизнь не понесем. А уж если была надобность кому-

то за ней в Сочи тащиться, то в своем городе уберут запросто. И следов не найдешь. Тебе жениться на ней придется, чтобы денно и ночью защищать. Ты готов к этому?

— Нет, — твердо сказал Любомир.

— И я, вроде, нет. Может, раз самим не нужна, оставим Ворону?

— И что дальше?

— Все. Ей пока ничего не говори, пусть еще денек помается, подумает. Может, что и вспомнит. Если нагрянет с оружием Паша, нашу девочку отбивать, не встречай. Пусть бегут, а то как бы не усугубить. Но желательно дело решить миром. Все стороны за это.

Тихий вечер. Народ после выходных из санатория схлынул. На танцплощадке хохочет детвора. Красное заходящее солнце протянуло дорожку по озеру. На ее фоне киргиз фотографирует дочь с женой. Время тянется очень медленно. Стас с Любомиром все чего-то выжидают, верно, Ворона ждет. Я бы на их месте тоже поинтересовалась у Павла Андреевича, кто же меня заказал. Кто меня заказал, тот и Макса убил.

Мы прохаживались по набережной втроем. Я со Стасом, Любомир, сверкая очками во все стороны, прикрывал тылы. Станислав Николаевич рассказывал мне про встречу с Зудиным.

Мы ходили, ходили. Решили поиграть в теннис. Все втроем, боясь потерять друг друга, сходили за ракетками, вернулись тем же построением на спортплощадку. Заняли наш любимый стол, Стас по-отечески наблюдал за игрой, облокотясь на перила. Мячиков осталось мало, и Любомир больше не прыгал и не махал руками, как мельница. Старался играть аккуратно. Я нашла себе в игре ту пользу, что отрабатывала реакцию на непредсказуемое поведение Любомира и мячика. Их действия не подчинялись ни правилам, ни логике. Косой стол вносил лепту в общую какофонию и отражал мячик куда хотел.

— Хоть один удар покажи! — подначивал меня Любомир.

— Тебе куда залепить, в кусты или в нос?

Любомир дернулся ответить достойно, и тут же получил молниеносный щелчок мячом по носу. Вот тебе!

Стас внимательно следил. В нем шла работа. Информацию переваривал и насчет меня решал. Я почувствовала новые веяния и старалась изо всех сил произвести благоприятное впечатление. Ходила плавно, говорила певуче и вежливо.

В девять часов случилось то, чего все ждали.

Когда мы с Любомиром встали играть за стол, меня поставили спиной к дорожке, таким образом Любомир наблюдал за обстановкой. А Стас стоял за моей спиной и видел ту же сторону, что и я.

Но Ворон возник не на дорожке, а на фоне сарая, стоящего в кустах за площадкой. Любомир не мог его видеть, мог заметить только Стас, но знал ли он Ворона в лицо?

Я не дрогнула, водила ракеткой вдоль стола. Ворон не убежал, постоял, посмотрел и стал приближаться. Чего это он?

Я пропустила мячик, и Любомир взглянул внимательно сначала на меня, а потом на Стаса. Он глядел в Стаса, как в зеркало заднего вида. Я же по Любомиру пыталась определить, что показывает ему Стас. Вот какая у нас дружба.

Ворон остановился напротив стола, якобы наблюдая за игрой. На нем рубашка и свободные джинсы. Не знаю, существует ли такой маленький пистолет, чтобы его можно было не заметить в такой одежде. Но то, что нож у Ворона есть, это точно. Он с ним никогда не расстается.

— Юля, — сказал Любомир ласково, — не хочешь играть, не играй. Я смотрю, ты устала.

Я растерялась. Готов ли Ворон ко встрече с моими друзьями, может, Яша сбежал, не предупредив его. Боялась посмотреть на Ворона и выдать его.

— Юля! — позвал Ворон. Руки протянул.

Мне бы надо сойти чинно по ступенькам, опираясь на его руку. Но я с утра хоронила себя и устала от тоски и скорби. Прав, прав Стас, задержал меня спорт в нравственном развитии.

Сначала я по-щенячьи кинулась к Любомиру, как собака, прощаясь с новым хозяином, благодарит его, возвращаясь к старому. Кинулась к Любомиру, отдала ему ракетку, чуть в щеку не поцеловала, а потом вдруг мое тело, не контролируемое незрелым мозгом, оторвалось в прыжке от дощатого, прогибающегося пола площадки, и взмыло ласточкой вверх, я даже ладони вместе сложила, как при нырянии.

Нырнула с площадки в сгущающуюся темноту, а Ворон так руки протянул, что подхватил меня под мышки, и я повисла у него на шее. Восхитительное чувство. Я восхищалась и собой, и Вороном. Какая координация! Какое физическое совершенство! Как едины мы с Пашей! Как согласны друг с другом! Будто наши тела согласуются некими общими фибрами.

Восхищаясь и собой, и Пашей, я прижималась к другу любимому, а когда оторвалась, чтобы тайком посмотреть на его лицо, то видела украдкой то выражение, что было в машине: умиление, аж весь зажмурился.

Он не жил, он дышал мною!

В санаторий вместе с Пашей прибыл Кадыр и две девицы с ним. Компания приехала на автомобиле. Проезд автотранспорта на территорию санатория запрещен, и автомобиль поставили на стоянку, что при въезде, у будки охраны.

Паша был худ, изнеможден и очень серьезен. Дело близится к развязке. На Иссык-Куль стягивались противостоящие силы, чьи интересы задела наша с Пашей чрезмерная активность. Кадыр подозревал, что исчезновение его друга и соратника Урмата связано с появлением Паши. Больше не с чем связать. Он при мне сказал, что милиционеры города Оша тоже активно ищут Пашу и якобы уже готовится приказ о вознаграждении в две тысячи долларов за его поимку. Кадыр сказал, что если Паша виноват, то Кадыр не побрезгует лично сходить за вознаграждением. Он даже придумал, куда его потратит, нам пока не сказал, но обещал, что Паше понравится.

А пока, до выяснения обстоятельств дела, хочет побыть с Пашей. Ясно. Бойтся, что Павлюша сбежит.

Мы сидели в санаторском баре. Есть, оказывается, и такой. И правда, где сидеть Кадыру, не на скамейке же спортплощадки! Там он был бы тюком с жиром. А здесь солидный, авторитетный человек. Две русские девушки по бокам подчеркивали это звучание в Кадыре.

Бар был устроен по всем правилам. У входа жидкий фонтанчик из отверстия водопроводной трубы. Кучка красивых хвойных деревьев. В баре стойка и музыка. Все красное, перегородки меж столиками сделаны из резного дерева, и тоже красные.

Девушки Кадыра на улице казались странными и испытанными. Одна с малиновыми, другая с синими волосами. Привычный свет бара преобразил их. Они почувствовали это и вздохнули свободно и легко, превратившись в разноцветных экзотических птичек колибри с ярким оперением.

Птички тут же облегченно закурили и заказали для начала кофе.

По Паше я видела, что он уже все решил, все уладил, но Кадыр мешал, он не отстанет, пока не выскажется. Это надо перетерпеть и приступать к намеченному плану.

Мы с Пашей молчали, как заговорщики, Кадыр плохой физиономист или плохо понимает мимику русского лица. Ему нравилось наше молчание. Он успокоился, заважничал. Правую руку положил на шею правой девушки. Девушка слева была погружена в свои мысли и кривила красные губы в такт им. Компания была вполне самодостаточная, но без зрителей неинтересно. Кадыр показывал свое могущество. Звякал сотовым, который в горах не схватывал, протянул пару бумажек бармену, чтобы нас обслужили: в баре не было официантов.

Бармен — мудрый седой киргиз с грустным интеллигентным лицом и фигурой мальчика — подыгрывал недалекому Кадыру. На Пашу поглядывал остро и настороженно, а Кадыру с девушками намешал жутких коктейлей.

— А вам? — спросил Пашу.

— Я мусульманин.

— Ха! — Кадыр затрясся в смехе. В красном свете, смуглый, лоснящийся, без переносицы и надбровных дуг, с глазами навывкате, прикрытыми почти полностью тонкими

веками, оставляющими лишь узкую щелочку, он напоминал мой брелок-нэчке в виде древнего жирного писца, с палочкой и дощечкой на коленях.

Бармен настороженно посмотрел на Пашу, но Паша спокоен, на него смех Кадыра действует, как на мертвого припарки: Паше все равно, он в другой параллели и просчитывает следующие ходы.

Я же была как бы вне игры. На меня никто не смотрел, ко мне не обращались. Мне, дитю природы, этот бар шел, как корове седло, в такой майке и шортах только у костра сидеть, а не перед тщеславным взором Кадыра, зорко фиксирующим марки часов и зажигалок.

Вошли наши чекисты. Это вам не спецбуфет, им никто не прислуживал, они сели у стойки.

Таким образом, все действие сосредоточилось в маленьком кафе, и без нас переполненно флюидами и страстями темпераментных посетителей.

— Скорее всего, — объяснял нам про Урмата Кадыр, — на машину напали боевики-таджики. Урмата взяли живым и будут просить за него опиум, деньги, золото! — Кадыр сложил щепотку из трех пальцев, будто плов ест, поднял вверх и поцеловал собственные пальцы. Повторил по-киргизски: Таян, акча, алтын!

Паша согласно кивал головой: да-да. А сам думал про свое.

Киргиз говорил медленно. Прихлебывал из высокого фужера и казался себе очень значительным. Я бы поверила, если бы не разноцветные осоловелые девицы по бокам. Они придавали Кадыру пошлость нувориша.

— Павлюша! Ты в Оше был не последним человеком. Мне сказали, что после смерти жены у тебя «крыша поехала». Я не поверил. Говорили, что ты с Яшей «щипал» на базарах и совсем «замазался», хотя временами помогаешь кое-кому затыриться «ханкой». Я опять не поверил...

— К чему такой длинный разговор? — спросил Паша.

— Джениш приглашает тебя в мой ресторан «Ак-Жол».

— К чему?

— Джениш пока вместо Урмата, он собирается делать «днюху», отмечать день рождение.

— Поздравь от меня, — быстро сказал Паша.

— Орус кара-ашкыр (русский воин) должен сам поздравить отца контрабанды и прекратить пустые разговоры на свой счет. Там соберутся все сходняки и очень серьезные люди. Ты при всех покажешь, что Павлюша не сука.

На грубое слово у меня сорвалось мороженое с ложки и лягнуло прямо на новые шорты. Я зло взглянула на Кадыра.

Паша, само спокойствие и бандитский шик высшей пробы, вынул сложенный платочек и заботливо вытер мороженое с шорт своей девочки.

Оказывается, Кадыр все продумал и насчет меня.

— Бригада говорит, ты женишься. — Я застыла. Кадыр продолжил: — Смелый человек ты, Павлюша. Свобода тебя тяготит. Но я рад. Это по-божески. Но только, Павлюша, теперь тебя будет очень просто найти. — Кадыр налег грудью на шаткий стол. Близко стоящие бокалы звякнули. — Теперь каждый, кто захочет навести справку о тебе, будет обращаться к твоей девчонкэ. А таких очень много. — И Кадыр со значением откинулся на спинку стула.

Паша смотрел на него неодобрительно. Но я забеспокоилась. Забыла про мороженое, уставилась на Кадыра. Ему это очень нравилось. Он на меня, конечно, не смотрел. Но боковым зрением заметил мое остолбенение и по-детски наслаждался им. Но я не хотела быть игрушкой Кадыра, всем корпусом повернулась к Паше за разъяснением.

Паша своим спокойствием призывал успокоиться и меня.

У стойки тоже шла беседа, только тихие слова до нас не долетали. Но один чекист согласно кивал другому.

Паша подумал, вздохнул горестно и сказал:

— С такими кентами-анархистами пропасть не пропадешь, но горя хапнешь...

Застывший, как жаба, Кадыр ожил. Оказалось, что он вполне деловой человек, заговорил тихо и серьезно:

— Я знаю, у тебя остались связи в Кемерове, Барнауле и Новосибирске. Мне нужен рынок сбыта. Иди в долю. Учитывая твои заслуги перед общаком и знакомства, для начала поставим на Бишкек.

Паша взглянул на сине-малиновых проститутток. Но они не слушали Кадыра. Одна дремала сидя, уронив голову на

грудь. Другая, усиленно моргая опухшими веками, пыталась цепкими пальцами высечь огонь из зажигалки.

— А где Яша? — вдруг на правах нового друга спросил Кадыр.

— Подался к луководам-корейцам, — ответил Паша.

Кадыр кивнул. Все должны понять, что он одобряет поступок Яши.

— На поливные рейсы? — спросил хитро.

Бармен поставил колонки на стойку и включил магнитофон. Заливистая киргизская мелодия естественным образом закончила наш разговор. Это понравилось Кадыру. Он устал. Неизвестно откуда пилили они с Пашей, но Рыбачий никак не могли миновать, а до него километров двести. Долгий день, долгий разговор; необходимость сидеть на пластмассовом красном стульчике с ограничивающими простор подлокотниками, которые подперли бока Кадыра.

Он прекрасен в своем древнем мужском величии, похож на борца сумо или ожиревшего богдыхана. Я даже залюбовалась им, но кургузое кресло впившееся в зад Кадыра, привнесило в его облик комичность.

Итак, разговор окончен. Кадыр поспешил встать первым, при этом со значением хлопнув себя по коленям.

Мы все вышли. Темный воздух пах снегом. Кадыр с девицами направился к корпусу, а мы с Пашей остались на берегу.

Сели на скамеечку.

— Ну, как ты, держишься? — спросил Паша. — Не страшно было с этими? — Я поняла, что спрашивает про чекистов. Хотела рассказать, но он положил свою ладонь на мою:

— Подожди, — сказал.

Послушали тишину. Она слизывала нашу дневную суету, как душ грязь. Сквозь нее проявились только глухие удары волн Иссык-Куля о берег.

— Очень устала? — опять спросил Паша.

Я подумала, прислушиваясь к себе.

— Не знаю. У меня какое-то общее онемение организма. Я уже ничего не чувствую и не воспринимаю.

— Это хорошо, — сказал Паша. Он встал со скамейки и поднял меня за локоток. Мы побрели по ступеням к причалу, свернули направо и пошли вдоль берега. У озера еще немного света осталось, луна подсеребрила поверхность воды. А берег черен. Я подумала, что на территории санатория кругом глаза, и Паша меня хочет увести подальше, в уголок поукромнее. Мы романтически прогуливались вдоль воды, и вдруг раздался тихий свист. В заливчике, под кустами, белел катерок, а в нем сидел Яков Михайлович.

— Вот те раз! — начала я весело.

Но раздалось таинственное:

— Ш-ш-ш! — И оба парня приставили указательный палец к губам.

— Что задумали-то! — Шутливо, по-заговорщицки я округлила глаза.

— Уезжаем. — Паша подтолкнул меня к катеру.

— Куда?

— На ту сторону Иссык-Куля. Там нас ждет машина пограничников. Они подбросят нас в горы. Талибы подступают к границам. В Таджикистане боевики оживились. Пограничникам не до нас. Уйдем в горы. Все очень хорошо складывается. Мечта, а не обстановка. А в Киргизии нам оставаться больше нельзя. На нас началась шакалья охота. Нас ищут менты. Ищут общаковые. Скоро осень. Перевалы окажутся под снегом. Уйдем на озеро Сон-Куль. К чабанам. Уйдем ровно, у меня все готово к экстренной эвакуации. Зиму проведем на Сон-Куле. Это можно посчитать за отпуск. Я договорился и уже заплатил, будет прилетать вертолет, чабанам продукты возить, и нам подбросит. Рыбаков навестим. Полгода быстро пройдут. — Паша обнял меня за плечи и в глаза заглянул, улыбаясь. — Я надеялся на помощь министра внутренних дел — все-таки он был «родом» из нашей Конторы. Но из сообщения по радио узнал, что его в конце концов «сожрали друзья и коллеги». Больше нам в Киргизии делать нечего.

— А потом что? — спросила я.

— Весной, когда о нас уже забудут, уйдем в Афган и дальше. Мне помогут с бабками. Я договорился.

Самое главное было сказано. Яша с Пашей застыли на миг в ожидании. Катер било волнами о берег.

Среда, шесть часов вечера

Стас стоит на втором этаже аэропорта в Бишкеке, выдвинутом над первым в виде плоской площадки. Отсюда видны и кассы, и окошечко регистрации билетов на рейсы. По первому этажу фланирует один из очкариков Стаса — Гришка. Любомир дежурит в городе, у входа в Кадыров кабак «Ак-Жол».

Народу немного, вокзал практически пуст. Потолочные вентиляторы гоняют сухой жаркий воздух. Сквозь мутноватые стекла во всю стену видна асфальтированная площадка перед аэропортом. Она разлинована под стоянку автомобилей. На ней — один микроавтобус и несколько легковых машин. Больше ничего. Чуть подальше от стоянки — трехэтажный дом комендатуры. На торцовой стене дома, прихватывая пару окон, висит огромный рекламный щит. Из пластиковой бутылки во всю пятиметровую длину щита льется кола.

Стас по простоте душевной поддался на рекламу и выпил бутылочку лимонада. Теперь во рту кисло и приторно. Надо спуститься и купить соленой минералки, чтобы убить тошнотворную приторность во рту.

Команда Стаса собралась, чтобы лететь домой. Сегодня днем Стас был в местной Конторе. Звонил Алешке. Тот сказал, что за ним ведется наблюдение, а также его домашний телефон, по-видимому, прослушивается. И еще. Крысиный круг сузился до двух экземпляров.

— Каким образом? — встревожился Стас.

— Не беспокойтесь, Станислав Николаевич. Никаких справок. Никакой информации. Выкладки моей личной логики. А вы знаете, она у меня хромает на обе ноги.

— Хорошо, я понял. Что с «Медеей»?

— Скандал. На холдинг «Медей» подал в суд концерн «Русь» за срыв выплат процентов по кредитам. Под это прикрытие, пока не поздно, можно организовать обыск в офисе. Но без вас мне это не по силам. Вот так. Еще звонил Николай Павлович, очень ругался, обозвал вас цыганом, мотающимся по свету и не признающим никакой дисциплины, стыда и совести. Что формирование отделения, которое вам поручено, фактически сорвано. А что у вас?

— Пока ничего. Девушку мы отпустили. У нее свои планы, и мы в них не входим. Тащить ее за собой опасно. Да и не нужно. Все, что она могла знать, рассказала.

— И что?

— Все то же. Ничего нового. Сегодня в 22.40 по местному времени взлетаем. Под утро будем в городе. Ты позвони, уточни, во сколько самолет приземляется, чтобы встретить нас, а то я боюсь ошибиться, пересчитывая местное время на московское. Билеты у Любомира, а его рядом нет. Подался в «Ак-Жол».

— Куда?

— Да в кабак один. Кадыров клан его держит, там сегодня у Джениша день рождения. Солидные люди приедут. Любомир подумал, что может и Ворон с нашей девушкой прилететь. Пошел полюбопытствовать. Девушка-то фактически сбежала от нас.

— Здорово, — сказал Жданович, — хорошо отдохнули. Четыре дня в Киргизии, а уже к местным кланам подобрались. Как бы там Любомиру голову не оторвали.

— Вот чего я боюсь, но ладно, встречай в аэропорту.

Домой, домой. Дела зовут. С их валом Алешка не справляется.

Самолет поднимается в 22.40.

Вчера Стас с Любомиром приехали из «Синего Иссык-Куля» в серый Бишкек.

Сегодня Любомир свалил в город, ближе к Кадырскому кабаку. Любомир отправился сторожить «Ак-Жол», на всякий случай, может, там сладкая парочка обнаружится. Киргизские милиционеры дали наводку. Сегодня вечером в Кадырском кабаке собирается весь клан, праздновать день рождения Джениша, нового «держателя» наркотрассы Урмата. Самого Урмата нашли вчера вечером пастухи. Заметили скопище воронья, свернули с дороги и обнаружили труп.

Бишкек и Ош кипят. В кланах беспокойство. Очень многие говорят, что в смерти Урмата виноват урус Павлюша. Хотя выгода русского пока не просматривалась. Если только какие-то личные счета.

В общем, бишкекские менты начеку. И Стас, тоже, на всякий случай отправил Любомира наблюдателем, хотя бы наружным, в это интересное место. Время все равно есть.

В четыре Стас с Григорием подъехали в аэропорт. Сразу стало ясно, что делать тут нечего. Пузанова, естественно, не просматривалась. Тишина, народу практически нет.

Время в безделье тянется медленно. Стас походил по второму этажу, спустился на первый. Порылся в брошюрах на столике в углу. Все на киргизском. Только путеводитель на русском. Его-то Стас и купил.

Пришел с улицы Гришка. Он подходил к автобусу, который только что прибыл из города. На рейсовом автобусе подъехали к месту работы служащие аэропорта и бабка с пирожками и яблоками. Бабка направилась на привычное место у скамеечки, которая стояла под жилистым деревцем с мелкими листочками.

На улице очень жарко. Воздух в тени жег и сушил кожу до волдырей. Стас почувствовал себя цыпленком в духовке. Его белая кожа хорошо справлялась с морозом, но не с солнцем.

На втором этаже, ближе к вентиляторам, было легче. Разворачивая на ходу карту Киргизии, Стас поднимался по ступенькам на второй этаж.

Зазвонил мобильный в кармане. Это мог быть только Любомир.

Стас вытащил трубку телефона.

— Да.

— Станислав Николаевич, не поверите, Паша появился.

— Да что ты! А наша девушка?

— Ее пока не видать.

— И что?

— Ничего пока. Паша, правда, показался мне странным. Вроде как пьяный.

У Стаса сжалось сердце. Но нет. Обознался Любомир, сидит там небось в кустах, видит плохо.

— Паша не пьет никогда.

— Может, накололся? «Винтом» своим.

— Может. Но у «винта» другой эффект. Ты поглядывай пока. А на чем он приехал?

— Не заметил, Станислав Николаевич. Из-за угла вывернул. Может, там машина стоит. Сбежать посмотреть?

— Сиди пока на месте. Не мог он Пузанову оставить в машине перед «Ак-Жолом». Она где-нибудь с Яковом Михайловичем отсиживается. А как Пашу встретили?

— Пропустили безоговорочно. Там два борца сумо у входа стоят. Но как только Паша прошел, засуетились, еще два охранника откуда-то взялись и вслед за Пашей в кафе спешат.

— Куда полез, черт драный! Следи. Сам не суйся. Отойди подальше от кабака. От дверей и окон. А то заденут. А лучше приезжай сюда, еще за тебя переживать... Ой! Ай! Что делается!

— Что?!

— Пузанова! Пока.

Пузанова только что просочилась сквозь стеклянные входные двери. Григорий ее засек. Взглянул вверх на Стаса, тот жестом «нет!» показал. А сам побежал по ступенькам наверх, забежал на балкон, руками за ограждение схватился и голову свесил.

Пузанова медленно шла, внимательно глядя под ноги, будто искала монету. На ней был странный, синтетический, фиолетовый с розовыми цветами халат до пола. Халат не застегнут, под ним, слава богу, надеты шорты и футболка. В руках девушки, кроме пирога, купленного, по-видимому, у бабки, что торгует у входа, ничего нет.

Девушка приобретать билет не спешила.

Пошла было налево к аптечному киоску. Остановилась. Свернула направо, к книжному лотку. Опять остановилась. Пошла прямо и села в кресло. Руку с пирогом положила на колено. Застыла.

Григорий прошел к книжному лотку, купил газеты, сел на кресло рядом с Пузановой, раскрыл газетку. Все. Движение в зале прекратилось. Все фигуры застыли, как на фотографии.

Стас со своего поста наблюдал за автостоянкой и подходом к залу.

Минут через пятнадцать приземлился какой-то самолет, Стас слышал нарастающий рев и в нем гулкое объявление по-киргизски. Несколько десятков человек прошли по залу к выходу, и опять все замерло.

Стас посмотрел на часы. Восьмой час. Пришел автобус, подкатило несколько автомобилей. Дети забегали по залу. Пузанова очнулась и откусила первый кусочек от пирога. У Стаса в кармане зазвонил телефон.

Стас отошел в глубь балкона, чтобы Пузанова не увидела и не услышала его, взял трубку и сказал свое начальственное «да». Тяжелое, грузное, хотя чаще всего голос у Стаса, тенорский, юношеский.

Любомир тоже заговорил не своим голосом, испуганным и детским:

— Станислав Николаевич! Я не мог раньше позвонить, у меня телефон отобрали и документы.

— Где ты?

— В отделении, где! Тут такое было! Всех замели. Я метрах в двадцати пяти на скамеечке у фонтана сидел, и то взяли.

— Что случилось?

— Сейчас выйду из отделения и все расскажу.

— Езжай уже, какие рассказы!

— Да тут такое... Девушку как же, бросить? Вы сами летите. А я...

— Девушка тут, передо мной сидит, с левого бока ее Григорий подпирает, делает вид, что газеты читает. Так что с таким соседом ей мало что грозит, разве что ранний брак. Ну, ты давай выходи скорее. Помощь требуется? Нет? Правильно. Не след нам к мафиозным разборкам на чужой территории примазываться. Ты давай доложи в двух словах и приезжай.

Стас нажал на кнопку.

Через пару минут звонок.

— Да!

— Паша сломался.

— Что?

— Видимо «намазался» «винтом» с ханкой, взял АКС и пошел в «Ак-Жол».

— Это мы уже знаем...

Любомир вещал трагическим, с хрипотцой, голосом:

— Открыл огонь по посетителям кафе. Вызвали по тревоге наряд. Паша отстреливался, автоматной очередью снес

одному парню голову, прямо на моих глазах. Потом направил ствол «калаша» в себя.

Трубка замолчала.

Несколько секунд молчал и Стас.

— Приезжай немедленно, — сказал он.

Любомир опять мелким, старушечьим голосом возобновил перечень событий:

— В кафе положил девять человек, да того мальчишку милиционера, да...

— Немедленно, — тихо, с нажимом сказал Стас. — Пока не очухались. Уходим ровно.

Нажал на кнопку телефона. Спецслужбы и здесь не дремлют. Наверняка прослушивают переговоры Сеницына по мобильному.

Стас покачался с пятки на носок. Дурак Ворон. Ну и дурак! Какой-то уголовный пафос. Войдет в анналы. Впрочем, не тот человек, хотя внутреннюю истерику, перенапряжение Стас в нем почувствовал.

Каково было направлять в себя ствол «калаша»! Не пистолет, к виску приставил и — хоп. Тут вдавить в живот надо, Стас руку протянул, примериваясь. Хотя живота Ворон не нажил. Руку вывернуть... Наверное, пополам разорвало.

Отдает чуть сладковато-тухловатым запахом истерической уголовной лирики, хотя... Поступок достойный. Девчонку спас. Наверняка она бежать, умница, отказалась. Ворон ее спас напоследок. Иначе, ей бы житья не дали. Поиски Паши начали бы с нее.

Ой! Двое мужиков пополнили зал.

Сеницын поспешно спустился и занял кресло справа от Юлии. Гриша посмотрел поверх газеты на Сеницына, но промолчал.

Пузанова сидела, уставившись в точку на полу, и медленно жевала сухой пирог. Сеницын заглянул в оттопыренный карман ее халата. Похоже на паспорт и деньги. Синего авиационного билета не видать. Время восемь. Билеты в кассе есть, но все равно лучше пока отсидеться. Тем более что безопаснее отойти от входа и посидеть где-нибудь вне вокзала. Тут сейчас все может случиться. Мафики прибегут, еще кто.

А тут: в сторонке, в тенечке, на вечернем ветерочке...

Интересно, что сказал Ворон Пузановой.

— Юля, здравствуй, дорогая, — елеиным голосом начал Стас. — Сердце чувствовало, что придешь. Я ведь недаром тебе сказал: рейс в среду и пятницу. Думал, мало ли что... Вдруг надумаешь.

Молчание. Но жевание прекратилось.

— Дома бабка ждет, малыш. Зудин уж давно в городе. Тоже вот, себе места не находит.

— Данилке в первый класс идти, — подхватила Пузанова, — кроме меня, вести некому. Родители выбрали простой путь, а я из-за них пошла по сложному...

Тише, тише Юля, не надо впадать в истерику и искать виноватых.

Стас перебил поспешно:

— Тренировки возобновятся... Ребят тоже жалко бросать. Зудин старый, обленился, скакать не может. А такого класса тренера в клубе больше нет...

— Если Данилку бросить, отдадут в детский дом. Хотя позже можно было бы его взять с собой. Но это через год-два. А малыш только духом воспрянул, и опять его с ревом, плачем из родного дома вытаскивать и насильно в казенный засовывать.

Вот, молодец. Недаром чемпионка.

— Не выдержит, сломается, — вдумчиво покачал головой Стас.

Опять наступила минута осмысления.

— Ворон справится, он взрослый, сильный. Все равно не сможет без меня, объявится.

Стас покивал, соглашаясь.

Юля продолжала, переживая утрату:

— Полгода вместе могли бы быть. Дальше не знаю уж как, а эти полгода точно бы он никуда не делся. Сам сказал. Жили бы в горах с пастухами, пограничники бы охраняли от бандюг. Продукты вертолет бы привозил. Там есть такое озеро... Сон-Куль, кажется. В нем вода фисташкового цвета, даже страшно купаться, такого неестественного цвета, будто там одна химия. На самом деле просто раствор минеральных солей. И вода очень полезная. В озере много рыбы.

Вкусная. Можно было бы купить пищевой фольги и запекать ее в горячем песке под костром...

Стаса напугали причитания, грозившие перейти в истерику. Сейчас, только дождутся Любомира, быстро покупают билет Пузановой, и вон отсюда. В зал еще парочка мужиков прибыла.

Пора закругляться.

— Но эта романтика безмолвия быстро бы надоела, — более холодным тоном сказал Стас.

— Я была бы с Пашей, — возразила Юлия. — Самое главное в его присутствии, чтобы ничего другого не было. А нас все время разводит в стороны. Я так устала жить без Паши! Я...

Любомир! Ну, слава богу, а то девица вот-вот разрыдается.

— Вон твой Любомир идет, волновался все за тебя. Весь Бишкек обегал. Здравствуй, Любчик. Заждались. С нами тут Юлия время коротает, про горы рассказывает. Посиди пока, я к ларьку за успокаивающим сбегаю.

— Не надо, — сказала Пузанова слабым, исплаканным голосом. — Мне Паша недавно укол сделал. Сказал, до утра хватит. Чтобы больше никаких таблеток не принимала, если вы предлагать будете.

Мужчины переглянулись.

— Он тебя до аэропорта довез? — спросил Стас.

— Нет. Паша сказал, что до аэропорта он меня не сможет довезти, на рейсовом автобусе безопаснее всего. Посадил на автобус, а сам... Без меня...

Здорово ее накололи, она то ли со сном борется, то ли с грядущей истерикой. Но что-то с ней не в порядке. Впрочем, Паша фельдшер и большой специалист во всяких психотропных средствах, не мог повредить своей девочке.

— ...в Мургабский погранотряд. Его на вертолете подбросят в горы. Нас там ждут пастухи... Там такой рассвет...

Пузанова буквально валилась с кресла. Стас с Григорием подхватили ее под руки и поволокли из зала.

— Дурак, — сказал Григорий, — чего он ей вколол? А если бы она в автобусе уснула?

— Ты не знаешь Пашу, — голосом Пузановой сказал жестокий Стас. — У него все рассчитано, она должна отключиться как раз на наших руках.

Любомир тащился позади. Взгляд его остекленел. Им легко. Они не видели, как за полминуты один человек снес другому голову автоматной очередью, а потом направил ствол в себя.

Любомира качнуло. И он поспешил к аптечному лотку.

Глава 9. Привет Егор Егорычу

26 июля, 2000 года

Среда, девять вечера. Улица Октябрьская, дом 12

У первого подъезда остановились оранжевые «жигули». То Жданович прибыл домой. Неторопливо проверяет двери, окна и запирает машину. Входит в подъезд, через минуту на кухне третьего этажа пятиэтажного дома зажигается свет, хотя еще очень светло, но, возможно, хозяин любит яркое освещение. Занавесок нет, шторы не задернуты. Видно, как хозяин ходит по кухне, открывает полки, закрывает, в общем, весь в домашних хлопотах.

Из темной машины у соседнего подъезда вышел мужчина, солидный, хорошего роста и округлых форм. Мужчина двигался очень быстро. Он подошел к оранжевым «жигулям», молниеносно открыл их и уселся на переднее сиденье. «Жигули» качнулись, как детские качели.

Секунд десять мужчина пробыл в машине, наконец, передняя дверь «жигулей» распахнулась, показалась голова... но дальнейшее движение тела прекратилось. Около двери стоял не менее солидный мужчина и ладонью правой руки надавил на затылок вылезавшего пассажира «жигулей», тормозя его выход из машины. Слабая вспышка фотоаппарата. Еще одна. Правая дверца распахнулась, туда сунули фотоаппарат и сделали еще один снимок.

Второй солидный мужчина караулил у левой дверцы первого, а правую дверцу распахнули двое только что подошедших людей. Щелкнула и зашуршала кинокамера. Под ее оком мужчина на переднем правом сиденье вытаскивает кассету, только что вставленную в стандартное оборудование для прослушивания. Кассету показывают объективу, тот, шурша, несколько секунд рассматривает ее. Премонстрировали и подслушивающее устройство.

Подошел Жданович.

В полном молчании защелкнули наручники на первом солидном мужчине и провели его до темной машины, стоящей у третьего подъезда. Машина бесшумно отчалила от обочины, проехала вдоль дома и выехала на проспект. Жданович сел на свою оранжевую лошадку и поскакал вслед.

27 июля, четверг.

Улица Октябрьская, дом 11

Стоит этот дом напротив дома, где живет Жданович. В раннее, звенящее воробьями июльское утро к дому подъезжает темная машина. Трое молодых мужчин, один в комбинезоне и с чемоданчиком, другой с кинокамерой, а третий в красивых золотых очках, подходят к телефонному щитку у дома.

Тот, что с кинокамерой, начинает снимать, как человек в комбинезоне открывает красивый плоский чемоданчик с инструментами, вынимает ключики и универсальную отвертку и, орудуя умело ими, распаивает дверцу щитка. Виден слой разноцветных кабелей и проводов. Молодой мужчина в очках, приблизив голову к щитку, с тонкой улыбкой рассматривает это хитросплетение.

Кивает, и человек в комбинезоне продолжает свое дело. Он вынимает из чемоданчика специальный плоский прибор и осторожно, медленно водит им вдоль проводов. Камера снимает.

Вдруг на специальном приборе загорается красная кнопка. Камера сдвигается и фиксирует кнопку. Юноша в очках тонкими пальцами, осторожно раздвигает слой проводов, объектив придвигается ближе,

— Закладка, — говорит Любомир, поддевает пальцем и показывает объективу бляшечку. — Жучок.

В пятницу днем к зданию ФСБ подошла девушка. В КПП ее уже знали, она сюда приходила несколько раз. Любомир, ожидавший в фойе, встал, подошел, подал руку и провел через вертушку посетительницу, как барышню через ручей.

Девушка очень молода, бледна, с выправкой и статью профессиональной спортсменки. Начальник охраны, кругленький, маленький майор с хитрыми, заплывшими глазками, подмигнул. Любомир поднял бровь, в знак того, что намек понял.

Он провел девушку на первый этаж, в кабинет Ждановича. В кабинете сидели Стас и Жданович. Оба сортировали какие-то документы на столе.

— Как всегда, в пятницу, — сказал Стас. — Вечером никого не будет в здании, все разлетится по огородам, как грачи.

— А кто нам нужен? — спросил Алексей.

— Все может случиться в жизни молодого человека, — странно ответил Стас.

И закричал, увидев Юлю:

— А вот и моя умница! Ну, как? Посвежела, посвежела. Прекрасно выглядишь. Чему очень рад. Как бабуля? Братан?

— Все хорошо, — тихо ответила Пузанова.

Позавчера Любомир возил ее в деревню. Бабка, разъяренная тем, что внучка пропала без объявления, согнув кулачок, ткнула ее больно костяшками в лоб, чтобы впредь было неповадно пропадать. Потом спохватилась и, ахнув с досады на себя, спрятала кулачишко в фартук: позади дылды-внучки стоял очередной, невиданной красоты жених. Светлые волосы курчавы, очки блестят, и ростом, и статью — всем вышел.

Сидели за столом. Бабка с радостью отметила, что Юлька взрослеет, не кривляется и не вертится на табурете, как юла. Сидит, молчалива, бледна, холодна. Жених и с того бока подсказывает, и с этого, а ей хоть бы хны. Молодец!

Данька за лето вырос и тоже повзрослел. Не лезет на шее виснуть у сестры. Сел рядом, завел светский разговор про морковь, которую с совхозного поля стырил. Бабка ругалась, что своей некуда девать, и заставили бедного Даньку за жадность всю эту морковь съесть в один присест. Данька начистил себе моркови ведро, залез на печку и весь день хрумкал, как заяц. Потом всю ночь сидел на толчке.

Любомир прихлебывал теплое топленое молоко и вежливо слушал.

Бабка испугалась, что сейчас ей от Юльки за брата достанется, загромычала у печки, доставая сковороду срочно к приезду гостей пожаренной печенки.

Даньку недолго удерживали светские рамки. Он забылся, забрал к себе левую руку сестры, играл с ней, перебирая пальчики, поцеловал и ладошку, и запястье. Юля руку отняла. Посмотрела отрешенно, сказала «птенчик мой», в затылок поцеловала, и вправду пахнувший цыпленком, и опять погрузилась в свои холодные раздумья.

«Анна Каренина!» — с восторгом про Юльку подумала старушка и с гордостью посмотрела на Любомира: «Так их, Юлька!». Такой она внучку видела впервые и поражалась переменам в ней. Видно, дело серьезное и ставки высоки, раз Юлька так переменялась.

По виду Любомира можно было прочесть, что он хоть на всю жизнь готов здесь остаться.

Бабка опять сбегала во двор посмотреть машину. Красивая! Ярко-красная!

Довольная бабка бросилась в дом раскладывать печенку по тарелкам и поливать ее сметаной.

Это было в среду, а сегодня, в пятницу, Стас спросил:

— Как бабуля? Братан?

И Юля ответила, все так же погруженная в холодный раствор своих мыслей:

— Все хорошо.

— Юлия Аркадьевна! — Стас давно сидел, перебирая документы, устал и заработал прыжок со стула. Стас хлопнул себя по коленям, вскочил и пробежался по кабинету. — У нас новые фотографии появились, не посмотрите?

Юля томно, тонкою рукою повела по столу, открывая ладонь. Жданович вложил туда пачку цветных фото.

Машины, дома, люди. Люди стоят, идут, разговаривают. Знакомые улицы, незнакомые. Вот желтая машина, из нее выглядывает испуганный мужчина средних лет.

Юля небрежно бросила фото к уже просмотренным, но Алеша остановил ее руку. Фото опять вернул на место во главе пачки в ладони.

— Не узнаете?

— Нет.

— Ну, тогда дальше.

Стас и Любомир встали позади сидящей девушки и вместе с ней рассматривали знакомые им фотографии. Юля быстро пролистала глянцевые карточки. Несколько раз видела Макса. Не верилось, что его уже нет. Макс сидел за столом в компании незнакомых людей. Вот Макс и с ним двое мужчин идут по людной улице города. Но, кроме Макса, ни одного знакомого лица.

— Все? — спросила Юля. Надо скорее закончить дела, в три электричка. Все продукты уже куплены, но до дома пилить на маршрутке минут сорок, да дома собираться, да до вокзала полчаса. То есть, чтобы успеть, отсюда надо выйти в час, а времени полпервого.

Она терпеливо переждала минутное разочарованное молчание сотрудников. Потом посмотрела на часы. Часы классные, в золотом корпусе, но взор сотрудников Управления не приковали. И на жест девушки мужчины в комнате не реагировали. Сидели в молчаливом разочаровании, соображали, что еще можно сделать.

— У меня в столе есть пачка, показать? — спросил Жданович Стаса.

— А там что?

— Сборная солянка. Отобрал ненужные, брак.

— Пусть смотрит. Вреда не будет.

— Любомир. В левом ящике. Принеси.

Любомир вышел.

Стас сказал:

— Кстати, Юля, мы ведь до сих пор не знаем, что произошло с Максом. Он просто пропал. Бесследно. Жена уверена, что он жив.

— А может и жив.

— Да нет, какое там... В том лесу полно болот, спрятать тело нетрудно. Жена тешится, ей так легче пережить. Но пора оформлять пособия и различные выплаты... Ага, вот и Любомир.

Любомир положил на стол белый пакет.

Юля взяла первую фотографию и застыла с ней. Долго смотрела. Ничего не сказала, отложила в сторону. Мужчины настороженно замерли.

Девушка просмотрела все фотографии, еще две отложила и вернулась к первой.

Взяла ее в руки и сказала:

— Я его знаю.

— Но Юля! — вскричал Стас, — тебе же Чекова показывали сотню раз! Уже три дня, как ты на него смотришь! Вся в своих мыслях... А я тут три дня, как дурак, время теряю.

Девушка очнулась. Вся томность с нее слетела.

— Где? — сказала она густым от обиды голосом. — Где ваш Чеков, покажите.

— Вот, — Стас бросил первую же фотографию.

— Где? — с нажимом повторила девушка.

Стас ткнул пальцем.

— Я его знать не знаю, и знать не хочу. Я говорила про другого. — Юля взяла свою фотографию и ногтем показала на человека, стоящего за Чековым. — И вот, и вот.

Она показывала пальцем на неприметного человека средних лет: он все улыбался на фотографиях и держался ближе к Чекову.

Стас быстро взял все три фото, прошелся вдоль длинного стола и сел во главе. Взял трубку телефона со стола Ждановича сказал в нее зло и громко:

— Илья! — И запустил трубкой в аппарат. Она села косо. Стас и не подумал поправлять. Поправил Любомир. Каким-то образом Стас умел подбирать сотрудников так, что они прямо-таки мазохистски ухаживали за своим начальником. И не по расчету, а по любви. Они считали начальника странным, но талантливым чудачком, которого нужно опекать и защищать от людей недалеких и насмешливых, неумных, не способных разглядеть Стаса. И эта была своего рода мода, шутливая игра, распространившаяся по отделению и уже выходящая за его рамки.

Вот и Илья прискакал поспешно, подчеркивая свою готовность служить. Он подбежал к Стасу и встал слева от него, изогнувшись вопросительно.

— Кто? — взревел Стас, тыкая пальцем в фото.

Илья молчал смущенно.

— Кто? — повторил Стас Пузановой.

Но на Пузанову с ходу не наедешь. Сотрудником Стаса она не была и никаких мазохистских чувств, а также робости к нему не испытывала.

Тон Стаса ей не нравился, она ответила громко и густо, на весь кабинет, да еще губой дернув презрительно:

— Не знаю.

Потом поправились: Все-таки дело серьезное, не дворовая игра в амбиции. Сказала чуть тише и с некоторым почтением, все-таки дядька в отцы годится:

— Не помню, видела, но не знаю где. Лицо очень знакомое. Но вы меня сами сбили. — Пузанова холодными пальцами уперлась в горячий лоб: — Где же я его видела?

Стас опять отвлекся от девушки на бедного, не угодившего Илью. Сказал, как отрезал:

— Быстро!

— Обед же. В пятницу ...

— Еще быстрее!

Илья кинулся на выход.

Девушка мяла лоб пальцами.

В дверь вновь заглянул Илья. Он трусливо, пальцем, показал Любомиру на фотографии. Любомир осторожно вытянул парочку из трех, оставив Пузановой одну для размышлений, а две другие подал Илье.

Голова Ильи пропала в проеме двери, а дверь тихо затворилась.

Стас подождал еще немного и сказал:

— Ну, выбор невелик. Роттердам?

Заминка.

— Нет.

— Сочи, 1998 год?

Молчание.

— Нет.

— Ну-ка, поройся в памяти, вот ты приехала из Сочи.

Осень девяносто восьмого...

Молчание.

— Что молчишь?

— А что говорить?

— Вспоминай вслух: вот я приехала из Сочи... Говори, говори, говори... Ничего заранее не обдумывай, не умничай, просто вспоминай. Закрой глаза, если мы мешаем.

Юля посмотрела на часы. Времени час дня. И здесь оказались крайними старики и дети.

— Что опять? — спросил Стас.

— В деревню на электричку опаздываю.

— Ох, делов-то!

— Меня ждут. Я в электричке подумаю. Можно взять фото?

— Нет, — сказал Стас. Вроде негромко, а сквозняком повеяло в комнате. В голосе чувствовался лязг запираемых засовов. Личина веселого, либерального чудака спала, показался железный Феликс.

Подчиненные выпрямились, но нашу девочку не испугаешь. Зудин недаром заслуженного тренера получил, да и Пузанова не зря ему, потом и кровью, заработала это звание. До психологической подготовки и бойцовских качеств девушки начальнику 220-го отдела далеко. Зря он интонациями играл. С юношеским хамством и презрением к субординации, Юля смахнула тренированной кистью фотографию Стасу. Она пролетела через весь длинный стол, и только гряда телефонов ее задержала.

Стас как пощечину получил. Но надо было сдержаться, и он сдержался.

— Будем работать, — сказал он спокойно, — столько, сколько потребуется. Сегодня крайний срок — конец недели. А потом я лично отвезу тебя в деревню. Итак...

Договорились. Девушка мгновенно успокоилась, опять обхватила пальцами лоб. Сосредоточилась. Стас показал на нее глазами двум своим сотрудникам и знак восклицания взглядом поставил. Дескать, учитесь!

— Я приехала из Сочи, — начала Пузанова, — привезла с собой бутылку с клеем, которую дал мне директор гостиницы Мамедов... Кстати, что с ним?

— Не смогли вменить, — тоном «не отвлекайся» сказал Стас.

— Естественно... И еще одна бутылка была у нас в городе, ее привез Козырев, но не отдал тому, кому она предназначалась. Я должна была обе бутылки отдать племяннику Мамедова, который от имени своего дяди орудовал в нашем городе. Как он?

— Уже выпустили.

— Естественно, — кивнула Пузанова. — Мы с моим новым другом Витей съездили за город, на дачу, где Козырев прятал свою бутылку, и привезли ко мне домой. Как здоровье Витька?

— По-моему, два с половиной года осталось. Спроси у Ильи, он знает.

— Талантливый был химик...

— По-видимому, да. Дальше.

— Витек подвез меня на машине к подъезду, было очень холодно, он остался в машине, а я поднялась к себе за второй бутылкой, что привезла из Сочи. Витя сказал, что за пятнадцать минут сумеет съездить в Институт химии, он рядом, две остановки. Ему надо было отдать курсовую работу. А я за это время хотела кофе попить.

— Далеко за бутылкой ездили?

— Да. За город.

— Куда?

— Неважно.

У Стаса на лице нерв дернулся. Но он смолчал.

— Больше я Витька не видела. Встретились уже в Бресте. Но вы смотрели эту пленку...

— Да.

— Витя с бутылкой пропал. Поехала к Мамедову-младшему одна. Он ругался, страшал. А через два дня приехал ко мне домой и сказал, что хозяин его, Глеб, не помню дальше как... А что с Глебом? — спросила Юля обеспокоенно. Глеба-то она боялась больше всех остальных.

— А что? Имя наверняка вымышленное. Где мы его должны искать и как? Ни Мамедов, ни Виктор Смирнов его якобы не знают.

— Ну-ну. Короче, поехали мы с Мамедовым к Глебу объясняться. Это было за городом, около городской помойки. Там какое-то автотранспортное предприятие или гараж, я не поняла.

— Ремонт грузовых автомобилей. Кузова по заказу. ООО «Решение», — уточнил Стас.

— Да. Была почти ночь, нас пропустила вахтерша. Нашли ее?

— Нет, конечно. Там ночью только охрана. Все мужики. И то, среди них ни одного, кто бы работал полтора года назад. Сейчас ведь, чтобы налоги уменьшить, берут людей по договоренности, без трудовой. Найти концы практически невозможно. Человек есть, а бумажки на него нет. Человек ушел, концы в воду, хозяин не признается.

— Ну, так вот. Там никого не было. Только Глеб с двумя друзьями. — Голос Юлии сел.

— Что? — спросил Стас встревоженно.

Юлька потерла пальчиками лоб, закрыла глаза и вспоминала:

— Там были: я, Мамедов, Глеб, подруга Глеба, то ли наколотая, то ли пьяная, бездыханная, на диване валялась. Один друг Глеба, второй друг Глеба, он еще мне симпатизировал. Мы ели шашлыки. Шашлыки жарили на улице. Шел снег, было очень холодно. На улице горел яркий костер из ящичков. Пламя было яркое, длинное, до второго этажа. Я посмотрела в окошко. У огня стоял костровой и жарил свиные ребрышки. Они были очень вкусные. Их вымачивали в мякоти гранатового сока и лука...

Юлька звонко хлопнула ладонью по лбу.

— Это костровой!

Стас больно стукнул себя по ляжке:

— Yes!

Жданович и Любомир испуганно посмотрели на начальника и девушку: они явно были созвучны.

— Вот Юля, — с восторгом толковал Стас, — вот, из-за этого крошечного воспоминания, вот из-за него, из-за того, что ты полминутки постояла у окошка и увидела лицо кострового, ты должна была поплатиться жизнью. Что же это за костровой такой? А? Что с Чековым запросто так под ручку ходит!

— А кто этот Чеков?

— Вот видишь, дорогая, как дорого стоят лишние знания! — с восторгом сказал Стас. — Круг замкнулся, — добавил он зловеще. — Нас этот костровой еще и к дяде Глебу приведет. Вот она и цепочка: Чеков, костровой, Глеб. Где? Где Илья?! — истошно завопил Стас.

— Иду! — послышалось далекое в коридоре, и в кабинет влетел Илья: — Я узнал.

— Юля, иди, детка домой! — сказал Стас.
— Щас! — сказала девушка. — Я на электричку не успеваю.

— Что за оказия, создатель!

— Я подброшу Юлю, — вызвался Любомир.

— Нет уж. Я обещал, я и отвезу. А ты езжай пока на маршрутке, детка. Собирайся. Через часик-два я буду.

— Так вы адреса не знаете, — не отступала подозрительная Пузанова.

— Я? Не знаю адреса? Там половина моего отделения у подъезда дежурит. Денно и ночью. Так что я в курсе всех твоих событий, дорогая. Ну, ступай. Я свое слово держу. Жди.

— Пока, — сказала Пузанова и двинула к выходу.

— Так, — сказал Стас, как только закрылась дверь.

— Это была чистая случайность... — начал Илья.

— Прекрасно, дальше. Подробности расскажешь за чаем Любомиру.

— Лешаков Алексей Викторович.

— Прекрасно. Кто такой?

— Помощник депутата Госдумы от партии «Дуб». — Илья выдержал паузу. — Менеджер холдинга «Медея».

— Какой такой менеджер?

— По поставкам. Надо думать, информации.

— Глеб продавал информацию «Медеи», которую покупал у этой фирмы Чеков? — спросил недоуменно Жданович.

— Нет! — заорал Стас, — это начальник двести сорокового отделения, Петр Сергеевич Чеков, продавал сверхсекретную информацию «Медеи», которую в нашем случае покупал некто Глеб. И подобных эпизодов было немало! Вон они, на фотографиях выстроились. Мы просто так, аналитически выделили Чекова, чисто по личностным характеристикам, фотки нащелкали, чтобы посмотреть, что за люди, с которыми он за ручку держится, и вот пожалуйста. Вот оно! Предательство! Иуда! Начальник двести сорокового отдела договаривается с менеджером холдинга, которому вменяется незаконная оперативно-розыскная деятельность! Раз! «Медея» фактически финансирует деятельность партии «Дуб», два. Изобличена в изготовлении фаль-

сификатов, то есть подделки документов, которые существуют в ФСБ. Вы посмотрите! Вот! Справка! — Стас вытащил бумагу из пачки, которую они с Ждановичем с утра сортировали:

— Читаем: «Физическое устранение, шифр имени и смета рядом; засадные действия, шифр, смета; снайперские варианты, шифр, смета; прејскуранты цен на оружие, радиозапись разговоров...» и так далее. Вам ничего не напоминает? Это же двойничок нашего ведомства, стиль его и терминология. Все от нас. Видимо, не один Чеков тут помогает.

— А почему тогда...

— Беликов с Максом уничтожили свои документы, теперь не понять, как они вычислили «Медео» и Чекова. Вероятно, Пузанова показала на дядю Глеба, и личность его удалось установить. Глеб вывел их на менеджера, а менеджер на Чекова. Как-то так. Или они близко подошли к Чекову, заинтересовавшись «Медеей». Так или иначе, Чеков почувствовал грядущую опасность. Он объявил «Медее», что ею вплотную занялся отдел Беликова, и у них есть какой-то компромат. Представляете, сколько может стоять такая информация: кто в ФСБ занимается холдингом «Медео»? Уж не тридцать сребреников Чеков получил. Ну, сволочи! Всех вас!

Голос Стаса звякнул люстрой.

— Жданович!

Алеша на носочках подбежал ближе к начальству.

— Докладная записка по холдингу «Медео». Разрешение на обыск. Подготовишь оба эти документа за два часа.

Жданович щелкнул каблуками и пропал.

— Любомир!

— Я тут, Станислав Николаевич!

— Установить личность Глеба. Езжай куда угодно, хоть на городскую свалку. В понедельник доложишь.

— Илья!

Илья дышал в ухо начальству, тем не менее сделал движение, будто еще ближе придвинулся к нему.

— Организуй мне телефонный разговор с Николаем Павловичем. Но только не сегодня. И еще. Бронируй на всякий случай билет на самолет до Минвод. На Любомира. Но не

раньше вторника. Вперед. Так, подожди. Что ты так быстро скачешь? Я уезжаю в деревню с Юлькой. За меня Жданович. Все. Нет! Подожди. Ждановича пришли.

Через полминуты вошел Жданович.

— Денно и ночью! — сказал Стас подняв указательный палец кверху. — Лучших людей. И Гришку с Любомиром привлеки.

— Чеков? — губами спросил Жданович.

— Да!

— Понял.

— Я буду завтра утром.

Вторник, 1 августа

Николай Павлович открыл папочку, поданную Стасом. Полистал бумаги. Одну взял в руки и внимательно прочитал от начала до конца.

Стас вытянул голову, чтобы рассмотреть бумагу, заинтересовавшую генерала. Так и есть, справка, подготовленная Ждановичем о деятельности холдинга «Медея».

Прочитав, генерал положил листок, взялся за конверт с фотографиями, посмотрел небрежно, бросил в папку, рассыпав. Взял следующую бумагу. Фактически это был донос на Чекова.

Генерал похолодел, взглянул на Стаса. Этот взгляд был призван уничтожить доносчика, которому на Руси, как известно, первый кнут. Но Стас был готов к этому. У него была своя философия. Он считал, что, пережив Сталина, Россия чрезмерно боится доносов, а это очень плохо. Этим благородством умело пользуются те, на которых как раз и надо доносить добропорядочным гражданам.

— Что вы мне подсунули? — сказал генерал. — Где хоть одно доказательство, кроме справки, что Чеков в мае ездил отдыхать в Анапу, а в мае отдыхать в Анапе плохо, потому что там в это время дожди и шторма. Это что за ахиня!

— Можно, я по порядку?

— Не надо! Мне нужны только факты. Вы что, Станислав Николаевич, себе позволяете? Это недостойно русского офицера! Семь раз отмерь, один раз отрежь! А вы с ходу человека чернить!

— Вы же понимаете, Николай Павлович, этих фактов у меня не будет никогда. Тем более что менеджер по продажам холдинга «Медея» Лешаков, тот которого узнала Пузанова и единственный кто мог показать на Чекова, был сбит машиной на прошлой неделе.

— Да? — склонил набок голову генерал. — Оперативно. Но это же все равно не доказательство. За уши притянуто! Как, кстати, ваша «свидетельница», жива? Нашли-таки? Правда, что ее пытались зарезать?

— Все правда. Я бы гроша не дал за жизнь девушки, рано или поздно, но и она список пополнит. Жалко, не дал ей бежать с Вороновым. Вот, кстати, еще один. В том смысле, что еще одно имя в списке жертв...

— Слушайте, Станислав Николаевич. У меня мало времени. Вы там у себя на кафедре научились играть понятиями, как кубиками. Где? Где результат проведенной работы? Я обещал лично курировать операцию «Свидетель», все полномочия были у вас. А что вы выдаете? Бесформенное месиво, справки, фотографии. Я не вижу специалиста, все это очень непрофессионально. Кустарно. Вы полмесяца ездили по лермонтовским местам, в курортное, кстати, время..

Стас не дрогнул.

— ...интуиция, еще там что-то. Идите и работайте. Дорабатывайте. Кстати, дело «Медеи» не входит в вашу компетенцию.

— Я все материалы отдал соответствующему отделу.

— Хорошо. Дело Беликова и Макса расследует...

— Я отдал все материалы, что имел.

— Прекрасно. А вы занимайтесь своим делом. А Чеков... Я подумаю... Возможно, действительно надо за ним последить, но это тоже не ваше дело.

— Слушаюсь.

— Раскладывайте агентуру и занимайтесь своим делом. Заканчивайте формирование отделения, и вперед. Вот так будет грамотно. А то за одно хватаетесь, за другое... И все недоделано, не доведено до ума.

Стас поник головою.

— Притворщик, — подумал недурак генерал, но добывать своего подполковника не стал. — Действительно, вот

папка. Интересные документы. Но где факты, где?! Человека обвинить в предательстве, в убийстве товарищей — это не шутка. Для этого надо очень весомые основания. Личностные качества им не понравились. Детсад!

— Николай Павлович, я прошу у вас еще полминуты.

— Продолжайте.

— Я, опять-таки, только предполагаю, что Пузанову заказали Егору Егоровичу Иванову.

Генерал молчит. Но его терпение рассчитано только на тридцать секунд.

— Иванов — бывший начальник подразделения А-22.

Генерал перевел внимательный взгляд на Стаса. Тот продолжал:

— Я человек новый. Меня полковник не знает и никогда не скажет, кто заказал Пузанову. Вот если бы вы спросили...

— Хорошо. Что еще?

— Все.

— Вы свободны.

Четверг, 3 августа

Егор Егорыч только что пристрелил своего лучшего селезня, сломавшего неведомо где лапу. Селезень красивый, черно-белый. Жена Егора Егорыча была против того, чтобы пристрелили птицу, она хотела вылечить сломанную лапку и уже собственноручно выточила ножиком палочку для наложения шины.

Она вышла во двор с выстроганной палочкой и полоской полотна, оторванной от старой простыни. Вышла, а тут он и лежит на бревне перед домом. Раскрылился, лапки торчат из белоснежного пуха. Толстую, длинную шею свесил с бревна.

Жена Егор Егорыча затряслась, побросала палочку и полотно и, сказав: «А-а-а!», закрыв фартуком лицо, побежала в дом.

Егор Егорыч этого не видел. Его не было на дворе. Он стоял за калиткой, его позвал молодой человек, высокий и симпатичный, правда, к сожалению, в очках.

Молодой человек показал документы. Егор Егорыч едва взглянул, продолжал водить бруском по лезвию ножа для

разделки птицы. Голову чуть склонил, дескать, слушаю, продолжайте, но вы меня пока не заинтересовали.

Молодой человек говорил тихо, но горячо, в меховое ухо Егор Егорыча. Тот сначала прислушивался, потом терпение потерял: «Нет. Мне нечего сказать!», калитку открыл и пошел на двор, молодого человека не приглашая.

Молодой человек был неприятно навязчив, он бросился вслед хозяину и схватил его за руку. Это уж совсем против правил. А молодой человек сказал, уже громче:

— Прямо сейчас позвоним Николаю Павловичу. Он предупрежден и ждет звонка.

Еще вчера вечером Егор Егорыч тосковал и чувствовал себя несчастным оттого, что не у дел. А сегодня в ответ, как бес прислал этого... Любомира, кажется.

— Ну, что? — спросил Егор Егорыч. — Звонить Николаю Павловичу?

Молодой человек не испугался. А обрадовался. Сказал: «Да».

— Я буду звонить только по тому номеру, который записан у меня, больше ни по какому.

— Хорошо, — сказал молодой человек.

Они пошли в дом. Егорыч взглянул на заплаканную жену. Она отворачивалась и терла фартуком глаза.

В прихожей, на тумбочке, стоял старенький телефон с диском. У Любомира был чемоданчик со специальным прибором. Хотел было замерить напряжение на клеммах, чтобы проверить, прослушивается телефон или нет, но побоялся еще больше раздражить сурового Егорыча.

Егорыч сходил в комнату, вернулся с записной книжкой. Тут приоткрылась дверь и показалась голова жены. Она как раз созрела для выяснения отношений. Но Егорыч взялся за ручку, и дверь невежливо закрыл, чуть не прищемив нос женщине.

Включил свет в полутемной прихожей. Вытянул трубочкой губы. Полистал книжечку, нашел номер и принялся накручивать диск.

На том конце трубку взял дежурный.

Егорыч назвал фамилию генерала.

Ожидаемого замешательства не было. Только несколько тихих щелчков. Определяют номер звонящего.

- Кто спрашивает? — поинтересовался офицер.
- Полковник Иванов Егор Егорович. Из Майкопа.
- Ждите, — ответили ему.

Тихое шуршание и щелчки в трубке слышались не меньше минуты.

- Кто спрашивает? — повторил женский голос.
- Егорыч опять назвался.
- С вами говорит генерал, — сказала женщина.
- И тут же генеральский бас:
- Слушаю.

Тут Егорыч растерялся. Он не ожидал, что его так оперативно соединят. И ему ничего не надо от генерала. Это Любомир затеял. И что говорить? Чушь!

- Разрешите представиться, полковник в...
- Егор Егорыч?
- Да.

- У меня к вам вопрос. Вы знакомы с полковником Чековым?

- Да.
- У вас в мае был с ним разговор?
- Да.
- Передайте мне его содержание, пожалуйста.

Егорыч застыл. Вот тебе и пенсия!

- Чеков приехал после предварительного звонка и сказал, что располагает сведениями, что некая Пузанова, занимающаяся контрабандой наркотиков, передала неким заинтересованным структурам ...

- Каким?

- ...Чеков не сказал, но объяснил что некой организации, занимающейся сбытом и транспортировкой наркотиков, Пузанова передала информацию о Беликове и Максе, будто у них готов материал на эту структуру. Он привез фотографии, где Пузанова стоит с людьми в камуфляжной форме. Я узнал Брест...

- Подождите. Чеков сказал, что Беликова и Макса выдала Пузанова?

- Да.
- Так, продолжайте.

- Чеков сказал, что для суда у него доказательств нет, хотя сведения достоверные. Что надо прекратить разруши-

тельную деятельность Пузановой немедленно и отплатить за смерть товарищей. У меня не было причин не верить полковнику Чекову, начальнику...

— Что сделали вы?

— Я? Организовал устранение Пузановой.

— Вы знаете, что Пузанова жива?

Молчание.

— Да...

— Егор Егорович, я прошу считать капитана Любомира Дмитриевича Литовского моим представителем. Он у вас сейчас?

— Да.

— Разговор продолжит он. До свидания. Успехов.

Четверг, 3 августа

Густой бас в телефонной трубке:

— Станислава Николаевича.

Илья положил трубку на стол, вышел из своей комнаты и вошел к начальнику, тот подписывал документы.

— Вас Николай Павлович спрашивает!

Стас схватил трубку.

— Николай Павлович!

— Здравствуйте. Вот что. — Генерал помолчал. — Так что там со «Свидетелем»?

— Девушку нашли, за ней ведется наблюдение.

— Я не об этом, об операции в целом. Должен быть результат, а его нет.

Стас молчал недоуменно.

— Вы, Станислав Николаевич, все философствуете. Истины устанавливаете. Вам, философу, важнее истины ничего нет. Чужими руками жар загребаете. Абстрактные мишени какие-то. Не забывайте, что вы военный человек, чекист, офицер!

Молчание.

— Простите, Николай Павлович, я не понял.

— Нельзя поразить мишень, не выстрелив, — видите вы и меня своей философией заразили.

— Так что же? Стрелять?

— Раздавить! — рывкнул генерал и кулаком по столу хватил. То ли трубку бросил, то ли от генеральского удара

по столу контакт нарушился в телефонном аппарате. Только вслед за этим последовали короткие телефонные гудки.

25 августа, в пятницу народ повалил за город на дачи. Чеков ехал к себе в Шишкино. Не очень веселая поездка. Как Пузанова говорила с экрана: «Предательство — предмет роскоши, потому что дорого обходится своему владельцу».

Дело затянулось и с ним Чеков «нажил не один геморрой». Это уже выражение собственной жены, зубного врача.

Девка жива, и для Чекова представляет мину замедленного действия. Но убрать ее сейчас ни сил, ни средств не хватает. Бросить дело на самотек?

Внутри Чекова словно зажглась красная лампочка, как индикатор того, что в его жизни не все благополучно.

А вот и село показалось. Шишкино стояло на холме, в старину тяготели к возвышенностям. Машина Чекова прокатилась вдоль села, на повороте по склону притормозила. Чеков осторожно повел машину. Рытвины и ухабы, в любое время года глиняная жижа. Куры лениво вставали прямо под колесами с насиженного места и шли, не торопясь, в сторону.

Приехали. Дома никого. Жена работает по графику, будет завтра.

Аккуратный Чеков покрыл машину тентом. Побрякивая ключиками, пошел в дом.

Майкоп. 30 августа

— Егор Егорыч, мы ваш привет Чекову передали.

— Как это выглядело?

— Все оказалось просто. Наставили два «Макара» с глушаками. Идрис, он говорить умеет, принялся рассуждать. Дескать, у тебя есть выбор, бери свой «Вальтер», там одна пуля. Тебе хватит. Зато сына не загадишь, ведь он тоже в органах, семью от всяческих неприятностей оградишь. Люди скажут: умер с почетом, застрелился по какой-то своей причине. Записку, если хочешь, оставь. А нет, так... Конеч, все равно один, сколько веревочка ни вейся. Так и так.

Чеков было дернулся. А Идрис говорит: «У нас три лучших снайпера было. Паша — вообще чемпион по скоростной стрельбе. Теперь Яша стал лучшим, а я на второе место передвинулся. Так что, красивый первый вариант, который мы для тебя по доброте душевной придумали, отпадет. Тем более что одной пули на двоих не хватит, и опять тот же конец выходит, как ни крути.

Чеков — ничего мужик. Начальственным басом рявкнул по-командирски: «Из какого подразделения, ребята?». Я говорю: «А-22, товарищ полковник». Он аж подпрыгнул, как обцифренный.

Сразу у него настроение испортилось. Говорит: «Разве вы еще функционируете?». «Как видите, товарищ полковник». «Тогда передайте от меня привет Егор Егорычу, достойный человек!».

Молчит. Мы не торопим. У нас время было. Семь минут мы отвели Чекову. И двадцать минут останется до ближайшего автобусного рейса.

«За что, хоть скажите. За Беликова?».

А Идрис все унять не может. Да и то сказать, надо перед смертью человеку на все его вопросы ответить. Вот Идрис и отвечает подробно: «Не знаю Беликова, и мне на него на... А вот за Пашу ответить придется. Я, как услышал, думаю, лично кончу гада. Но Яша у нас добрый, с принципами. Уговорил тебе поблажку дать...».

И пошел, и пошел. Я такого вообще не слышал, не то что от нашего поэта. А он складывает так ладно. Этот Чеков под аккомпанемент Идриса себя и кончил. Дуло к виску, и все. А я еще крикнул ему, дураку: «Записку!».

Аккурат в семь минут уложились.

— Пиво горькое, — сказал Егорыч.

Они втроем примостились за пивнушкой, в акациях. Там земля покрыта мелким мусором и шкурками от соленой рыбы. Сели на упавший, но живой ствол акации. Дерево свыкло с тяжестью и вполне процветало. Сидеть на пружинящем стволе было удобно, уместились все трое.

— А дальше? — спросил Егорыч.

Теперь заговорил Идрис:

— Яков Михайлович наш вдруг к старости окончательно на лирику перешел. Стоим на остановке, ждем рейсового автобуса, а он говорит...

— Да будет тебе!

— ...А он говорит: «Поехали к Юльке, совсем ведь рядом будем. Соскучился. А больше такой возможности не представится. Она рассказывала, что работает в спорткомплексе «Россия». Найдем мигом».

— Я ему: «Ты что, спятил? Убит полковник ФСБ. Будут опрашивать население. Кто-нибудь да вспомнит, что в этот день два незнакомых азиата в деревне околачивались. Да Пузанову в этот же день по всему спорткомплексу два азиата разыскивали. Сопоставят. Юльку твою — на крючок. Нет уж. Не люблю Центральную Россию. На каждом повороте постовой. Вокзалы ментами кишат...».

— Правильно, Идрис.

— Да и не люблю я эту девку. Гонора выше крыши. И Паша из-за нее...

— Хорошо. Так, значит, вы свое оружие не задействовали?

— Нет.

— Молодцы. Все очень грамотно. «Макарий» при вас?

— Да...

— Сдавайте оружие.

Идрис повернулся назад, пошарил за стволом, подцепил синюю спортивную сумку, вытащил оттуда тяжелый целлофановый пакет и подал Егорычу.

— Берите, не жалко, у нас этого добра...

— А где берете-то?

— Да это с тех еще времен. Когда Советская Армия перестала существовать, на складах ракетно-артиллерийского вооружения остались русские прапорщики. Теперь у них, знаете, какие дачи да коттеджи понастроены? Дворцы.

— А что за оружие покупали?

— Да все. Гранаты Ф-1, тротилловые шашки, взрыватели, огнепроводные и детонирующие шнуры, патроны, приборы бесшумной стрельбы, автоматы...

— Ну, добре, вояки.

Егор Егорыч выплеснул остатки пива под ствол акации. Поставил на черную, замусоренную землю кружку. Выта-

шил из внутреннего кармана пиджака два конверта, подал Идрису. Сказал:

— Контора благодарит за службу и вам премиальные прислала, — протягивает конверты Идрису.

— Так мы на службе?

— Конечно. Вас опять двое, старшим назначается Идрис. Связь будем держать по прежней схеме.

— А Паша сказал: вне закона.

— А закон, как известно, что дышло...

Идрис принял конверты, один подал Якову Михайловичу.

Егорыч спросил:

— Как Пашу похоронили?

— А как его похоронишь? — ответил Идрис. — Менты его соскребли с асфальта и увезли. Вот и все похороны.

Помолчали, поминая.

— Ну, Паше и одной могилы хватит, — сказал вдруг Егорыч.

— Как это?

— А есть у него уже могила, разве вы не знаете? В Грузии, недалеко от Трехкрестового. Две могилки, Паши и его девушки, Юлии Пузановой. Наш парень ездил, смотрел. Все точно.

— Это тех, из Пятигорска? — Яша покачал головой. — Значит, Паша знал, что там засада. А я еще подумал, что это он перед своей девчонкой выламывается... А он... Ну, ясно.

— Ладно, засиделись! — Егорыч встал и потряс онемевшей ногой. Забрал пакет. Кружку за него подобрал Яша.

— Теперь вы куда?

Идрис:

— Я Паше обещал помочь бабки выколоть. Займусь этим пока. Если удастся, вашей Юльке вышлю. Через вас, Егор Егорыч. Поможете?

— Деньги пристроить — не проблема. А ты, Яков?

— А я куда? К луководам-корейцам.

— В Фергану? Давайте. Счастливого пути!

— До встречи, Егор Егорыч, — дружно ответили ребята.

Егорыч пошел к вокзалу, на электричку, косолапя по-кавалеристски, драный красный пакет держал под мышкой, а ребята заказали по кружечке пивка и вернулись к акации.

— Ну, за здоровье!

12 сентября, вторник.

10 часов утра.

Жданович Илье:

— И что теперь? Это философия у него новая такая? Мне говорил поминутно: «Работа — лучший способ наслаждаться жизнью». А на той неделе только два раза вовремя пришел.

— Ничего, через неделю будет приходиться вовремя. Целых две недели.

— А ты почему знаешь?

— Работа такая. У меня на столе под стеклом — расписание командировок и выездов Пузановой на весь учебный год. На следующей неделе едет с младшей группой в Рыбинск на сборы.

Жданович остолбенел. Комментировать посоветился. Странно взглянул на Илью. Но все же не удержался и спросил тихо и недоуменно:

— А это как-то связано?

Вроде опять шорох послышался. Илья выглянул.

Станислав Николаевич вешал ветровку на крючок.

— Добрый день, Станислав Николаевич!

— Доброе утро, Илья. Что нового?

— Хорошие новости, Станислав Николаевич.

— Приятно слышать, Илья. Что?

— Установили личность Глеба.

Стаса хватил столбняк.

— Да что ты!

— Подполковник МВД в отставке Глеб Михайлович Русаков.

Стас и подскочил на месте:

— Есть! Это конец. Уж этот от меня не выскользнет. Этот — уж точно наша компетенция. А то все наши разработки по отделам растащили. «Медею» одному, Беликова — другому. Но Русакова не отдадим! Покряхтит отставничок, любитель марафета. Ждановича! — истошно завопил Стас.

— Я здесь, Станислав Николаевич! — по-дворцовому отчеканил Алеша.

Из дневника Пузановой:

«Он все-таки нашел меня. Он нашел меня в моем сне. Я знала, что все так и будет. Паша не сможет долго без меня.

И все-таки!

Каким мучительным было это ожидание!

Как тянулось время, высасывая терпение, жизнь, сок! Сколько томительных бессмысленных дней!

Но мгла вдруг сгустилась. Ожила,дохнула теплом, заколебалась, словно тень от пламени свечки, я обернулась и увидела Пашу.

Я увидела Пашу и в очередной раз удивилась, как я могла так долго жить без него!

Он был, как всегда, тощим, бледным, усталым.

— Пашка! — сказала я с укором.

Темные глаза с болью смотрят на меня.

— Почему не звонила? — спрашивает он.

— А куда! — закричала я с обидой.

— Я очень далеко, — тихо говорит Паша, — можно ли быть дальше, а, Юлька?

— Что ты так говоришь, будто умер! — опять беспокойно закричала я.

Паша молчал жутко, даже во сне я почувствовала, как моя сердечная мышца сильно сократилась. Это была не моральная боль, а вполне физическая.

— Я тебя не хоронила, — сказала я. — Почему ты так говоришь? Ты же не посмеешь сдохнуть без меня!

— Если бы ты меня похоронила, как бы я тебя нашел, а, Юлька? Я хочу, чтобы ты мне позвонила. Понимаешь, я хочу, чтобы ты мне позвонила!

Я стала смеяться. Сердце согрелось и успокоилось. Стало тепло и даже жарко в моей маленькой ледяной спальне.

Да разве может быть холодно возле Паши?

— А ведь ты искал меня. Я сразу это почувствовала! Так как же, а? Ведь ты советовал мне держаться от тебя подальше. А сам каждое утро дежуришь на верхней лавочке на стадионе!

Если бы Паша умел смеяться, он бы сейчас рассмеялся. Но смеялись его глаза. Они стали узкими и блестели, как тонкое стальное лезвие.

— Я и завтра утром приду, — говорит.

Вдруг я почувствовала, как он торопится куда-то.

— Ты уходишь?

— Да, к сожалению.

— Все бегут, — продолжала я, и губы мои вздрогнули и приготовились расползтись в плаче, — а для меня время будто остановилось.

— К сожалению, нет, малышка, — ответил знакомый мужской голос, но не Пашин, — время бежит и для тебя, и, может быть, даже быстрее, чем тебе бы хотелось!

В темноте, в отсвете уличного фонаря от белой кирпичной стены в окне напротив, проступали знакомые контуры спальни. Но в голове еще горело и путалось, еще звучал во мне голос Паши...

Я тяжело вздохнула и повернулась.

Душно, плохо...

Утром встала, не пойму, где сон, где явь. Бросилась к телефону, Паше звонить, как он просил. Застыла перед аппаратом и лихорадочно вспоминаю номер! Вот так.

Забросила Данилу в школу, и бегом на тренировку.

С утра солнышко сентябрьское. Травку на газоне подстригли. Взяла ребятшек побегать по стадиону, заложили первый круг, я уже про сон забыла и вдруг вспомнила, что во сне Паша обещал прийти.

Поднимаю голову... Аж споткнулась и чуть через голову не перелетела. На верхней трибуне Паша сидит. У меня сердце ухнуло и, как молот, застучало. Когда второй круг побежали, я прищурилась посмотреть. Точно, Пашка! Такой же невысокий, худощавый. Он ведь! Я с беговой дорожки сошла, подошла к скамейкам и голову задрала.

— Ворон, ты? — кричу.

А он встал и спускается ко мне. И по мере приближения из Паши трансформируется в этого... в Стаса.

Нельзя... Нельзя так!

Я попятилась и вернулась на беговую дорожку. А тот сел на переднюю скамеечку, и пока разминка не кончилась и мы не ушли в зал, так и сидел на ней».

АЛЕКСАНДР КЛЮЧЕНКОВ

ЯЩИК ПАНДОРЫ

РАССКАЗ

Н

елепый случай произошел с Алексеем Ивановичем Скворцовым. Его угораздило покалечить похожий на танк серебристый джип, который Витек Захаров, по прозвищу «Колыма», купил всего пару недель назад.

В то утро Алексей Иванович проснулся позднее обычно. Открыл на кухне окно, подышал ядреным весенним воздухом и решил подлечить солнышком цветок юку, порусски — пальму, который им с Анной Никитичной подарили на память внук Андрей с женой Мариной перед отъездом на жительство в Америку. Он притащил из большой комнаты тяжелый горшок с цветком. И когда, оторвав его от живота, нацелился поставить на подоконник, правая нога, подпорченная на фронте осколком от фашистской мины, подломилась в колене...

Заваливаясь на спину, Алексей Иванович попытался спасти цветок, толкнув его от себя. Горшок шкрябнул по железу оконного откоса и полетел вниз с пятого этажа. Через пару секунд раздался глухой удар и визг. «Неужто на человека?.. Господи, спаси и сохрани», — взмолился Алексей Иванович, пытаясь подняться. У него это не получалось, не хватало сил. При падении он ударился головой о ножку стола. Боль ослепила, не давала продохнуть. Он клял последними словами стариковскую немощь, цепляясь ватными руками за стул, за ребра батареи, взобрался-таки на подоконник...

От увиденного еще больше окатило дурнотой. Верхушка пальмы торчала из развороченной крыши автомобиля, к которому наперегонки бежали ребятишки. Подтягивался и пьяненький с утра сосед Николай с первого этажа, в недавнем прошлом ювелирный слесарь-лекальщик, а ныне безработный. Николай увидел в окне Алексея Ивановича, поднял руки над головой, сцепил ладони в замок, замахал ими. Отловил паузу в визге сигнализации, закричал:

— Так их, дядя Алексей! Круши бан... — И закаменел с открытым ртом, потому что из подъезда вышел хозяин автомобиля. Вытянул руку, и визг прекратился.

Но к машине Витек подходить не спешил, видно, опасался. Одну иномарку у него сожгли вместе с ракушкой еще лет восемь назад. Вторая взорвалась недавно, в конце марта. Витек тогда дверь открыл, заметил то ли растяжку, то ли саму гранату. Плюхнулся под заднее колесо мордой в грязь. Это его и спасло.

Новую тачку он стал парковать прямо под своими окнами, на палисадничке. Никто ему за сломанную оградку, выдернутые кусты шиповника и слова не сказал, не нашлось смелых. Посудачили, позлобились друг на друга и утомонились.

Витек все-таки обошел, осмотрел джип, поманил к себе пальцем пьяненького Николая. Тот ожил и сразу стал указывать на открытое окно пятого этажа.

Алексей Иванович машинально отпрянул, потом устыдил себя за трусость, снова высунулся, махнул рукой, мол, поднимайся. Открыл замок на входной двери, сел за стол, проглотил таблетку нитроглицерина. Дышать стало легче...

...Витек вошел в квартиру с опаской, дверь оставил распахнутой. Высокий, жилистый, стрижен коротко, взгляд через прищур. Одет во все светлое. Рубашка белее снега, расстегнута почти до пупа. На шее золотая цепь. Заглянул в комнаты, спросил:

— Бабку свою закопал, что ли?

— Типун тебе на язык. В больнице она, операцию перенесла. Ко Дню Победы обещают выписать.

Витек еще раз прошелся по квартире. Заглянул в платяной шкаф, в туалет, в ванную.

— Никого там нет. Никаких киллеров не ищи, — усмехнулся Алексей Иванович. — Я это... уронил цветок. Случайно. Хотел его на солнышко выставить. А нога, зараза, подвела.

Витьку усмешка не понравилась. Сверкнул глазами сквозь прищур, как два шила воткнул. Прошел к окну. Долго стоял молча, о чем-то, видно, думал. Потом повернулся, сказал без зла, равнодушно:

— Налетел ты, старикан, на большие бабки. По собственной дурости. Сколько моя тачка стоит, знаешь? Больше ста штук зеленыю... Есть у тебя в наличке такие бабки?

— Гробовые вон отложены... Двадцать пять тысяч рублей. Больше нету. — Алексей Иванович виновато пожал плечами, предложил: — Возьми...

Но Витек будто и не слышал предложения. Еще раз окинул взглядом кухню, приказал:

— Из дома не выходить. Жди решения, вояка хренов. Я найду...

И ушел. Входную дверь не прикрыл...

...Витек жил этажом ниже, прямо под квартирой Алексея Ивановича, в такой же трехкомнатной, только переделанной по-богатому. Казус с машиной его не сильно огорчил. Давно мелькала мыслишка о хате в двух уровнях. И вот теперь появился шанс. Достал мобильник, ткнул в кнопки...

— Здорово, адвокат. Ты где? Вопросы задаю я, ты отвечаешь, усвоил? Умница... Пулей ко мне на хату. Грохнули мою тачку. Да, новый «мерседес». Звони участковому. Все его дела — побоку. Скажи, что я настоятельно прошу. Иначе снова будет одни макароны жрать. Аслана из нашего авто-сервиса тоже сюда...

И еще. Сделай распечатку из базы данных все по квартире сорок восемь. Надо мной... Право собственности, кто прописан и прочее... Жду. — И отключился.

Витек знал, что его команды будут выполнены точно и до буквы. Тех, кто переспрашивает, непонятливых он около себя не держал. За невыполнение порученного по любой причине наказывал жестоко. В их делах даже маленькая неувязка может стоить больших денег, а то и большой крови.

За свои тридцать пять лет Витек повидал всякое. Его били, и он бил. Его не раз пытались смахнуть с дороги, и он не шадил.

Слабых презирал. Признавал силу. Никогда никому не жаловался и никому до конца не верил. Он, еще будучи пацаном, понял: у кого власть — у того и деньги, у кого деньги — у того и власть...

После школы пытался поступить в Торговый институт, но пролетел. Батя кого-то из приемной комиссии подмазал, но, видно, не очень жирно. Сама идея торгового диплома принадлежала предкам. Дед Семен всю жизнь проработал на складах. Даже на войне выдавал продовольствие. В сорок пятом, перед самой Победой его придавило ящиками с тушенкой. Полежал в госпитале, и его отпустили домой. На гражданке пристроился по специальности. Ушлый был. К какому-то победному юбилею дед долго хлопотал, ездил в Подольский военный архив, нашел свою фамилию в списках раненых того госпиталя. И ему дали орден Отечественной войны, красную книжечку участника и разные льготы. Квартиру хорошую получил...

Отец закончил Торговый техникум. Дорос до директора овощного магазина. Любил гульнуть с молоденькими продавщицами. Ревизия, недостача, и два года в местах всяческих лишений. Отбывал срок где-то в Мордовии, а песню после отсидки, когда напивался, пел про Колыму. «Колыматы, Колыма, чудная планета. Двенадцать месяцев зима, остальное — лето...» Его и прозвали «Колымой». Кликуха приросла и к Витьку.

Когда с институтом не сложилось, ему тут же вручили повестку из военкомата. Он пытался «откосить» от армии. Но с него запросили серьезную сумму, а где ее было взять?

Везли их долго. Жаркая Фергана, учебка. Через полгода стал оператором-наводчиком боевой машины пехоты. Направили в Афган, война там тогда еще не закончилась. В Ташкенте при посадке на «борт» поддатый майор, возвращавшийся из командировки, вывихнул ногу. Позеленел от боли. Ему предложили остаться в санчасти, он послал советчика на три буквы, пояснил:

— Что обо мне мужики подумают, можешь сообразить?

Витек, случайно оказавшийся рядом, почти на себе затащил майора в самолет, помог разуться. У него у самого в футбольных дворовых баталиях трижды случался вывих. Бабушка вправляла ему ступню.

Витек, не обращая внимания на едкий запах пота, долго массировал ногу майора, уловил момент, когда мышцы расслабились, резко дернул. Майор взвыл, заматерился:

— Салабон! Я тебя... — Встал на обе ноги, сделал к отпрыгнувшему Витьку шаг, другой, спросил удивленно:

— Ты где этому научился?

— У бабушки.

— Во, дает. Знахарь-костоправ. Как фамилия?

Майор тот оказался начальником ГСМ полка, который дислоцировался под Аргуном. И воинская специальность, приобретенная в учебке, Витьку не пригодилась. Его направили служить на склады горюче-смазочных материалов. Очень скоро он осознал, что такое везение выпадает раз в жизни и то не каждому. Дедова молитва до Господа дошла, не иначе.

Недели через две они ожидали колонну «наливников». Но не дождались...

Разведдозор, боевое охранение, саперы — все, казалось, было продумано. Душманы обстреляли колонну, когда ущелья, все опасные участки уже были пройдены. Сначала ударили из гранатометов по автозаправщикам. Факелы поднялись до неба. Потом подбили сопровождающие танки, расстреляли БМП вместе с десантом. На войне даже короткое расслабление стоит жизни. Витек видел остовы сгоревших машин. Еще ужаснее выглядело то, что осталось от бойцов и офицеров. Только вчера они, наверное, травили анекдоты, гоготали беспечно, и все. Уголь и страшный оскал. Витька мутило, но он старался не вдыхать глубоко запахи, помогал собирать и грузить обгоревшие трупы...

И в дальнейшем любую работу, даже самую грязную, он выполнял старательно и без лишних слов. Был вынослив, мог ночь-две не спать. Приглядывался. В армии не только солдаты, но и прапорщики, офицеры все жили по-разному. Одни баловались коньячком, хорошей водочкой из Союза. Другие, вроде бы, и званием старше, а рады были бутылке спирта.

К Витьку тоже приглядывались. Его немногословность начальству нравилась. Стали давать «доверительные» задания: одному пару-тройку канистр бензина в машину поставить, другому отнести пару бутылок спирта, от третьего принять подарок и передать по назначению... У него был принцип: выполнил и забыл. Не видел и не слышал. У самого появились зачатки: спиртик, денежки. Служба катилась себе...

И тут случилось то, что рано или поздно случается с каждым мужиком, — влюбился. От бензиновых паров, от раскаленного солнца началась рвота, голова к вечеру деревенела. Его положили в медсанбат. «Пусть недельку поваляется», — приказал начальник ГСМ майор Богданов Сергей Николаевич, Витьков благодетель.

Здоровье окрепло через пару дней. Теперь голова если и кружилась, так это от прикосновений сестрички Любочки, когда она делала укол. Он не мог оторвать глаз от ее крепких ног, стройной фигуры, высокой груди. Завтра его должны были выписывать. Люба дежурила в ночь. Он предупредил всех воздыхателей, чтоб не выходили из палат, покалечит.

Она заполняла какие-то бланки, журналы. Он сидел, травил байки, отвечал на ее вопросы о Москве, о родителях. Часа в два ночи, когда все уже спали, сказал:

- Люба, я хочу на тебе жениться... Только ты не смейся.
- Ну что ты, миленький. Иди в перевязочную. Я сейчас...

Он ждал ее вечность. Она вошла, повернула ключ в двери, движением плеч сбросила халатик на пол. На груди, на темном треугольничке внизу плоского живота искрились капельки воды, не успевшие высохнуть после душа. Витек оцепенел.

Она помогла ему раздеться, уложила ласковыми толчками на жесткую, застеленную чистой простыней кушетку, прилегла, прижалась всем телом. Кончики пальцев пробежали от макушки к шее, по спине... Его ласкали тысяча рук и столько же одуряюще нежных губ... Она оказалась сверху, со сладостным стоном приняла его первый жар... Снова ласкала, шептала такие слова, которых он никогда не слышал ни от кого в свой адрес. И он снова чувствовал себя

могучим, откликнулся на ее желание, и уже сам подчинял ее себе... А она все больше распалась и творила с ним необыкновенное...

Потом как-то сразу остыла, чмокнула его, будто ребенка, сказала:

— Все, миленький. Одевайся и иди баиньки. Мне тоже надо отдохнуть...

— А как же? — опешил Витек. — Когда мы увидимся? Ты поедешь со мной в Москву?

— Поедем. Обязательно. Ты сводишь меня в хороший ресторан?

— Да. Когда мы увидимся?

— Через неделю. У меня день рождения. Что ты мне подаришь?

— Не знаю...

— Подари денежку, — назвала сумму. — Я куплю себе красивое платье, в котором пойду с тобой в ресторан.

— Правда, пойдешь? В Москве?

— Конечно, глупенький мой.

...Он назанимал денег, принес. И она подарила ему еще два часа любви...

Служить оставалось полгода. Но жизнь его теперь превратилась в ожидание встречи. Он думал о Любе беспрестанно. Не спасали ни работа, ни сон. Ночью он обнимал ее бархатные крутые бедра, входил в жаркое лоно... Когда однажды старший лейтенант-медик высказался о Любе, что, мол, эта гарнизонная б... любит только себя и деньги, Витек бросился на него с кулаками. Их растащили, скандал замяли.

Начал сходить с ума от ревности. Готов был ее убить. Спас случай. Его назначили в команду сопровождения «Груза-200» Перед выездом в аэропорт его позвал к себе в каптерку прапорщик Исмагилов. Они с ним дружили. Он знал про Витька больше других. Сказал:

— Вот пакет. Возьми. К тебе, когда прилетишь в Ташкент, подойдет человек, назовется моим братом. Отдай ему гостинец. Он тебе тоже кое-что передаст, не отказывайся...

По сумме премиальных, которую ему вручил потом прапорщик Исмагилов, Витек догадался, какой «гостинец» он переправил в Союз и что привез оттуда.

Рассчитался с долгами. И ласки Любочки были еще более жаркими, чем в ту, первую ночь. «Только настоящий мужчина способен на риск. Ты самый смелый», — шептала она.

Летал в Ташкент еще пару раз. И оба раза прапор передавал «гостинец». Получал свою долю. А тут и дембель. Исмагилов вручил ему дембельскую сумку. Новенькую, с виду пустую, но с двойным дном и двойными боками.

Витек сознавал, что если он попытается увести весь «товар», а его там было зашито прилично, может головы лишиться. А из-за двухсот граммов, не будут они его в Москве искать — там милиции полно, народ кругом. Надрезал швы сумки, перепрятал два плоских пакета с белым порошком и зашил таким же точно стежком.

Его встретили. В машине он перебрал свой дембельский нехитрый скарб в такую же точно камуфляжную сумку и улетел в Москву. Был уверен, что больше судьба никогда не сведет его ни с прапором Исмагиловым, ни с братом-акробатом. Святая простота. Сколько людей из-за нее страдали и страдают...

...Москва встретила Витьку равнодушно. Дед с бабкой, пока он служил, умерли. Отец с матерью зациклились на строительстве дачи.

— Витя, второй этаж твой. Женишься, внуки будут жить на свежем воздухе. Огурчики-помидорчики без нитратов-пестицидов, свои, — мечтал отец. Мать улыбалась, поддерживала.

Съездил, посмотрел. Шесть соток бывшего торфяника. И зачем горбатиться? Нужна она, эта дача. У него были другие заботы и другие планы. Кому сбыть героин? Каким образом? В скупку его не сдашь. И совета ни у кого не попросишь...

Несколько вечеров шарахался по Тверской, у Большого театра, на Лубянке. Замечал, идет там какая-то своя жизнь. Но лишь только пытался подойти с вопросом, человек растворялся. У Большого его, похоже, зачислили в гомики. Какой-то хмырь начал тискать за колено. А у памятника Пушкину заштукатуренная бабка стала приглашать на кофе... к себе домой.

Удачу он поймал на ночной дискотеке в обыкновенном ДК, в Бескудникове, на задворках Москвы. Там, не стесняясь, курили травку и кололись в кабинах туалетов. Познакомился с Ритой. Она каждый раз приходила под кайфом. Ее доступность, как и остальных девиц, обескураживала. Любились почти на виду у всех. Никого это не шокировало — раскрепощенность полная. Выяснил у Риты, сколько стоит доза. Подсчитал, — он богатый человек. Вернее, может стать богатым. Попросил Риту вывести его на оптового покупателя. Она познакомила его с Русланом. Тот купил дозу на пробу. Позвонил, назначил встречу, сказал, что готов купить любое количество...

Витек, боясь лохануться, пообещал привезти на первый раз граммов двадцать. Приехал к кинотеатру «Ереван», сел в машину к Руслану на заднее сиденье. Через пару секунд Витька зажали с обеих сторон два качка. Один из них рубанул его ребром ладони по глазам, второй защелкнул наручники и натянул на голову мешок.

— За что, пацаны? — придя в себя, спросил Витек.

— Сиди молча, баклан. Иначе пером пощекочу, — был ответ.

Везли его с полчаса. Ввели в дом, сняли колпак. Он успел заметить камин, двух мужчин и получил страшный удар под дых и в челюсть. Отруб полный. Когда пришел в себя, его подняли и усадили на стул. Он увидел среднего роста, с красивой сединой кавказца и старого знакомого — «брата» прапорщика Исмагилова. Сообразил, что жизнь его сейчас и копейки не стоит. Кавказец был похож на Сталина, которого показывают в кино. И усы, и прическа. Только белее.

— Гавари, дарагой... Я жду. — Голос у кавказца был спокойным, с хрипотцой.

Витек сознавал, что одно неправильное слово, и хана. Не увидит он Любочку, не поведет ее в кабак. Посмотрел прямо в темные пронзительные глаза, сказал:

— Весь товар цел. Верну. Дадите возможность, вину свою искуплю...

— И кровью? — усмехнулся кавказец.

— Если потребуется, да.

Кавказец поправил в камине горящие поленья, пригубил из бокала янтарную жидкость, взглянул еще раз, будто рентгеном просветил. Витек не отвел взгляда.

— Понятливый, это хорошо. Товар верни. Несколько доз тебе дадут. Отлаживай сбыт. — И одному из качков: — Помогай мальчику...

Витек понимал, что с этого вечера начинает другую жизнь, опасную. Но сожаления не чувствовал. Коптить небо за жалкую зарплату он не хотел. Без денег нет и не может быть никакой свободы. Голодный думает об одном: как бы пожрать. И еще в глубине души Витек надеялся — придет Любочка. И он повезет ее на дорогой машине в дорогой кабак. Прикажет халдею тащить все, что есть в меню, — сверху вниз и снизу вверх... А потом в гостиницу, в номер люкс... Шампанское, коньяк...

...Телефонный звонок прервал воспоминания. Витек поднес к уху мобильник, встал из кожаного кресла, возмутился:

— Как это нет дома? Я приказал старику ждать. Куда он может свалить? Из-под земли достать. Распечатку сделал? Неси сюда. Мент пусть протокол составляет. Проинструктируй. Что? Ящик водяры и свидетелей — очередь. Поставь задачу и поднимайся.

Распечаткой Витек остался доволен. Читал и комментировал:

— Нормально... Хорошо... Приватизирована... Так... Так... Старуха в больнице...

Что ты сказал? Хорошая мысль. Срок — неделя. Управись за три дня? Лады. Крутись, адвокат...

...Алексей Иванович и не думал никуда сбежать. Когда Витек ушел, попытался осмыслить случившееся. Слава богу, никого не убил... Ограбил? Нет. Витек сам кого хочешь ограбит. Бизнесом он занимается. От его бизнеса сколько людей кровавыми слезами умылось...

После армии пришел, думали, недельку погуляет и на работу. А он в мафию подался, наркотиками стал молодежь травить. Из своего же дома пацанов и девчонок приучил. Сначала на танцуйках им дурь продавал. Потом купил подержанную иномарку. Подъедет вечером к подъезду, сидит в машине, пиво потягивает, закусывает, а пацаны к нему по одному, будто прикурить. Давал в долг, но забирал паспорта. У Федора Симакова из первого подъезда сынишка

школу с медалью закончил, в военное училище хотел поступать. Витек подсадил его на иглу.

Федор мужик тертый, таксист, в армии в десанте служил, предупреждал Витька, мол, отстань от сына. И от наших ребят. А Витек, видно, слова уже перестал понимать. Вот тогда у него иномарка вместе с ракушкой и сгорела.

Федора бандиты пригласили на разборку. Он пошел. С ним еще десятка два мужиков — таксистов. Ребята все здоровые, повидавшие и жулье, и ворье. Стали в сторонке.

Разговор сразу не сложился, не пошел. Бандиты за стволы. А Федор на них: стреляйте, твари. Таксисты стеной на бандитов пошли. И тогда главный бандит-кавказец дал своим «быкам» отбой. Мол, уважаю настоящих мужчин. Долги верните, сказал, и никто ваших сопляков больше не тронет...

Федор тогда продал машину, гараж. Долг отдал, сына подлечил. И отправил его в деревню к сестре в Смоленскую область. Парень выправился, женился там, внук и внучка у Федора.

А два парня и девчонка из соседнего дома так и погибли от наркотиков. Один в тюрьму угодил за разбой и там сгинул. Второй от передозировки умер. А Света, красивая девка, СПИДом заразилась, и руки на себя наложила. Мать ее одна растила, на трех работах вкалывала. В сорок лет в старуху превратилась. Не живет теперь, а мучается...

Один раз Витька арестовали. С полгода его никто не видел. Думали, все, допрыгался. А тут несчастье. Отец с матерью все дачу достраивали. Денег он им не давал. И сам не помогал. Крыли шифером крышу. Уже заканчивали, вели последний, коньковый ряд. Что там произошло, от усталости, может, но Николай, отец Витька, лист шифера не удержал. Тот съехал и рубанул Валентину по затылку. Насмерть.

А Николай, видно, хотел этот лист поймать и тоже загремел. Ударился спиной, повредил позвоночник, обезножил. Мать Витек схоронил. Его на похороны отпустили под залог, а потом адвокаты так все и замяли.

Николая долго лечили, затем то ли в дом престарелых, то ли в дом инвалидов его сын устроил. Живой, нет ли, никто не знает. А дачу Витек давно продал. Себе построил коттедж недалеко от окружной дороги, в элитном месте. Там живет его краля с дочкой. Долго он с ней гужевался: съезжались, разъезжались. Бабенка яркая, но, по всему видно, шалавая. Он с ней еще в армии, говорят, слюбился. А она не очень на него рассчитывала. Когда большие деньги появились, дала согласие. На что позарилась, дурочка. Мужик-то он из себя видный, да ведь бандит, мафия...

Алексей Иванович думал про Витька, и внутри его закипала злость. Из дома не выходить... Раскомандовался... А в магазин кто пойдет? После обеда надо в больницу, навестить свою родню. И что он, заявится с пустыми руками?

Несмотря на то, что на улице было тепло, конец апреля, Алексей Иванович надел плащ, фуражку, не хватало заболеть, и пошел в магазин. Продавщицы его все знали, спрашивали о здоровье супруги, он, как всегда, отшучивался, обещал пригласить всех на столетний юбилей.

Сок, творожок, бутылка минеральной воды... Мимо овощей и фруктов прошел, но вернулся. Купил упаковочку свежей клубники. Дорого, но пусть. На себе потом сэкономит.

К подъезду подошел, а там уже и гаишники, и участковый, и еще какие-то хлыщи замеряют, записывают. Колька — сосед с первого этажа — главный свидетель. С ним еще человек пять таких же «вольных».

На подошедшего Алексея Ивановича все посмотрели как на покойника: мол, хороший ты был человек, но придется тебя закопать. Участковый еще больше посуровел, спросил:

— Гражданин Скворцов Алексей Иванович?

— Он самый...

— У меня к вам несколько вопросов. И протокол необходимо подписать...

— Ты меня, сынок, в граждане определять не торопись. Я тебе пока товарищ. А беседовать пошли в дом. Простите, а вы кто? — спросил Алексей Иванович невысокого полноватого мужчину с остатками кучерявости на голове, который не выпускал из холеных рук небольшой плоский чемоданчик.

— Я адвокат господина Захарова, потерпевшего.

— И вас прошу.

С первых вопросов, с первых минут беседы, а тут еще и Витек заявился, Алексей Иванович понял, что ему хотят приписать попытку покушения, порчу собственности в виде дорогостоящего автомобиля, спланированную заранее...

Никаких протоколов он подписывать не стал. Участковый с адвокатом ушли недовольные. Грозилась: мол, свидетели подтверждают, вы пожалеете...

Витек остался. Ему не нравилось спокойствие старика, тон его ответов. «Не понимает последствий или придуривается, пенек дохлый?..» — думал он. Решение уже созрело, и никакие препятствия Витька остановить не могли. Сказал жестко:

— Вот что, старикан. Денег купить мне новую «тачку» у тебя нет. Так?

— Не наворовал, не умею...

— А платить надо. Выход один: тебя со старухой мы поселим в однокомнатную за город...

— На кладбище? — Алексей Иванович усмехнулся.

— Туда, если не перестанешь из себя партизана корчить, переселится твой внук, хоть он и в Америке. Или правнука твоего у них украдут и продадут на запчасти.

За эту тираду Витек на себя разозлился. Он нарушил один из собственных принципов — не грозить словами.

С той ночи, когда ему приказали вернуть товар и налаживать сбыт, прошло столько лет. Путь из «шестерок» наверх, не все проходят. Он прошел. И скоро будет еще выше, почти у самой вершины. Потому что на всех разборках, «стрелках», он молчал, будто немой. Смотрел на конкурентов и четко отлавливал момент, когда нужно стрелять. Бил первым, и базар разрешался в их пользу.

Еще, если были возможность и время, он перед «стрелкой» проводил утреннюю атаку. У того, кто решался посягнуть на их бизнес, вдруг мать попадала под машину или жена с ребенком угорали на даче до смерти... Или любимую женщину пятеро извращенцев прямо в подъезде насиловали. Заражали какой-нибудь венерической гадостью...

Один сразу ломался, другой от ненависти зверел, но и он был уже не опасен, потому что терял холодный расчет.

На старика тратить силы и мозги было бы просто смешно. Вот Витек и разъяснил ему ситуацию, нарушив тем самым один из своих главных принципов.

И Алексей Иванович в угрозу поверил, побледнел и сник. Витек это заметил, потому продолжил:

— Документы мы подготовим, это не твоя забота. Будете жить на природе, через три дня приедут мой адвокат и нотариус...

— Им не подпишу никаких документов. Сам приходи. А хлыщи твои на улице постоят, — засопrotивлялся Алексей Иванович. Почему в нем зародился протест, он еще и сам не осознал. Спросил: — Кто в моей квартире будет жить, ты?

— Это тебя, старикан, не касается.

— Касается...

— Я. И что?

— Ничего. Тебя хотя бы знаю. Сосед все-таки.

Витек хмыкнул довольно, сказал:

— Знаешь что, старикан. Продай мне свои цацки. Переезд, на лекарства старухе. Хорошо заплачу...

— Какие цацки?

— Что на пиджаке в большой комнате. Ордена Славы... Их два у тебя?

— Два.

— Ну и остальные железки. Хорошие бабки дам...

Алексей Иванович опешил от его нахальства. Спросил:

— Сколько же стоят мои награды?

— Штуку баксов... В рублях — почти тридцать тысяч...

— Деньги хорошие. Подумать надо.

— Думай, старикан. — И ушел. Витек не сомневался, что все будет нормально и с квартирой, и с цацками. Не таких разводил...

...Алексей Иванович понимал, что положение его хуже некуда. Из-за дурацкой случайности может потерять все. Пожаловаться, а кому? Милиция была. Президенту? Только и остается, а то у него других забот мало.

Сыновьям? Старший, Василий, лет пятнадцать назад размазал бы Витьку, как мокрицу. Он после школы поступил в военное училище, стал офицером, мотался по всей стране и по всему свету. И на Кубе служил, и в Египте воевал, в Афганистане — дважды. Орденов больше, чем у

отца. Начальник политотдела дивизии. Приехал поступать в Академию Генерального штаба. А ему предложили поработать в военном отделе ЦК КПСС. Академию ГШ закончил заочно. Стал генералом... А в девяносто первом все рухнуло. Никому он стал не нужен. Работал там, сям, старые товарищи помогали. Потом один инфаркт, второй. Инвалидность. Ему самому уже за шестьдесят, чем он поможет? Дочь Настя с ними живет, с двумя детьми. Семья у внучки не получилась. Вот ей с ребятишками и хотели подписать квартиру.

У Василия еще сын, Владимир. Тоже офицером был. Сократили. Перешел в милицию, в ОМОН. Подполковник. Два ордена Мужества, медаль «За отвагу»... В Чечне раз пять побывал. По три месяца, по полгода. А сейчас в госпитале. Он сам ничего не рассказывает. А подчиненные его рассказали, они у него бывают постоянно, мол, если бы не командир, то мало бы из них кто вернулся из того боя.

Теперь Володя тоже пенсионер. На костылях учится ходить, на одной ноге. Зубы сцепит, и метр за метром. У него тоже сын и дочь. На одну пенсию их не вырастить...

Второй их с Анной Никитичной сын, Александр, работает в институте теплотехники, конструктор, ракеты строит. Раньше институт секретный был. Потом перестройка, ракеты на металлолом. Зарплату платить перестали. Сейчас вроде бы что-то платят.

Сын Александра — Андрей — закончил Бауманский институт, работал в том же НИИ, что и отец. Потом ушел в какую-то иностранную фирму. Познакомился там или еще раньше с Мариной. А у нее брат давно уже в Америке. Слетали в гости раз, два... Ни отца с матерью не послушал, ни деда с бабушкой, соблазнился богатой жизнью, уехал жить в Америку. Не зря говорят, что ночную кукушку не перекукуешь.

Звонит, мол, все прекрасно. Закрытый научный городок, здесь живем, здесь же и трудимся. Сын родился. Назвали Алексом, если по-русски — Алексеем, в честь прадеда.

Так что к детям и внукам за помощью не обращайся: у них у самих забот полон рот. Это Алексей Иванович признавал прекрасно. Да и не привык он взваливать на кого-то свои проблемы. Сам попал в яму, сам и выбирайся...

Зазвонил телефон. Татьяна, жена Василия:

— Пап, ты как себя чувствуешь? Нормально? Что-то у меня на душе как-то нехорошо...

— Да ты что, доченька. Все в порядке. Я бодр...

— Слава богу. Ты к маме сегодня не ходи. Мы с Васей подъедем. Соскучились. Что ей захватить?

— Творожок, соки, воды. Она ругается, говорит, ей ничего не хочется...

— Ладно, разберемся. Мы потом тебе позвоним.

— Хорошо. А я завтра к ней. Володя как?

— Уже в коридор выходит. На костылях. Он сильный, в тебя, пап. Все, целую...

Вторая половина дня прошла в домашних хлопотах, которые Алексей Иванович сам и придумывал. Наводил порядок, что-то подстирал. Думал, какие хорошие все-таки у них с Аннушкой сыновья. И с невестками повезло. О внуках думал, о правнуках. Не просто им будет в этой жизни, ох не просто. Сколько поганого вдруг всплыло. Откуда оно взялось, из каких глубин? На земле нашей столько работы, а люди не знают куда себя деть: дерутся, рвут друг у друга из глотки, убивают того, с кем вчера еще ел один хлеб, заработанный горбом, а не мошенничеством. Куда нас несут ветры шальные и куда прибудет нашу расхристанную лодку, к какому берегу, к кисельному? Или в омут закрутит...

А ночью Алексею Ивановичу приснилась война. И так явственно, ярко. Он обычно старался усилиями воли погасить картинку прошлого, потому что война снилась во всей своей наготе: кровь, смерть, вши... После таких картинок просыпался больным. В старости эта боль не давала нормально дышать днями, неделями.

На этот раз Алексей Иванович, наоборот, всеми силами старался удержать всплывшее из глубины памяти. Он как бы со стороны хотел еще раз увидеть ту ночь и то утро, еще раз удостовериться, что его вины тогда не было.

...Ночной Берлин навевал жуть. Дома, разбитые бомбами и снарядами, зияли пустыми глазницами окон. В оставшихся кое-где ставнях отражалось лиловое зарево пожаров. Уханье взрывов, стрекот автоматных и пулеметных очере-

дей то стихали, то становились непрерывными. На небе, набухшем от дыма, от пыли, ни единой звездочки. Пахло гарью.

На эту широкую улицу они первыми ворвались поздно вечером. Впереди танки, потом батарея сорокапятков — оставшиеся три орудия. Их стрелковая рота, от которой тоже и половины не осталось, прикрывала и танки, и пушки. Из окон разбитых домов то летели гранаты, то фаустники лупили. Приходилось их выковыривать, вышибать из всех углов. На каждое окно снарядов не напасешься, а пехоте чего не пробежаться по этажам, она привычна. По полям, по болотам, по буеракам и лесам бегала. Вперед!

От стены к стене... Что за дверь? Кто там шебуршится? Удар и гранату вовнутрь. Взрыв, вперед... Очередь по всему оставшемуся в живых и дальше... И еще в адовой круговерти не наступить на мину-ловушку, не зацепить растяжку...

Бой стих как-то сам по себе. Впереди путь преградил завал. Пока командиры решали, растаскивать его танками или искать обход, опустилась ночь. Все падали от усталости. Технику расставили по принципу круговой обороны, выставили часовых. Остальным — отдых.

Тылы, понятное дело, отстали. Пожевали солдатское «НЗ», потом водички из фляжек. Алексей Скворцов часа полтора проспал как убитый. А потом его будто ледяной водой обрызнули. Крутился с боку на бок: бесполезно. Сон пропал.

Они с другом Алексеем Кузнецовым устроились на тротуаре, на ящиках из-под снарядов. В дома не пошли, там чужой дух, а на улице уже тепло — конец апреля...

Алексей Кузнецов тоже не спал. Сидел, курил. Лицо его то и дело озарялось огоньком от затяжки самокрутки.

— А ты чего глазами хлопаешь, Скворушка? Спи... Завтра тяжелый день...

— Выспался. Дай курнуть... — Взял из рук Алексея Кузнецова самокрутку, с наслаждением затянулся. — Ничего, Алеша. Войне скоро конец. Вот он, Берлин. Дошли. Понимаешь, дотопали... Ты чего молчишь, все вздыхаешь? Или не рад?

— Знаешь, что у меня из головы не выходит? Мы ведь утром чуть не сгубили тех пацанят. Я ведь кольцо из

гранаты уже потянул. А тут голосок... Ребяенок заплакал. У меня пальцы и свело судорогой...

Утром они взяли дом. Командир роты приказал осмотреть подвал: как бы оттуда сюрприз не заполучить. Распахнули дверь, звуки, шевеление.

Там прятались десятка два пацанят и две женщины. Еще бы секунда...

— Я бы себе этого вовек не простил, — произнес Алексей Кузнецов.

— А наших детей они жалели? — заспорил Алексей Скворцов, чтобы успокоить друга. — Ты вспомни тот концлагерь. Горы детской обуви. Горы... Я как увидел, во мне омертвело все. А наши девчата, которых мы тогда освободили. Одна мне на шею бросилась, плакала, причитала: рассказывала как их голодом морили, собаками травили. Я ее успокаиваю, глажу, а она, представляешь, из одних косточек состоит. Полосатая одежонка, а под ней позвонки и ребра. Дети, девчата те перед кем провинились? За что с ними так-то вот?

— Фашисты, они нас за скотов считают. А мы — люди. Нам так нельзя...

— Это ты прав, — согласился Алексей Скворцов. Хохотнул вдруг: — Фельдфебеля того помнишь? Ты его как долбанул по кумполу, он кувырк. Потом очухался: рус швайн, рус швайн... А мы с тобой тогда на кого были похожи? Будем рассказывать, не поверят...

...Осень сорок четвертого. Немцы выбили их с высотки. А Скворца с Кузнецом, так их звали в роте, контузило и присыпало в траншее. К вечеру они пришли в себя, по звукам пальбы определили, куда наши отступили. Решили к своим выбираться... А тут немцы. Им ничего не оставалось, как забраться в животы убитых лошадей. Их опустошило от внутренностей прямым попаданием снаряда...

Немцы заняли оборону в их окопах и траншеях. Утром бой. Наши выбили немцев лишь во второй половине дня. Фашист в суматохе тоже решил спрятаться за трупом лошади. Тут кулак Алексея Кузнецова его и достал. Фриц и завопил: «Рус швайн!». Алешка врезал ему еще с левой, за свинью. Немец сразу про «Гитлер капут!» вспомнил. Но смотрел со страхом и презрением.

— Нашел о чем вспоминать, — губы Кузнецова тронула улыбка.

— Я что еще думаю. — Скворцов присел удобнее. — Они нас за людей не считали. А мы их гоним и бьем, гоним и бьем. Так?

— И они нас бьют...

— Мы их больше. Мы победили...

— Победим, — Алексей Кузнецов снова закурил.

— А зачем тогда они на нас войной пошли? Присматриваюсь. Вот они, их города, большие, маленькие. Они крепко жили, в достатке полном. Зачем им наша земля?

— Гитлер хотел всем миром править...

— Так это Гитлер. А немцам-то зачем весь мир? Помнишь, в городишке стояли. Вино несли, закусить, улыбались. Я тогда зашел к хозяйке в комнату, соль кончилась, спрашиваю, мол, так и так... А она пуговики на платье расстегивает, говорит: «Ваня, дафай!» Я как ошпаренный — от нее.

— Правильно сделал.

— А женщина красивая. Наши ребята не отказывались. Рассказывали потом...

— Это они от страха себя предлагают. За детей опять же боятся. Трогать их не надо. Оставишь семя, родится ребенок.

— И что?

— А то, Скворец, что дуралей ты. Ребенок, так природой задумано, зачинается в любви. Тогда он вырастает красивым, сильным и добрым. А если в страхе и ненависти — ничего путного из такого человека не бывает.

— Мы — победители. Они нас теперь все равно уважать будут.

— Нет, Скворушка. Опять ты ошибаешься. Пройдет сто лет, даже двести. Немцы все равно не простят нам своего позора. Мы все забудем, русская душа широкая, а они не простят. И если появится возможность взять верх над нами, воспользуются.

— Это вряд ли.

Алексей Скворцов если и спорил со своим тезкой Алексеем Кузнецовым, то так, для разговора. Он был младше Кузнецца на три года. Воевать начал в сорок третьем, а

Алеша в сорок втором. В этот полк и в эту роту они пришли вместе, с пополнением. Кузнецов после госпиталя, где лежал по ранению. А для Скворцова война тогда только начиналась.

Когда форсировали Днепр, их плот перевернуло взрывной волной. Новобранца Скворцова ударило еще и бревном, и он пошел ко дну. Алексей Кузнецов выловил его за воротник, выволок на берег, откачал, влил водки... Они зацепились за полосу берега и удержали ее. Кузнецову дали за Днепр орден Славы, а Скворцову — медаль. За то, что жив остался и не драпанул. Командир роты получил Героя. А через неделю погиб. И еще взводный запомнился. Лейтенант Литвинов. Только из училища. Форма новенькая. Ремни сияют. Родом из Курска. Один сын у матери. Стихи любил вслух читать. Пошел сам узнать, скоро ли старшина с кухней заявится. Нашел. И когда они уже подходили к траншеям, шальным снарядом накрыло вместе с ужином.

Первые смерти на войне не забываются.

Тогда еще никто не знал, что по жестокой статистике, взводному жизни на войне отводился всего один день, командиру роты — два-три дня. А сколько солдату пехотному, никто и не подсчитывал.

Сдружились два Алексея еще и потому, что до войны оба были речниками. Скворцова, он родился и вырос в Москве, отец сразу после школы устроил на буксирный пароход в машинное отделение масленщиком.

А Кузнецов Алексей был шкипером на баркасе, огромной барже с крышей. Перевозил ценные грузы, мануфактуру, продукты. А зимой, как наиболее грамотный, с семилеткой, преподавал на шкиперских курсах.

У обоих была бронь от фронта. Скворцов со скандалом вырвал у военкома повестку. Потому что на отца уже пришла похоронка.

Кузнецов попал на фронт из-за случая. Пароход вел караван барж из Рязани в Горький. Перед окским железнодорожным мостом баркас ветром понесло на быки, опоры моста. Ночь, темень. Капитан с парохода крикнул в рупор, чтобы с баркаса сбросили якорь. Иначе разобьет об опоры, утонет ценный груз.

Алексей знал, что метров за семьдесят до моста якорь бросать нельзя — по дну проложена правительственная связь. Но...

Он потом сказал на допросе, что сам принял решение. У капитана парохода было трое детишек. А у Алексея один сынишка. Бронь с него сняли. Он отвез жену с сыном в деревню. И в июне сорок второго — на фронт. Подержал сынишку на руках, вдохнул родной до боли запах его волос, обнял напоследок жену, сел на телегу. Заголосили бабы, запричитали...

Все долгие дни и ночи войны, когда казалось, что мир перевернулся и померк, Алексей Кузнецов верил в свою звезду, судьбу ли. Перечитывал письма, повторяя вслух слова жены о сынишке, о том, что они его ждут не дождутся, все глазоньки проглядели, любят его преданно... И он верил — придет домой, придет. Настанет день...

А в эту ночь, в этом каменном мешке, когда до конца войны остались считанные дни, вдруг навалилась тоска смертная. Он гнал ее от себя: воспоминаниями, разговорами с Алексеем Скворцом — бесполезно. И слова, которые созрели в голове, не хотелось произносить, но не сказать их было нельзя.

— Скворушка, ты не спишь?

— Нет, о доме думаю. Скорее бы... Весна вон...

— Алеша, если меня убьют, ты выполни мой наказ...

— Ты чего, с глузду съехал? Зачем про смерть вспоминаешь? Сам же учил: чем меньше о ней думать, тем она дальше, — завозмущался Скворцов.

— Не егози. Дай слово, что исполнишь мой наказ.

— Ты мне дороже брата. Как же я не исполню... — Тогда Кузнецов развязал свой вещмешок, вытащил два куска хозяйственного мыла, сказал, смущаясь:

— На, положи к себе. В них иголки натыканы для швейных зингеровских машинок. Этих иголок уже перед войной ни у кого почти не было. А Анечка моя портниха. Ну и на продукты поменяет. Мальчонке в школу скоро.

— Не возьму. Сам привезешь. Нельзя брать, дурная примета. Если вдруг... Обещаю.

— Ладно, Скворец. Ладно. Адрес помнишь?

— Конечно. Через Рязань до Сасова. А там или пешком, или на попутных до села Шевали... Спросить тебя. Ох и гульнем! Чудное название — Шевали... Почему так назвали, знаешь?..

— У нас течет река Мокша. А в нее впадают две маленькие речки: Шева и Лея. Между ними село. Потому и называется — Шевали... Спи. Рассветет скоро.

...Ночь прошла спокойно. Розовый утренний свет смыл с домов ночную жуть. Широкая улица была тиха. И небо кое-где очистилось от дымов, голубые прогляды светились мирно.

Танкисты растащили завал. И вся ударная группа медленно начала продвигаться вперед. Впереди открывалась довольно большая площадь. И вдруг сверху ударил пулемет: длинно, прицельно. Застрекотали автоматы. Пехота залегла. Артиллеристы развернули свои пушконки, станины уперли в края тротуаров, ударили по окнам...

Новый день не принес ничего нового. Фашисты сдаваться не собирались, дрались с обреченной остервенелостью. Для пехоты бой переместился с улицы в дома...

Фаустник подбил один из танков. Срезало очередь ротного старшего лейтенанта Шведа с Украины. Погиб командир батареи сорокапяток Габриэлян. Ах, сволочи. С четвертого этажа бьют. Вперед! В грохоте и мате ворвались в одну квартиру — никого... Рядом. Гранату. Дверь в щепки. Алексей Скворцов длинной очередью прошелся по всем, кто шевелился или пытался поднять оружие. Кто и когда выстрелил в Алешу Кузнецова, вбежавшего следом, не заметил. Послал фриц в агонии последнюю пулю...

Он подхватил друга. Взвалил на плечи, понес вниз.

— Санитара! — кричал. — Где санитар?

— Убило Савина. Нету санитара...

Положил Алексея, задрал гимнастерку. Сжал зубы до немоты. В грудь...

Кузнецов открыл глаза. Бледность растекалась по лицу, заостря скуль, нос. Он помотал головой, проговорил:

— Ты поезжай к ним, Алеша. Обещал... Возьми из вещмешка, передай. Мне бы сына увидеть. Хоть на секунду. Нельзя парнишке без отца, нельзя. Вот беда... Анечка... Она у меня такая... Ты езжай к ним, Алеша. Обещал, помни... Анечка...

На губах его запузырилась кровь. И все. Сколько бы ты на войне смертей ни видел, незнакомых тебе людей, близких, каждая оставляет на душе рубец...

Дальше кадры военной кинохроники побежали, замелькали. Вот он идет вокруг рейхстага. Все стены исписаны фамилиями. Стрельба, обнимаются. Победили...

Потом их дивизия пошла на Прагу. Снова бои. Осколок мины рубанул его по ноге. Госпиталь. Долго лечили. И наконец, дома. Отец погиб в феврале сорок четвертого в Белоруссии. Мать и сестра плакали от горя и от счастья, что хоть он живым вернулся...

Июньское солнце с самого утра светило и грело щедро. Алексей шел по полевой дороге легко. Нога почти не болела.

До Сасова он доехал с Казанского вокзала на поезде. Потом от городского рынка его подвезли до Полякова. Трясся на телеге километров пятнадцать. И еще пять надо было пройти пешком. «Увидишь мельницу, это и есть Шевали», — объяснили ему.

Он шел и все подбирал слова, которые скажет жене своего фронтового друга. Что так, мол, и так, погиб героически, в бою с превосходящим противником... Отдаст «гостинец», ночует и утром домой. Надоедать нельзя...

В село он вошел после полудня. У первых же изб его остановила пожилая женщина. Долго вглядывалась. Поняла, что человек, не из их села, смущаясь, спросила:

— Отвоевался, сынок?

— Отвоевался, мать...

— К кому же ты идешь?

Он объяснил. Она ему указала дорогу, приметы Аннушкиной избы. Задала еще вопрос:

— Ты на войне моих кого не встречал, случаем. По фамилии Дубцовы. Николай и Петр, сыночки. И муж Игнат Дубцов.

— Нет, не пришлось, мать...

Пока беседовали, около них крутились ребятишки. Они и понесли по селу весть быстрее телеграфа. Встречные женщины здоровались с поклоном, редкие мужики подавали руку, будто знали его...

...Калитка держалась на одной петле. Он отворил ее и увидел сидящего на крыльце мальчонку. В одной руке он держал кусок темного с синевой хлеба, в другой — железную кружку с молоком, судя по следу вокруг рта. Глазенки его вдруг расширились, глядел не мигая несколько секунд. Вдруг рванулся, рубашонка пузыряем, ножки босые, в ссадинках и цыпках...

— Па-пань-ка-а-а! Ты приехал... Я тебя ждал-ждал... Я знал, что ты придешь... Роденький...

Алексей подхватил его на руки, прижал худенькое тельце, гладил по выгоревшим до белизны неровно подстриженным волосам, что-то пытался сказать, но спазм сдавил горло обручем.

— Папанька мой... Ты всех фашистов победил?

— Всех, — выдохнул Алексей. — Всех, Василек, всех.

— Папка, подними меня до неба. — Глазенки мальчика сияли счастьем, радостью. Алексей подбрасывал его и ловил. Ликование ребенка передавалось и ему. И тут в калитку вошла женщина. Она остановилась. Прижала ладонь к щеке... Красивое лицо блее снега, в глазах боль...

— Мамка, наш папанька приехал. Всех фашистов победил и приехал. Ты чего стоишь? Все плакала, а теперь стоишь. Смотри, как я рад. — Василек обхватил Алексея за шею крепко, изо всех силенок. Добавил гордо: — Я теперь его никуда не пушу. Сам пойду на войну и как начну стрелять... Все фрицы попадают...

Анна подошла, сняла с рук сынишку, трижды поцеловала Алексея, прикоснулась губами... Сказала тихо, чтобы не слышал сын:

— Он писал про вас. Вы тоже Алексей. Спасибо, что приехали. Пойдемте в избу. Устали с дороги, сейчас я полотенце дам. Умоетесь...

Василек не выпускал его руку. Ладонка горячая, нежная, будто птенчик. Он не переставал щебетать о своих ребячьих заботах, звал завтра на рыбалку в Рассошки, там окуни по локоть... Анна достала из сундука полотенце, лицо ее было по-прежнему бледным. И в огромных серых глазах все также плескалась боль.

Все слова, которые он мысленно сочинял, теперь казались пустыми, кощунственными. Что он ей может сказать?

Как Алексей умирал? Как любил ее и сына? Она знает... Его жег стыд, за то, что он уцелел, а Алеша погиб. «Лучше бы меня тогда. Лучше бы...» — билось в сознании. Но от этой мысли становилось еще горше и мучительнее.

К вечеру подошли мужики, женщины. У кого-то была припрятана бутылка, еще довоенная. Алексей выставил свою фляжку. Женщины пригубили, мужики пропустили по лафитничку, задымили самосадам. Разговор пошел о войне ненавистой, о Гитлере, будь он трижды проклят. Почти полторы сотни мужиков не вернулись. За что полегли? За что обездолили матерей своих, жен, детишек?

Опять спрашивали, не встречал ли, может, в госпитале... Называли имена, фамилии. Описывали внешность. Вздыхали, смахивали слезы. Печальный был вечер.

Когда все разошлись, и Василек тоже утомился, сели на приступках крылечка.

Анна взяла «гостинец», выслушала про «секрет мыла», удивилась:

— Надо же, как додумался. Спасибо. Теперь мы с сыном не пропадем.

Долго молчали. Анна сама заговорила:

— Не мучьте себя. В тот день, когда Алешу убило, у меня сердце замерло. Он меня звал, я слышала... На Васю не сердчайте, ребенок.

Распрашивала, чем они там питались, не холодно ли было зимой. Он отвечал, успокаивал ее, мол, нормально ели и спали. Спросил:

— А как вы узнали про Победу? Праздновали?

— Узнали двенадцатого мая, нам почту раз в неделю доставляют. Газету вслух читали, что войне конец. Бабы заголосили, запричитали... Всем скопом пошли на кладбище. Там у нас есть такой холм, в нем, по преданию, захоронены воины, которые в старину против татар воевали и полегли. Вот на этот холм бабоньки и попадали. Плакали в голос, причитали, звали своих мужиков, жаловались им на судьбу свою горькую. Понимали, что нет их в том холме, а все равно.

Помолчали. Анна вздохнула, продолжила:

— И я со всеми выла. Похоронка-то мне потом пришла, через месяц. Но я уже знала: нету моего дроздочки ненаглядного.

На том холме теперь крест стоит. Дубовый, большой. Дед Кузьма Смирнов себе на могилу заготовил, но на общую беду отдал. Сам и ставил с мужиками...

Идите Алексей, отдыхайте. Видите каменный домик? Мы там летом на случай пожара одежду храним. Там прохладно. Постель чистая...

...Спал он плохо. Проваливался в омут и вновь возвращался в мысли, в тяжелые думы. Как теперь быть, не знал... От тишины звенело в голове. Поочередно на разные тона начинали петь петухи. Потом село ожило. Звон ведер, мычание коров, щелканье пастушеского кнута, шутивная перебранка — погнали стадо...

Услышал, как в дверь кто-то скребется. Открыл и ослеп от яркого утреннего солнца.

— Папка, ты чего так долго дрыхнешь? Я жду-жду. За окунями пойдем? — Василек тоже походил на солнышко. Личико сияло от счастья. — Можно, с тобой полежу немножко, потом пойдем... Да, пап?

Он свернулся около него калачиком буквально на минутку. Алексей прижимал его худенькое тельце, и горло вновь давило обручем.

Потом они ходили на речку Мокшу, переправлялись на пароме в луга, ловили окуньков, купались. Ребятишкам, всем встречным Василек говорил, звонко:

— Это мой папанька. Он с войны приехал. Всех немцев победил...

Ребятишки замирали, старались прикоснуться к Алексею, говорили, что и их папаньки тоже вернутся... Взрослые на щебетанье Василька горестно вздыхали, отводили взгляд в сторону.

Так он прогостил четыре дня. Кое-что подправил по хозяйству: коровье стойло укрепил, прибил петли на калитке, нарубил дров. Еще пацаном каждое лето он жил под Шатурой, у бабушки с бабушкой, поэтому сельский труд был не в диковинку.

По вечерам, закончив дела, уложив Василька, сидели с Аннушкой на крыльце. Говорили обо всем, только не о войне. Она не жаловалась на судьбу. «Разве мне одной такая доля? Всем почти. Теперь полегче будет. Может, в колхозе

на трудодни что будут давать: сеном ли, зерном», — размышляла она.

Алексей слушал, смотрел на грустное, но красивое лицо Аннушки. От воспоминания, как она прикасалась к нему при встрече щекой и губами, обдавало жаром.

На пятый день, к вечеру, Анна успела подоить корову, Алексей чинил табуретку, в избу влетел запыхавшийся, заплаканный Василек.

— Петька сказал, что ты не мой папанька. Что ты нас с мамкой поматросишь и бросишь! — И такое горе было в глазах мальчонки, такая плескалась беда в глазах, что Алексей задохнулся от нежности к ставшим дорогими для него людям, к Васильку, к Аннушке. Молоток выпал со стуком. Он взял Василька на руки, прижал, вдохнул родной аромат его волос:

— И ты поверил, глупенький... Какой же из меня матрос? Я солдат. И я — твой отец. Мы теперь будем жить вместе...

— Всегда-всегда?

— Конечно.

По лицу Аннушки катились слезы, плечи вздрагивали. Он обнял ее свободной рукой, будто обнимал каждый день. Приказал шутливо:

— Все. Сырость не разводить. Пошли, сынок, умываться...

...Ночью Аннушка пришла к нему. Дверь он не запирает, ждал. Присела на постель, положила ладонь к его щеке, выдохнула:

— Зачем ты так, Алеша?

Он потянул ее за руку, обнял:

— Я не смогу без вас, Аннушка. Без тебя, без Василька...

— Люди осудят, — шептала она. — Нехорошо это. Господи...

Она ласкала его робко. Но и не сопротивлялась стеснительной настойчивости. Да и природа делала свое, гнала по жилочкам молодую кровь, горячила ее, подавляя разум. Он шептал ей слова, которые сложились за несколько ночей ожидания, осыпал поцелуями лицо, губы, плечи. И она откликнулась на его желание: поцеловала крепко, до головокружения. Он растворялся в ней без остатка, летел в обжигающий омут, потом будто оживал, нарождался заново, каждой клеточкой, каждым нервом...

Всю страшную усталость, скопившуюся в нем за долгие годы войны, весь страх и ярость, все страдания и боли она растопила за короткую летнюю ночь, вобрала их в себя...

Днем она избегала его взглядов, разговора. Закрывалась от них делами, домашними хлопотами. А он смотрел, как она двигается, переставляет чугуны, доит корову, процеживает молоко, ворчит на Василька, и вспоминал ночь. И ждал, ждал, когда закончится день...

А летний вечер долгий. Он поправил на Васильке одеяло:

— Все, сыночек, отбой. Добрых тебе снов. А нам с мамой поговорить надо.

— Завтра купаться пойдем?

— Спи, неугомонный. — Он поцеловал Василька, подержал свою ладонь у него на щеке, и тот закрыл глазки, засопел...

Потом они с Аннушкой сидели на крыльце.

— Зачем мы тебе, Алеша? Такой хомут на шею. Найдешь молоденькую, она нарожает деток... — В голосе ее звенели печальные нотки страдания, муки, сомнений. Говорила: «Понимаешь, Алеша, это ведь занозу из ладони легко вытащить. А любовь из сердца просто так не выдернешь...»

Но все ее сомнения разбивались о принятое им решение, о его нежность, о его любовь.

— Мы с тобой ровесники, Аня. Мне двадцать три. Ты для меня самая молоденькая, самая красивая. И ты родишь мне деток. Поедем в Москву. Василек будет учиться, станет офицером — так Алексей мечтал. Подрастет, я расскажу ему про отца, поймет...

И она покорила. Соседки, мать, все ее убеждали, что если Бог послал счастье, значит, так надо. И отказываться — грех большой.

...Окна и двери избы забили досками, корову свели на двор к матери с отцом. Отец хоть и пришел с фронта без одной ноги, хоть и прыгал на деревяшке, но был еще в силе.

— Ты их не обижай, солдат. Не обижай, — просил он при прощании.

Мать и сестра Алексея встретили Аню с Васильком без тени удивления, будто именно так они и договаривались.

— Приехали... А мы заждались, — хлопотала мать Алексея. — Внучек, какой ты большой, хорошенький. Чай будем пить, с сахаром, сушками.

И покати́лась жизнь. Гладкой она не была, с радостями и печальями, заботами и нехватками. Жили много лет в одной комнате. Алексей устроился работать в пароходство. И Аню туда определил. Ее заметили за спокойный характер, трудолюбие, послали на курсы бухгалтеров.

Второго сына она ему родила только через три года. Он все это время переживал, сам с Аней ходил к доктору.

Врач, сама фронтовичка, его отчитала:

— Вы воевали, это тяжело. А женщины, жены ваши, пластались на работе. Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик... Слышал такое? Горькая частушка. И еще они вас ждали. А это тяжелее работы. Женщина выгорает, понимаешь? Потерпи. Ее болезнь только вниманием лечится...

Сестра скоро вышла замуж и уехала на Украину. Мать умерла. Похоронка на отца для нее не прошла бесследно. Болезнь прицепилась и источила.

Сыновья пошли в школу. Сначала Василек, потом и Санька. Затем один стал курсантом, второй студентом. Свадьбы, внуки, пенсия, вот и вся жизнь...

Утром Алексей Иванович встал бодрым. Возвращение в молодость, воспоминания, думы будто сил прибавили. И голова работала, мысли бежали одна за одной в определенной последовательности. Решение из них складывалось четкое. Он еще раз прикидывал, перепроверял его. Сам и утвердил.

Он понимал, что у него из-за дурацкой случайности отнимают не только квартиру, которую они с Аннушкой горбом заработали. Потом по пятерке, по десятке откладывали то на телевизор, то на холодильник. Очередь на «стенку» подошла, заняли, купили. Радости было... Ковер приобрели, расстелили его на полу, легли всей семьей, счастливые...

«И награды ему мои потребовались. Ах ты, стервец. Нет, — думал Алексей Иванович, — не будет по-твоему».

Он пошел навестить свою родненькую. Суббота, можно с утра. Она обрадовалась. Поцеловал, смутилась, как в молодости.

— Что врачи говорят? Скоро выпишут?

Она взяла его за руку, смотрела. Глаза у нее несколько не постарели. Сказала:

— К празднику. Алеша, ты не приболел? Лекарства от давления принимал? Кушать готовишь или всухомятку? Может, случилось чего? Не таи...

— Нет-нет, Аннушка. Все нормально. Я здоров до неприличия. Ты, главное, поправляйся...

— Боишься, умру?

— Боюсь. — Попытался пошутить: — Мы с тобой договорились: сначала я. Поплачешь надо мной...

Анна Никитична шутку не приняла. Смотрела все так же с тревогой. Алексей Иванович знал: обманывать ее бесполезно. Она его мысли умела читать. По молодости, еще до рождения Саньки, согрешил он с одной, у них на пароходе поварихой работала.

В подсознании его, глубоко где-то, жила ревность к фронтовому другу. Ею она любила, первого мужа. И в сладостное мгновение вскрикивала имя: «Лешенька!» Думал, поэтому у них и ребенок не получается. Или он что-то не так делает. Вот бес и попутал.

Наутро каялся и клял себя за дурость. Надеялся, не узнает Аннушка. Ребята не выдадут, да и не видел никто, как он нырнул в каюту к поварихе.

Вернулись с рейса. Гостинцев накупил, бутылку вина. Она встретила, вида не подала, а вечером постелила себе отдельно. Сказала горько:

— Алеша, я тебя не виню. Поеду в деревню...

Он встал перед ней, как перед иконой, на колени:

— Прости, Анечка. Никогда больше. Поверь, никогда...

Женщины на него и после заглядывались: высокий, видный. Он отшучивался, знал: второй раз не простит. Тихая, а характер из кремня.

— Алеша, что случилось? — оторвала его от воспоминаний Анна Никитична.

— Нет, Анечка. Все хорошо. — Он прижался щекой к ее щеке. — Тебе что еще принести? Почему ничего не ешь?

— Все я ем. Не волнуйся. Иди, родной. Ребятам позвони. К Володе в госпиталь надо бы. Ты для него лучшее лекарство — любимый дед.

— Сегодня поеду. С Федором договорился, с таксистом. Он сказал, съездим. Денег, говорит, не возьму. Хороший мужик.

— Не перевелись еще люди добрые. И здесь — врачи, сестры с нами, старыми, как с детьми. Тоже работа, скажу тебе.

Алексей Иванович ушел от жены с легкой душой. После обеда Федор отвез его в госпиталь к внуку. Володя — копия дед Алексей Кузнецов, осваивал пока костыли. Обрадовался:

— Мужики, это мой героический дед. Ты как, дедуля? Молодец, что приехал. Я в порядке. Сейчас протезы мастертят — лучше живой ноги. Мы еще с тобой о-го-го! Ко Дню Победы готовишься? Я к тебе сбегу девятого мая. Мы с тобой поднимем рюмки за Победу, за деда Алексея Кузнецова. И чтоб мы жили! А врагам нашим — кол осиновый.

Про своего фронтового друга и его настоящего отца Алексей Иванович рассказал Васильку, когда тот собрался поступать в военное училище.

Василий долго молчал, потом признался:

— Прости, пап. Мне дед Никита, в прошлом году, когда я у них с бабушкой Варей гостил, рассказал все. Но это ничего не меняет. У меня два отца. Его я буду помнить, а тебя люблю... Показать, как я тебя люблю? — Обнял.

— Задужишь, сынок...

Они увеличили фотографию Алексея Кузнецова и повесили в гостиной.

...Когда возвращались из госпиталя, Алексей Иванович ответил на все вопросы Федора, расспросил, как там его сын в деревне, по Москве не тоскует? Как внуки?

Федор вел машину лихо и в то же время аккуратно. Ответил:

— Я бы и сам из Москвы уехал, только некуда. Бардак, а не столица. Одни воруют и жируют. Другие их обслуживают и охраняют. Кавказцы нас выживают со всех мест, где есть заработок. По ночам работать невозможно: проститутки и бандиты. Раньше я б их к машине и близко не подпустил. А теперь и они хозяева. Деньги шальные, потому и прожигают жизнь...

И, как бы в продолжение разговора, Алексей Иванович спросил:

— Федор, ты вот тогда с бандитами, с Витьком Колымой разговор разговаривал, помнишь?

— Еще бы.

— Ты на них со словами шел или у тебя что-то было в руках?

— Была. Игрушка. Рубчатая...

— А ты ее случайно не сохранил?

— Дядя Алексей, ты не темни. Машину Витька Колымы ты нормально грохнул. И чего он, угрожает? Давай мы с ребятами тебе поможем. Знаю мужиков, у которых к этому хорьку поганому серьезный счет. Да и я с ним не до конца рассчитался. Он же трусливый, как все шакалы. Людей гробит, а за свою шкуру дрожит...

— Нет, Федор. Сам с ним разберусь. Ты же говоришь, — трус. Продай мне ту игрушку.

— Мне еще за ней ехать надо. На даче. Закопана. А ты с ней сумеешь? Ах ты, господи. Кого учу?

— Привези, Федор. Завтра можешь съездить?

— Ну, дядя Алексей, ты даешь. Одно слово — победитель. Будет тебе игрушка. Но смотри, аккуратней. Хочу, чтоб ты еще сто лет жил. Пока вы живы, фронтовики, и мы хоть и гнемся, да не ломаемся. Потому что совестно перед вами...

И Федор не обманул. Денег, как и за поездку в госпиталь, не взял. Начал уговаривать:

— Дядя Алексей, давай мы с ним сами потолкуем. Зачем тебе об говнюка руки марать на старости? Ты свое отвоевал...

— Отставить разговорчики, солдат. Помирать — так с музыкой. Слышал выражение?

— Так точно, Алексей Иванович. — И добавил: — В случае чего, звони. Прибегу. Успеха...

До встречи с бандитом Витьком Колымой и его «шестерками» оставалось два дня. Один из них Алексей Иванович распланировал использовать на переоформление завещания. Он его составил давно. Заверил, как положено. Но ситуация изменилась. Требовалось внести уточнения, чтобы

ни один пункт невозможно было оспорить, в случае, если Витек окажется хитрее и обыграет.

И еще некоторые моменты хотелось расписать подробнее, потому что в наше время похороны по затратам, как свадьба, — разорение.

Позвонил — нотариус на месте, попросил о встрече на час дня. Взял ручку, бумагу, набросал по пунктам, чтобы не упустить чего. Проверял, переписывал.

У нотариуса пробыл больше часа. Все оформили, заверили. Несколько копий захватил с собой. Заехал к Анне Никитичне, родненькой своей. Но там у нее находилась внучка Настя. Они его быстренько выпроводили, потому что собирались женские дела делать: белье чистое, простыни свежие привезла внучка. И еще она бабушке массаж делала три раза в неделю.

На следующий день пошел к своему ровеснику Сергею Антоновичу. У него, как у инвалида войны, гараж находился прямо во дворе. На машиненке давно не ездит, а в гараже — мастерская. Чего там только нет — инструмент любой, даже токарный станочек.

Антонович дал ключи от гаража, сам занедужил. Мол, давай, ремонтируй, руки есть.

Алексей Иванович обрадовался, что друг приболел. А то объяснять бы пришлось, врать ему бесполезно, тоже войну прошел.

В гараже пробыл часа два. Руки плохо слушались, не хотели держать инструмент. И сердчишко давило. Таблетку проглотит, отдышится, поработает, опять передых...

Но сделал все как хотел: кольцо, чеку от настоящих не отличишь...

Пришел домой, копию завещания положил на видное место в большой комнате. Стал прикидывать, как все завтра произойдет...

Наутро побрился, принял душ, надел чистое белье. Взял отвертку, на двери изнутри кухни открутил ручку. Проверил замок, смазал. Как часы. Здесь же, на стул, повесил свой парадный пиджак с наградами. Две Славы, два ордена Отечественной войны, Красной Звезды, медали «За отвагу», «За взятие Берлина», юбилейные... Звякнули... Не в последний ли раз?

Стал ждать. Представил, как все произойдет.

— Здорово, Виктор. Проходи, дорогой. Присаживайся.
Вот стул...

Его спиной к окну. Дверь захлопнуть. Самому сесть напротив. Вопрос:

— Бумаги подготовил? Вот и хорошо. Давай, посмотрим. Деньги за цапки, за ордена? С деньгами погоди. Я тебя о чем спросить хочу... Ты смерти боишься? Нет?

Граната в правой руке... Дернуть за кольцо левой... Характерный щелчок. Бросить кольцо Витьку: лови...

Он хватает. Глаза от страха не видят, что кольцо липовое. Настоящее, как было на гранате, так и осталось...

— Прыгай в окно. Дверь заперта. Две секунды! Взорвемся!

И Витек сигает из окна пятого этажа... Если его бандиты прибегут, их — по-настоящему. Другого выхода нет.

...Витек подъехал к дому. Вышел из машины, закурил. Он нервничал. Не из-за старика, тут без проблем. «Стерва Любка опять с цепи сорвалась. С каким-то негром ее засняли на видео, детективы гребаные... Измочалю дуру. Никаких денег, ни копейки... Стервоза. И конкуренты доставили. Перехватили большую партию товара. Канал доставки на себя перетянули. Завтра начнется мочилово. Всех по одному на куски и в печку на мусорном заводе. Сколько их там сгорело!»

Алексей Иванович увидел, как из-за угла вышел дворник. Видно, нового наняли. В руках коробка с бумажным мусором. Остановился. Хлопок, другой, будто лампочки лопнули.

На белоснежной рубашке Витька расцвели красные круги. Он сполз по машине на землю.

А киллер, в куртке дворника, исчез, как и появился...

Подъехали Витьковы хлыщи, увидели убитого друга, развернулись и укатили.

Закричала какая-то женщина:

— Убили! Милиция!

Алексей Иванович стал спускаться вниз. К нему навстречу бежал Федор, таксист.

— Дядя Алексей, жив? Ты куда с гранатой? Дай ее сюда. — Он сунул гранату себе в карман. — Это не ты его? Значит, есть Бог на свете. Есть...

Алексей Иванович умер той же ночью, под утро. До «скорой» дозвонился. И замок на двери сам открыл. Прилег, стал ждать.

«Скорая» приехала, но... Поздно. Тело начало уже остывать...

Хоронили их с Витьком в один день и на одном кладбище. Алексея Ивановича пришли проводить родные.

Внук из Америки не прилетел. С билетами на самолет не сложилось, по другой ли причине.

Анна Никитична поднялась с больничной койки, упросила врачей отпустить ее на похороны. Она плакала молча, только губы что-то шептали. Муж ее, наверное, слышал.

В завещании Алексей Иванович просил его не отпевать. Он партийный. Вступал в партию на фронте. По убеждению. И менять свои принципы ему поздно. И Бог, если он есть, его поймет, мол, и простит.

Еще просил его кремировать и подзахоронить в могилу к матери.

Так родные и сделали.

После похорон выяснилось: пропал пиджак покойника с орденами. В день смерти в квартире много народу перебивало: врачи, милиция, соседи... Кому-то приглянулись награды. Зачем?

А Витька хоронили пышно. Со священником, венками, речами. Народу — тьма тьмушая. И артисты, и депутаты...

Гроб будто из музея. Лучшему скульптору заказали фигуру Витька в полный рост. Он, оказывается, был благотворителем. Деньги на храмы давал, на театры...

...Справив мужу «сорок дней», тихо отошла в мир иной и Анна Никитична. Сидела в кресле у телевизора и будто уснула. За терпение и праведность Господь дал ей смерть легкую. Прожили они с мужем долгую жизнь и память оставили светлую...

УСПЕХ ОДНОЙ
ЛАБОРАТОРИИ

Ольга НИКИТИНА ворвалась в литературу остросюжетного жанра стремительно, без ученической провинциальной предыстории. За истекшие три года (с 2002-го по 2005) вышло пять ее романов в трех крупнейших столичных издательствах.

Мы решили поподробнее узнать, как вызрел этот феномен, и Ольга Олеговна любезно предоставила нам свой развернутый ответ.

- Я, Никитина Ольга Олеговна, родилась в Нижнем Новгороде, в 1959 году. После окончания школы поступила в Нижегородский университет им. Лобачевского на факультет «Физики твердого тела». Благополучно закончила его и получила диплом инженера-физика. С 1981 по 2000 год работала по специальности в различных НИИ города. За это время закончила Академию Государственной службы и получила диплом делопроизводителя и менеджера.

Вышла замуж. Имею двух детей.

В 2000 году уволилась по собственному желанию из очередного НИИ, купила компьютер и села писать первый роман. Не позволяла себе задуматься о неуспехе, так родился роман «Теннисистка». Роман написан по канве статьи, которую я хранила, кажется, с 1995 года.

Я нашла газету в нашей лаборатории, на столе, она была свежая, только что купленная кем-то из наших сотрудников, еще нечитанная. В комнате на тот момент никого не было, в том числе и начальства, и я спокойно прочи-

тала статью. Она меня потрясла. Писал не журналист, а участник событий, и оттого статья получилась очень яркой, неординарной, не дистиллированной. Меня потрясли и интонации и сам язык, будто человек в полном отчаянии кричал мне в ухо... А то ненадолго успокоится, голову опустит и крутит сигаретку в пальцах. Я видела его как живого! Вот какому стилю стоит поучиться журналистам и писателям!

Стыдно признаться, но я спрятала газету. Она стала моей, ревность мучила, что кто-то еще дотронется до нее и прочтет. Я решила, что когда буду писателем (как-то само пришло убеждение, еще в детстве, что едва мне стукнет сорок лет, так сразу и стану писателем), обязательно напишу по канве этой статьи книгу.

Потом я пыталась найти редакцию газеты, но выяснилось, что газета просуществовала всего один год и после серии острых публикаций, одна из которых и попала мне, была ликвидирована.

Роман «Теннисистка» почти документален, даже более документален, чем можно предположить. Если бы я отразила в нем все события, что приводились в статье, мое сочинение вышло бы нарочито, неправдоподобно жестоким. Убойный боевик, которые я терпеть не могу, и даже не предполагала, что так может быть в жизни. Пришлось кое-что смягчить, иначе получилась бы сплошная мясорубка. Русские убивают русских за деньги. Геноцид. Предательство. Коррупция. Наркотики. Сотрудники МВД – плохие, уголовники, убийцы – человечнее, честнее, и так ведь бывает... оказывается.

Все участники событий буквально вырезаны, если не самими наркобаронами, так «оборотнями» из МВД, обогащающимися за счет контрабанды наркотиков.

Именно жестокость романа затормозила его публикацию. В результате, вначале вышла книга, которая хронологически была написана третьей.

- На данный момент у вас пять книг, не так ли? Вот что значит – не повесить нос после первой подножки судьбы, а упорно идти к своей цели! *(Не смогли мы удержаться от восклицания).*

- Еще четыре книги готовятся к выпуску. Кстати, книга «Я кручу напропалую» - мой первый недетектив. Я очень ею горжусь, хотя, наверное, скоро она перестанет быть предметом моей гордости, так как со временем автор как бы отторгается от своей книги, видит ее со стороны и находит все больше недостатков и промахов. Тем паче, что эта новая книга – эксперимент: и сюжет, и слог, и смешение стилей и жанров.

Но, конечно же, главное в слове писателя – не жанры, школы и направления, а... любовь. Думается, я люблю людей. Очень хочу, чтобы и они не лютовали, а любили. Поэтому и свою «Теннисистку» старалась, несмотря ни на что, сделать романом оптимистичным и человеколюбивым. И отчетливо выразить одну сокровенную мысль: мы даже в своих темных страстях должны звучать гордо!

ДАЛЬШЕ ДЕЙСТВОВАТЬ БУДЕМ МЫ

Александр КЛЮЧЕНКОВ дебютировал в «Подвиге» повестью «Две пули на десерт» (№ 6, 2004). В прошлом Александр Ильич – военный журналист, был корреспондентом окружной, дивизионной газет. Большая часть службы прошла в журнале «Советский воин» (теперь «Воин России»). Ныне А. Ключенков – художественный руководитель Студии писателей при МВД России, заместитель главного редактора журнала «Желлов-Шарапов и К», член Союза писателей России.

С А. Ключенковым беседует Михаил Круппин.

- Александр Ильич, снова в фокусе вашего произведения – судьба старшего поколения. Легендарного поколения фронтовиков, ветеранов, ныне униженных донельзя и обделенных...

- Точнее сказать, Михаил, сопоставление судеб – того поколения и нынешнего. Действительно, эта тема не дает мне покоя. Как огнестрельная рана, болит и саднит. Если ты заметил, в предыдущей повести, из поколения нынешних «трудо-

способных» я все же вылавливаю одного героя (с большой буквы). А в этом рассказе героев просто нет. Трусливые либо равнодушные людишки, без любви и веры в сердце, без царя в голове. По сути дела той России, которую взлелеяли наши деды, больше нет.

- Действительно, обломки какие-то.

- Вот подумай, живет поколение, строит и пестует свою великую страну, гордится былой славой, созидает новую, растит детей... Это поколение и называется Россией. И вот оно стареет. Взрослеют его дети и вдруг говорят – да идите вы все... туда-то, и с вашей страной. Пусть не будет ее. Нет, конечно, так напрямую сказать мужества у этих сопляков не хватит. Но цинизма и решимости похерить всё – хоть отбавляй. Поэтому я выстроил сюжетную линию так, что моему ветерану, герою новой повести, даже руки марасть о своего врага не пришлось. Сама жизнь, заведенная такими как он, походя гада раздавила.

- Неожиданный и в то же время очень естественный финал. Да еще и символический.

- Думаешь? А вот я сомневаюсь. Клопы живучи. С допотопных времен сохранились, всех динозавров и мамонтов «сделали». Кстати, о потопе... События в мексиканском заливе воочию показали, что мораль «конституционного индивидуализма» и личного обогащения, проповедуемая США, не выдержала проверки на вшивость. В американском обществе, которое славится якобы гражданской ответственностью и всяким благонаравием, тут же проявились сотни (если не тысячи?) мародеров и ринулись грабить сограждан. А как расценить действия врачей одной из новоорлеанских больниц, бросивших своих пациентов на погибель?

- Ничего не понимаю. И это смогло нас победить?

- Говорю тебе, нас не победили. (А если и победили, то только таких же, как сами). Просто страна ушла. Вместе со своими стариками.

ВСЕ ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Чаша, которой касалась рука Спасителя. Щепы от обломков копья римского солдата Лонгина, проткнувшего распятое на Голгофе тело Того, Кто обещал людям вечную жизнь. Капли священной крови, собранной Иосифом Аримафейским. Жгучая тайна Грааля, странствующего по белому свету сокрытыми тропами. Путаная, как восточная мистика, речь немецкого рыцаря-поэта Вольфрама фон Эшенбаха, воспевшего Грааль в оболыстительной форме изумруда, упавшего со лба Люцифера в день его низвержения из рая. Сокровище, дарующее «ключ от радостной смерти». Сколько зрелых умов помутилось в его поисках. Отзвук древнего окситанского звучания, ведь на умирающем языке ок Грааль означает «каменную вазу». В романе французского классика Мориса Магра искатели манящей христианской реликвии странствуют дорогами гонимых катаров, в заснеженных Пиренейских горах, которые стерегут от непрошенных пришельцев суровые средневековые замки.

Выжженные палестинские пустыни. Длинные караваны венецианских купцов, забывших ради воздушного китайского шелка, узорчатых сирийских ковров и прочих прелестей многоликого и коварного Востока, зачем их собратья-крестоносцы шли на кровавый приступ города Гроба Господня. Последние дни христианского Иерусалима, на узких улочках которого беспечного европейца поджидает убийца-ассасин, а за ненадежными зубчатыми стенами, на пустынных караванных тропах — летучие беспощадные отряды всадников-мусульман. Головокружительный и взрывоопасный двенадцатый век от Рождества Христова в обремененных древними святынями и неразгаданными тайнами землях Средиземноморья в романе Вадима Богданова.

Тяжелый меч и рыцарские латы – слабое оружие, когда на полях сражений воцарился мушкет. Венецианский авантюрист Джакомо Казанова предпочитал искусство аристократического боя на шпагах и язвительные писательские баталии с властителем умов эпохи Людовика XVI и Екатерины II, веселым безбожником и расчетливым интриганом Вольтером. Не слишком радостные, но по-прежнему обильные на приключения и любовные романы будни стареющего итальянского сластолюбца в повести австрийского последователя Фрейда.

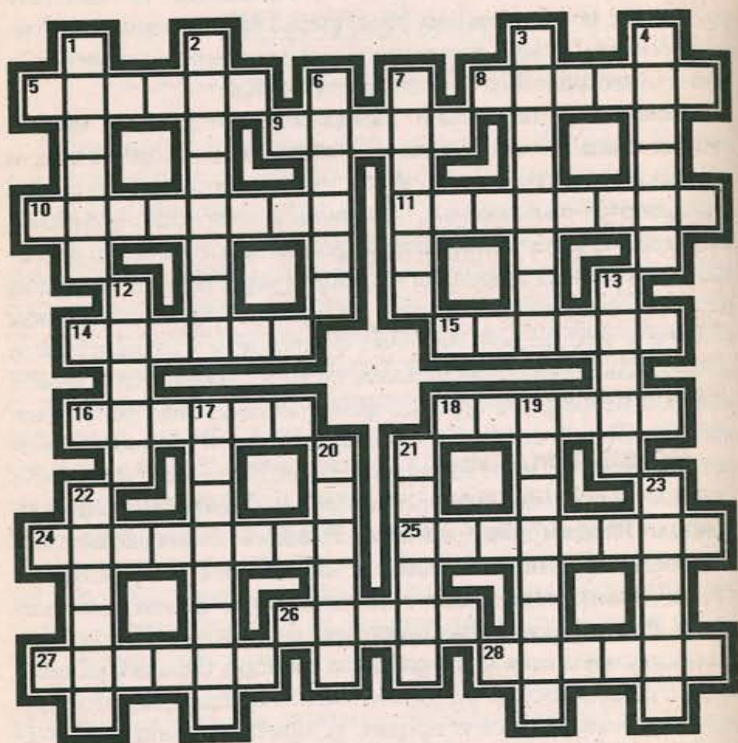
Хвастливый парижский парикмахер, который по иронии судьбы оказался вовлеченным в дворянский заговор Гизов и геройски отдал свою жизнь за тех, кто был причиной его былых унижений. Русские моряки, угодившие в плен после цусимской катастрофы; им не ведом самурайский кодекс бусидо, но воинская честь и отвага позволяют им пройти через многие мытарства и заслужить уважение даже у их кровных врагов. Гусарская баллада с жертвенной любовью, офицерским благородством и лихими кавалерийскими атаками, но не в славный год триумфа над Наполеоном, а в суровую финскую кампанию, когда ковалась боевая доблесть русских генералов Якова Кульнева, Николая Каменского, Петра Баграциона. Белое подполье и чекистские застенки, свинцовые балтийские тучи над голодным и разграбленным Петербургом, убийство Урицкого и большевистские облавы, испепеляющая любовь к той, по вине которой гибнут самые близкие люди, трагическая нота революционного лихолетья в России. Роман-фантазмагория о «красном Наполеоне», подмявшем под себя полмира после убийства Сталина, расовые бунты, азиатские орды строителей нового порядка, выгаптывающие североамериканские прерии, историческая фантазия, рожденная тем же предчувствием катастрофы, которое явило на свет «Войну с саламандрами» Карела Чапека.

Все тайное рано или поздно становится явным. Вопрос только в том, кто раскроет перед пытливым читателем секретные карты. Лучше всего, если это сделает «Кентавр», особа почтенная, с мифологическими корнями, а потому не склонная к постыдному карточному шулерству. Код доступа к тайнам всемирной истории легко запомнить:

81161 «Кентавр. Исторический бестселлер»

81162 «Подвиг» + «Детективы СМ» + «Кентавр»

КРИМИНАЛЬНЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Инициатор дебоша. 8. Осквернитель памятников. 9. Экстремист из Афганистана. 10. Звезда нашего кино из политического детектива "Чёрный квадрат". 11. Кто знает, каковы люди на вкус? 14. Что питает междоусобицу? 15. Кто из героев сериала "Семнадцать мгновений весны" "надел колпак" на Штирлица? 16. Фильм о начальнике милиции с Сергеем Никоненко в главной роли. 18. Растение, отравившее жизнь великому Сократу. 24. "Страж порядка" в ресторане. 25. Звезда советского кино, приговорённая в 1946 году к 25 годам лагерей. 26. Веское доказательство. 27. Собственные похороны, увиденные во сне. 28. Киногероиня Ларисы Удовиченко из народного телесериала "Место встречи изменить нельзя" Станислава Говорухина.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. "... заложников". 2. В какой суд идут с хозяйственными спорами? 3. Убийца из триллера "Арахнофобия" Фрэнка Маршалла. 4. Вымогательство, замешенное на компромате. 6. "Шпионская записка". 7. Великий английский кинорежиссёр, с детства боявшийся полицейских и никогда не водивший из-за этого машину. 12. Что предъявляют перед обыском? 13. "Возмездие за кровную обиду". 17. Суд, приговаривающий к дисбату. 19. Угонщик скакунов. 20. Способ борьбы с диссидентами. 21. "Безотчётное состояние". 22. Звезда фильма "Чекист". 23. "Нужные данные" в одном документе.

Работа Олега ВАСИЛЬЕВА

ЗАО «Издательская компания «Подвиг»

Главный редактор **Алексей ШЕВЕЛЕВ**
Литературный редактор **Михаил КРУПИН**
Ответственный секретарь **Татьяна БАЛЯБИНА**
Художник **Ольга АКУЛИНИНА**
Компьютерная верстка **Алексей САЗОНОВ**

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по
делам печати, телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций. Рег. № 012140

Формат 84x108 1/32 Гарнитура «Таймс»

Печать офсетная Усл.печ.л. 9

Подписано в печать 26.09. 2005 г.

Тираж 14 800 экз. Заказ 54352

Цена свободная

Редакция:

Отдел распространения - **979-6020**

Ильинская Елена Павловна
HelenaPavlovna@yandex.ru

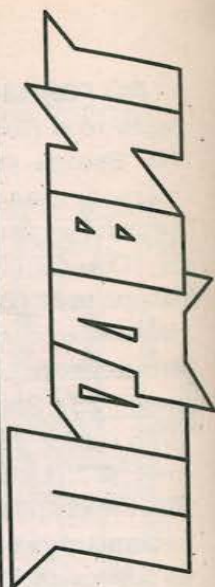
Секретариат - **787-3564**
podvig1950@mail.ru

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Полную информацию о жизни «Подвига»,
«ДСМ» и «Кентавра» читайте на странице
www.cm-plus.ru

Адрес редакции: 127994, Москва,
Новодмитровская ул., д. 5а

Типография ОАО «Молодая гвардия»: 127994,
Москва, Сущевская ул., 21.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Задиря. 8. Ван-дал. 9. Талиб. 10. Харатьян. 11. Каннибал. 14. Бражда. 15. Мюллер. 16. «Шестой». 18. Цикута. 24. Вышибала. 25. Фёдорова. 26. Улика. 27. Кошмар. 28. Маньяк.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Захват. 2. Арбит-раж. 3. Тарантул. 4. Шантаж. 6. Тайник. 7. Хичкок. 12. Ордер. 13. Мест. 17. Трибу-нал. 19. Конокрад. 20. Трава. 21. Аффект. 22. Бычков. 23. Сводка.

Александр ГОСТОМЫСЛОВ
МАЙОР БЕРИЯ

Гилберт ЧЕСТЕРТОН
**ВОСТОРЖЕННЫЙ
 ВОР**

Александр ГОСТОМЫСЛОВ
"МАЙОР БЕРИЯ"

Все смешалось на Ладого. Сухогрузы с атомными боеголовками, похищенные дети капитанов, чиновники, пираты и спецназ. А разобраться в этом "шторме" предстоит лучшему питерскому сыщику Граю и его друзьям.

Гилберт ЧЕСТЕРТОН
"ВОСТОРЖЕННЫЙ ВОР"

Казалось бы, ничто не может повредить репутации почтенного клана бизнес-разбойников. И вдруг подозрение в мелких, "непрактичных" кражах падает на одного из членов семьи! И, видимо, уже ничего не спасет семью от позора!..

ПРЕДМЕТ ИМПЕРСКИЙ ВЕСТЕРН
 Владимир ПЕРШАНИН
БАГРОВЫЙ ОСТРОВ

Валерий КУКЛИН
**НАДВОРНЫЙ
 СОВЕТНИК**

Владимир ПЕРШАНИН
"БАГРОВЫЙ ОСТРОВ"

Со времен Первой Мировой не в ходу отравляющие вещества. Наконец-то террористы вспомнили о безграничных возможностях этого оружия. Теперь надежда лишь на честное сотрудничество разноязыких миротворцев. Но возможно ли оно?

Валерий КУКЛИН
"НАДВОРНЫЙ СОВЕТНИК"

Нераскрытое дело об ограблении почтовой кареты в дореволюционном Туркестане возымело неожиданное продолжение при Сталине. Ниточка тянется в верха государства. И куда податься следовательно, когда и его жизнь, и сама политика России в Средней Азии поставлены на карту?

Иван фон НОЛЬКЕН
ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

Ганс БЕРНДОРФ
ШПИОНАЖ

Иван фон НОЛЬКЕН
"ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ"

Окопная правда мировой войны. Крах трех империй. Эшелоны с ранеными, обугленные дома, истерзанные судьбы. Разгул черносотенцев и большевистские лозунги. Рок играет людьми, и в этой безумной игре нет победителей.

Ганс БЕРНДОРФ
"ШПИОНАЖ"

Закулисье военных буден. Обольстительные светские львицы, за обладание которыми платят государственными тайнами. Офицеры генштаба, ведущие двойную жизнь. Как в шахматной игре - здесь бездна комбинаций, но цена ошибки - смертный приговор.

2005284726

индексы Роспечать:

Исторический бестселлер

СМ

“Детективы СМ”

“Детективы СМ” + “Кентавр”

Каталог российской прессы “Почта России”

10960 “Кентавр. Исторический бестселлер”

10961 “Подвиг”

10922 “Детективы СМ”

45443 Объединенный каталог “Подписка-2005”

44784

05 - 65795

Ольга НИКИТИНА
“ТЕННИСИСТКА”

Все знают, спорт и наркотики несовместимы. Но далеко не все так просто в жизни Юлии, очаровательного тренера по теннису. Здесь и внезапная любовь, и частые поездки в пользующийся дурной славой вольный город Роттердам.

Александр КЛЮЧЕНКОВ
“ЯЩИК ПАНДОРЫ”

Горшок с пальмой падает из окна пенсионера на крутую иномарку. И остаться бы Алексею Ивановичу без квартиры - если бы не фронтальная смекалка и мужество.

ISSN 0130-8149

9 770130 814006

05010 >

